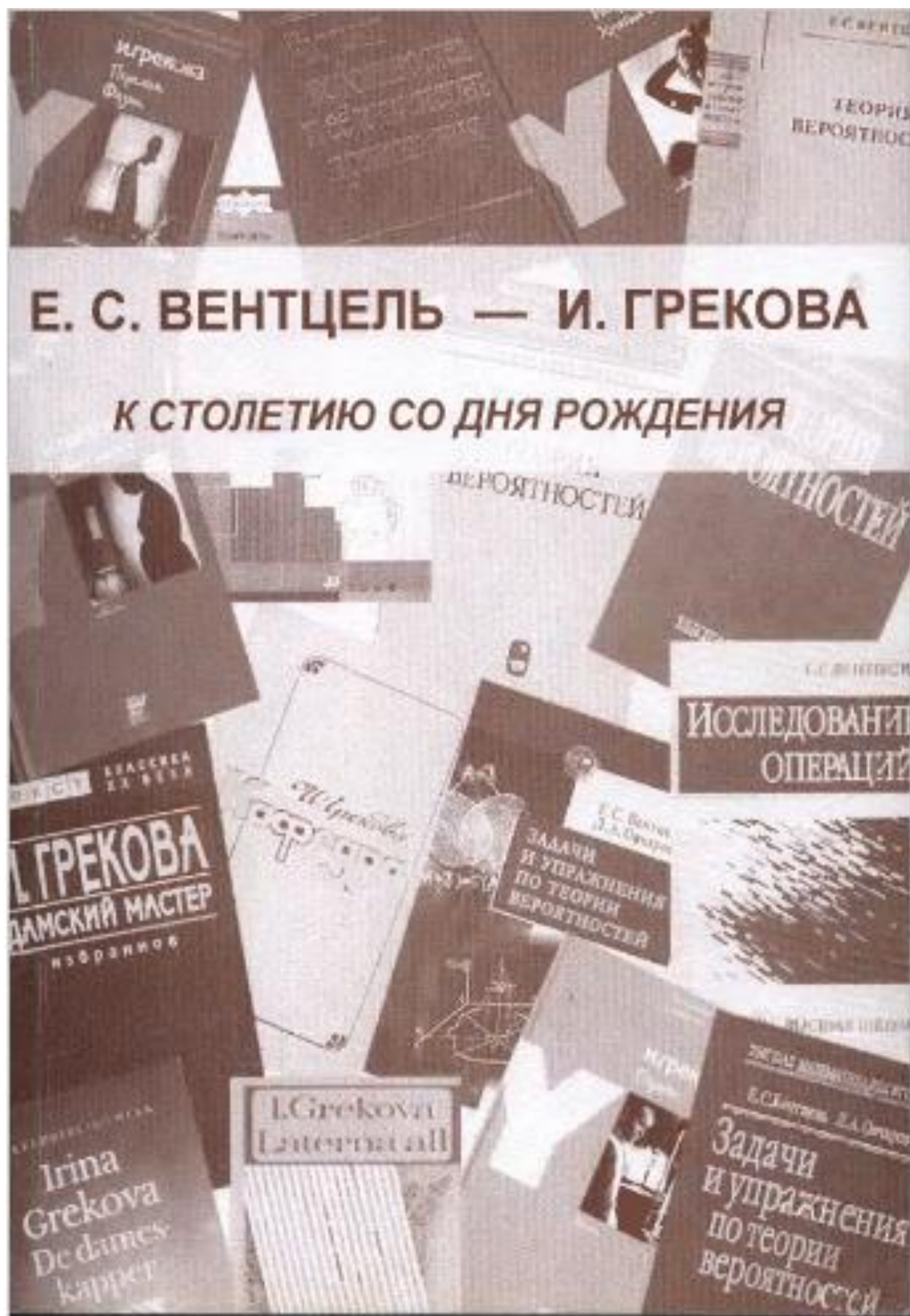

Е. С. ВЕНТЦЕЛЬ – И. ГРЕКОВА

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

МОСКВА 2007

ББК 83.Р7

В 29

Е.С. Вентцель – И. Грекова. К столетию со дня рождения: Сборник. / Сост. Р.П. Вентцель, Г.Л. Эпштейн. – М.: Издательский дом «Юность», 2007. – 240 с. + 12 ил.

Елена Сергеевна Вентцель (1907 – 2002) – известный учёный в области теории вероятности и прикладной математики. Под псевдонимом И. Грекова она вошла в историю русской литературы своей прозой. В сборник вошли редкие и неопубликованные письма и заметки И. Грековой, воспоминания коллег, фрагменты стенограммы обсуждения повести «На испытаниях» в Союзе писателей СССР и другие материалы.

ISBN 5-88653-083-5

ББК 83.Р7

С Вентцель Елена Сергеевна (наследники), 2007

С Авторы, 2007

(Коррекция, 2016)

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Сборник посвящен столетию со дня рождения Елены Сергеевны Вентцель, оставившей яркий след в литературе, образовании и науке. Читатель найдет в этой книге стихи и формулы, статьи ученых и писателей, офицеров и деятелей театра, семейные воспоминания и обсуждение научных проблем. Таково необыкновенное разнообразие направлений деятельности и точек приложения талантов Елены Сергеевны. В сборник включены неопубликованные воспоминания И. Грековой с колоритными зарисовками быта и академической жизни двадцатых годов прошлого века.

Составители приносят извинения за плохое качество некоторых фотографий и дублирование сведений в статьях сборника. Почти все фотографии – очень старые и любительские. Исключение повторов в статьях привело бы к нарушению их композиции.

Мы выражаем глубокую благодарность всем авторам сборника, Дмитрию Владимировичу Кузьмину, принимавшему активное участие в редактировании и издании этой работы, Александре Александровне Раскиной и Александру Дмитриевичу Вентцелю за уточнение фактических сведений и помощь в корректуре ряда статей, а также Василию Борисовичу Зацепину, Борису Львовичу Зеликману, Любви Дмитриевне Новокрещеновой, оказавшим существенную техническую помощь при подготовке книги к публикации.

Р.П. Вентцель, Г.Л. Эпштейн

Я, Вентцель Елена Сергеевна (литературный псевдоним И. Грекова), по своей основной профессии математик, преподаватель высших технических учебных заведений (имею ученую степень доктора технических наук, ученое звание – профессор). Я – автор большого числа книг, учебников и учебных пособий (по теории вероятностей, исследованию операций и т.д). Многие из них переведены на иностранные языки (“Теория вероятностей”, “Исследование операций“, большое и краткое издания, “Теория игр“, “Элементы динамического программирования“ и т.п). Полагая своей основной профессией научную, я <долгое время> не считала возможным публиковать свои художественные произведения.

Писательской деятельностью я не занималась до 1962 года, когда журнал “Новый мир“ опубликовал первый мой рассказ “За проходной“, после чего появилась серия публикаций. По моим произведениям ставились спектакли, теле- и радиопостановки. Последней театральной постановкой, сделанной по моей книге “Вдовый пароход“, был спектакль под тем же названием, поставленный в театре им. Моссовета. На основе этого спектакля была сделана телепостановка в двух сериях, показанная (повторно) по телевидению недели две назад.

В настоящее время я продолжаю работать в обоих направлениях: научном и литературном. Все свои научные работы я публикую под своим настоящим именем: Е.С. Вентцель, а все литературные – под псевдонимом И.Грекова. (Слово “игрек“ в русском языке обозначает неизвестную, которую надо вычислить).

И.Грекова 3.4.89 г

ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА ВЕНТЦЕЛЬ

Елена Сергеевна Вентцель родилась 21 марта 1907 года в Ревеле (ныне Таллинн). Сергей Федорович Долгинцев, отец Елены Сергеевны, был математиком с университетским образованием и преподавал этот предмет в старших классах гимназии. Мать, Ольга Дмитриевна, работала учительницей в начальной школе. Так что педагогический дар и математические способности Е.С. получила по наследству.

Детство Е.С. прошло в интеллигентной, большой (еще двое братьев) и дружной семье. Семейное чтение вслух, серьезные занятия математикой с семи-восемью лет, попытки сочинения с пяти-шести лет – все это развивало с детства природные способности Елены Сергеевны. Отец Елены Сергеевны был ярким человеком с широкими литературными интересами, музыкальными способностями и незаурядным чувством юмора. По воспоминаниям Е.С. он был замечательным педагогом. Мать Е.С. умела скрасить жизнь, одевать и кормить детей в самые трудные послереволюционные годы. По словам Елены Сергеевны, “...Мама была аккуратна до педантичности”. Надо еще отметить одну необычную для маленькой девочки черту, о которой сама Е.С. писала: “Я любила “мальчишеские” игры – ружья, луки, духовые пистолеты. Прицелиться, нажать и попасть! – вот что было моим идеалом.”

В 1913 году семья переехала в Петербург. Школьные годы Е.С. прошли уже в Петрограде. Она училась в одной школе с Дмитрием Шостаковичем, на класс младше. Окончив в 1923 году школу, поступила на Физико-математический факультет Петроградского (позже Ленинградского) государственного университета. В 1929 году получила университетский диплом математика с правом преподавания этого предмета в средней и высшей школе. В этом же году вышла замуж за преподавателя Артиллерийской академии Дмитрия Александровича Вентцеля, будущего выдающегося ученого – артиллериста, автора классических учебников по внешней и внутренней баллистике.

По окончании университета Елена Сергеевна преподавала математику в Техникуме Печати, в Ленинградском горном институте, в Артиллерийской академии, в Ленинградском электрофизическом институте, а также принимала участие в математических расчетах по баллистике и электротехнике..

После переезда в Москву в 1935 году Е.С. Вентцель была принята на должность начальника вычислительного бюро Артиллерийского факультета Военно – Воздушной

инженерной академии Рабоче – Крестьянской Красной Армии, получившей позднее имя профессора Н.Е. Жуковского. С тех пор в течение тридцати трех лет научная и преподавательская деятельность Елены Сергеевны была связана с этим прославленным учебным заведением.

С 1939 года начинается преподавательская работа Е.С. сначала ассистентом, с 1940 года преподавателем, а с 1947 года старшим преподавателем. В 1944 году она защитила кандидатскую диссертацию, а через десять лет стала доктором технических наук. В 1955 году Е.С. Вентцель получила аттестат профессора по кафедре Воздушной стрельбы (как не вспомнить детское стремление “Прицелиться, нажать и попасть!”). С 1968 по 1974 год Елена Сергеевна работала штатным профессором, а с 1974 по 1982 год профессором – консультантом кафедры Прикладной математики Московского института инженеров железнодорожного транспорта (МИИТ).

Первая научная публикация Е.С. появилась в 1941 году в трудах ВВИА (выпуск 81). В этот период научные интересы Е.С. Вентцель были сосредоточены на применении вероятностных методов в целях повышения точности воздушной стрельбы и бомбометания, совершенствования способов пристрелки авиационного вооружения. В 1947 году Е.С. в соавторстве с Б.В. Вороновым и Ю.А. Кочетковым выпустила учебник *Воздушная стрельба* объемом в 35 печатных листов.

В послевоенные годы Елена Сергеевна занималась более широкими проблемами повышения эффективности военной авиации. В это время в Советском Союзе и в США происходило формирование и бурное развитие комплекса математических дисциплин, объединенных названием “Исследование операций”. В 1961 году вышла монография Е.С. Вентцель, Ю.Г. Мильграма, Я.М. Лихтерова, И.В. Худякова *Основы теории боевой эффективности и исследования операций*. В этот же период в Морском сборнике были опубликованы статьи по теории массового обслуживания и методу динамики средних численностей состояний.

Следует особо остановиться на истории создания замечательного учебника по теории вероятностей, который и по сей день остается непревзойденным руководством для инженеров и студентов, впервые открывающих для себя вероятностный мир.

Началось все с внутренних изданий ВВИА им. Н.Е. Жуковского. В 1948 г. *Лекции по теории вероятностей*, в 1949 г. *Элементы теории вероятностей и приближенных вычислений* (совместно с Д.А. Вентцелем), в 1952 г. *Теория вероятностей. Учебник для ВТУЗ*. Наконец, в 1958 г. книга с тем же названием была выпущена Физматгизом и стала доступна широкому кругу читателей. С тех пор на русском языке вышло более восьми изданий учебника, последние в 2006 году сразу в двух издательствах: “Высшая школа” и

“Academia”.. Кроме этого вышли в свет переводы на немецкий, польский, французский, испанский и английский языки.

В чем секрет этой книги? Ведь в эти же десятилетия вышло много учебников и монографий, начиная с *Курса теории вероятностей* Б.В. Гнеденко и кончая книгой *Вероятность* А.Н. Ширяева, в том числе и блестящий (это оценка Е.С.) учебник В.Н. Тутубалина, а *Теория вероятностей* Е.С. Вентцель все вновь и вновь переиздается.

Прежде всего надо сказать о языке книги. Ясный и живой русский язык, прозрачные и динамичные фразы притягивают читателя и подчиняют его авторской воле. Другим важнейшим обстоятельством является точное знание психологии человека, впервые систематически изучающего теорию вероятностей. Такое впечатление, что автор все время слышит вопросы, возникающие у читателя, и тут же отвечает на них. Иногда это делается вопреки сложившейся традиции четкого разделения задач теории вероятностей и математической статистики. Так, глава об определении законов распределения на основе опытных данных следует сразу после введения функций и плотностей распределения. Благодаря этому, основные понятия теории вероятностей становятся более содержательными для специалиста-прикладника.

Принцип заранее спланированного разветвленного диалога Е.С. использовала и при создании *Руководства для пользования программированными материалами по курсу “Теория вероятностей”* (1966).

Еще одна особенность книги. Многие математические труды построены так, что первые главы содержат только вспомогательные утверждения, а основные факты излагаются в самом конце. Поэтому частичное или выборочное изучение материала лишено смысла. Прервав на любой главе изучение *Теории вероятностей* Е.С. Вентцель, читатель остается с законченной суммой знаний определенного уровня.

За счет своеобразной структуры и большого числа содержательных примеров учебник исподволь приучает читателя к методологии практического применения вероятностных методов.

Само отношение Е.С. к теории вероятностей и ее приложениям можно описать фразой Пьера Симона Лапласа “Вероятность - это уточненный здравый смысл.”

Большой отклик в инженерной среде нашли работы Е.С. Вентцель по исследованию операций, особенно книга *Исследование операций* 1972 года, суммирующая цикл работ по линейной оптимизации, динамическому программированию, теории игр, теории массового обслуживания и смежным вопросам.

О.Д. Долгинцева
с Еленой и Ильёй
4 марта 1908 г.

С.Ф. Долгинцев

Димитрий Александрович Вентцель

Список научных трудов Е.С. Вентцель насчитывает около семидесяти открытых и шестидесяти закрытых работ, общий объем которых приближается к трем сотням печатных листов.

Научный стиль Е.С. можно проследить по открытым публикациям в сборниках трудов МИИТа. Перечислим их. “О видоизменении принципа квазирегулярности в уравнениях динамики средних” (вып. 473, 1974), “Об оптимальном управлении процессом переработки сыпучих грузов” (вып. 473, 1974), “Оценка времени задержки поездов по причине неисправности системы автоблокировки” (вып. 640, 1979), “Математическая модель сдвоенной системы массового обслуживания” (вып. 653, 1982). Все эти работы отличает сочетание практической направленности с артиллерийски точным выбором математической модели и логически безупречной техникой получения конечного результата. Каждую из этих статей можно рассматривать как методический образец прикладного математического исследования.

В тот период, когда Елена Сергеевна работала в МИИТе, кафедра Прикладной математики, созданная профессорами Ф.И. Карпелевичем и Л.Е. Садовским, представляла собой уникальный научно – педагогический коллектив, неформальный центр инженерного математического образования в Советском Союзе. Очень сильным был и состав студентов на специальности “Прикладная математика”. Под руководством Е.С. действовало Студенческое консультационное бюро (СКБ). Научные работники и аспиранты инженерных кафедр приходили консультироваться по вопросам математического моделирования технических процессов и устройств. В результате этих консультаций возникло много реальных курсовых и дипломных работ. Студенты – математики получали ценнейшие навыки прикладных исследований, а инженеры – реальную помощь в решении своих задач.

Будучи прекрасным лектором, Елена Сергеевна, тем не менее, считала, что основой высшего образования является индивидуальная работа преподавателя со студентом во время руководства курсовым и дипломным проектированием или путем привлечения студентов к научной работе кафедры. Многие из тех, кому в студенческие годы посчастливилось работать под руководством Е.С., стали авторами серьезных научных трудов.

К коллегам Елена Сергеевна относилась очень доброжелательно, охотно делилась своим огромным методическим опытом, живо интересовалась всем, что происходило на кафедре и вокруг нее.

Обычно, Е.С. в перерывах между лекциями молча сидела в кафедральной комнате, заинтересованно всматриваясь в окружающих очень живыми, блестящими, темными

глазами. Иногда она задумывалась о чем - то своем, и эти минуты раздумья могли завершиться неожиданными заявлениями, порой забавными, а порой очень значительными. Два примера. “Ненавижу баб в математике”, - вдруг сообщила Елена Сергеевна. Естественно, сильная половина кафедры безмолвно развела руками. “А в математике я – не баба”, - ответила Е.С., отличавшаяся неотразимым женским обаянием.

В другой раз Е.С. сказала: “Не страшна цензура запретительная. Вся великая русская литература создавалась под такой цензурой. Страшна цензура указательная.”

В годы работы в МИИТе Е.С. часто приходила на музыкальные концерты. С удовольствием слушала Баха, Гайдна, Моцарта, Бетховена, Шуберта, Шумана, Чайковского. Всячески остерегалась музыки Шнитке. К большому моему удивлению, говорила, что музыка Шостаковича “царапает душу”. Елена Сергеевна не одинока в такой оценке. Вот, что пишет выдающаяся виолончелистка Алла Васильева: “Желая быть искренней до конца, я не могу себя считать пылкой поклонницей его гениальной музыки, и совсем не от того, что она мне не нравится или я ее не понимаю. Просто, я ее инстинктивно сторонюсь, ибо она всегда оказывала и продолжает оказывать сейчас такое сильное воздействие, после которого, как правило, даже пропадает желание жить, при всем моем врожденном оптимизме...”

В статье, посвященной профессору Вентцель, нельзя не упомянуть писательницу И. Грекову. Появление в начале шестидесятых годов журнальных публикаций, а в 1966 году сборника рассказов *Под фонарем* сразу привлекло внимание к новому имени, математический смысл которого был мало кому понятен. Зачитывались *Дамским мастером*, *За проходной*, *На испытаниях*.

В Союз писателей И. Грекова была принята в 1966 году.

Повесть *На испытаниях* вызвала ожесточенную критику некоторых весьма влиятельных “литераторов в штатском”, как тогда называли подобных людей. Служебная характеристика, подписанная 14 мая 1968 года начальником кафедры членом – корреспондентом АН СССР генерал-майором инженерно-технической службы В.С. Пугачевым, вместо традиционного заверения в моральной устойчивости и политической грамотности завершалась таким пассажем :

“ Наряду с указанной выше научно-педагогической деятельностью, Е.С. Вентцель, являясь членом Союза Советских писателей, опубликовала ряд произведений, которые нашли широкий отклик у читателей. Одно из ее произведений подверглось серьезной критике в газете “Красная звезда” и в Академии.”

Как-то Е.С. сообщили, что ее вызывает заместитель начальника Академии по политической части. Точно в назначенное время Елена. Сергеевна. в традиционно строгом

темном платье явилась в приемную генерала. Адъютант тотчас же провел ее в кабинет. Хозяин кабинета любезно предложил ей сесть и сказал: “ Я хочу поговорить с Вами не как генерал и заместитель начальника Академии с преподавателем, а как читатель с писателем.” Е.С. в привычном лекторском темпе, под конспект, медленно и отдельно, ответила: “Первый раз в жизни меня *вызвали* к читателю.” Генерал проницательно заметил: “Видно, разговор у нас не получится.”

Несмотря на “серьезную критику” Е.С. Вентцель в 1968 году прошла в Академии переизбрание на очередной срок, а на следующий день после конкурса подала заявление об уходе и перешла в МИИТ по приглашению профессоров Ф.И. Карпелевича и Л.Е. Садовского.

Сохранилась стенограмма обсуждения повести *На испытаниях* на заседании партийного бюро секции прозы Московского отделения ССП. Самое сильное впечатление оставляют выступления офицеров действительной службы, поддержавших И. Грекову решительно и бескомпромиссно, Олега Бялковского, Олега Георгиевича Газенко, Марка Лазаревича Галлая, Ивана Борисовича Погожева, Владимира Борисовича Соколовского. В то время такая поддержка могла быть для них весьма и весьма чревата, но для истинно достойных людей ссылок на время и обстоятельства не существует.

С 1966 по 1980 год в СССР не вышло ни одного отдельного издания произведений И. Грековой (кроме двух детских книжек). Да и публикаций в толстых журналах тоже почти не было. В эти же годы выходили в свет переводы ее повестей и рассказов на венгерский, польский, немецкий, словацкий, болгарский, шведский, датский, финский и английский языки.

По мотивам повести *За проходной* И. Грековой вместе с Александром Галичем была написана пьеса *Будни и праздники*, которая с успехом шла во МХАТе и была снята с репертуара отнюдь не по творческим причинам.

По повести *Кафедра* был поставлен телевизионный фильм.

Инсценировку повести *Вдовый пароход* первоначально поставил Русский драматический театр **Литвы** в Вильнюсе, а потом театр им. Моссовета. Оба спектакля были тепло приняты московскими зрителями.

Обычно, толчком к созданию произведений И. Грековой были реальные события и человеческие судьбы. Но сила типизации характеров и ситуаций была такова, что читатели легко находили прототипы в своем ближайшем окружении. Мне приходилось быть свидетелем того, как сотрудники разных организаций с жаром доказывали, что именно у них работают прототипы и именно у них имели место описываемые события.

Должен покаяться. При первом чтении я воспринимал произведения И. Грековой как талантливые эскизные зарисовки, которые послужат ценнейшим материалом для авторов будущих эпических романов. Только после нескольких десятилетий я понял, что рассказы, повести и романы И. Грековой это и есть эпос нашего времени, именно то, что так важно сохранить для последующих поколений. В каждом ее произведении под покровом ярких колористических пятен скрывается глубинный смысл, который исподволь, неназойливо проникает в сознание читателя. Книги И. Грековой появляются в книжных магазинах в разделах современной классики и исчезают с этих полок так же быстро, как и учебники Е. С. Вентцель.

В художественном творчестве И. Грековой и во всем облике Е.С. Вентцель поражает удивительная гармония традиционности (по меньшей мере из XIX века) и приятия всего лучшего (или необходимого) в современности.

В беллетристике И. Грековой и в научных трудах Е.С. Вентцель важнейшую роль играет чувство родного языка, этот вечный, неотделимый праздник каждого интеллектуала. Елена. Сергеевна с удивительной легкостью находит языковые парадоксы. На кафедру пришла грозная бумага с требованием "... в течение трех дней выделить человека ...". "В течение девяти месяцев – это можно сделать, но в течение трех дней *выделить* нельзя", – заметила Е.С. На выборах конкурировали Ельцин и Бракков, что дало повод к пожеланию "Не забраковать Ельцина".

Прекрасно владея всеми оттенками русского языка, от областных говоров до профессиональных слэнгов электронщиков и программистов, от архаичных церковно – славянских оборотов до, мягко скажем, раскованного офицерского лексикона, И. Грекова пользуется этим языковым богатством с безукоризненным тактом и чувством меры.

Весь этот огромный объем научно-педагогической и литературной работы сам по себе вызывает изумленное восхищение, но не забудем, что Е.С. вырастила троих детей, в трудные годы Великой Отечественной войны в условиях эвакуации на ее плечи легла забота о сохранении жизни и здоровья большой семьи. Вспомним, что на век Елены Сергеевны пришлось две мировые войны, революция, гражданская война, голодные двадцатые годы, время страшных непредсказуемых репрессий в военно-инженерной среде в тридцатые, долгий период недобросовестной критики в шестидесятые и семидесятые.

В блокадном Ленинграде умер Сергей Федорович Долгинцев, едва выжила Ольга Дмитриевна, оба брата Е.С. были на фронте и один из них погиб в конце войны, в 1955 году скончался Дмитрий Александрович Вентцель, в 1990 году после нескольких лет тяжелой болезни безвременно оборвалась жизнь младшего сына Михаила Дмитриевича, военного инженера-радиотехника. Сколько душевных сил надо, чтобы вынести все это!

Старший сын и дочь Елены Сергеевны стали математиками. Александр Дмитриевич, признанный специалист в области теории случайных процессов, много лет преподавал в МГУ, сейчас – профессор американского университета Тулейн. Доцентом МГУ работала дочь Татьяна Дмитриевна. У Е.С. две внучки, двое внуков, две правнучки и четверо правнуков. “Красавец”, – говорила Елена Сергеевна, глядя на фотографию правнука.

Елена Сергеевна Вентцель скончалась 15 апреля 2002 года.

Что было в конце этой долгой и замечательной жизни? Елена Сергеевна постепенно уходила в себя и от нас. Вместо подробностей лучше воспользоваться музыкальным сравнением. Звучит Адажио из сорок пятой симфонии Гайдна. Горит одинокая свеча на пульте первой скрипки. Мы с теплым и щемящим чувством не отрываем взгляда от трепещущего и медленно угасающего огонька.

(Приводимая ниже библиография не претендует на полноту.)

Список книг профессора Е.С. Вентцель

1. Воздушная стрельба. (в соавторстве с Б. В. Вороновым и Ю. А. Кочетковым) ВВИА, 1947, 35 п. л.
2. Лекции по теории вероятностей. ВВИА, 1948, 15 п. л.
3. Элементы теории вероятностей и приближенных вычислений. (в соавторстве с Д. А. Вентцелем) ВВИА, 1949, 15 п. л.
4. Лекции по воздушной стрельбе. (в соавторстве с Ю. А. Кочетковым) ВВИА, 1950, 15 п. л.
5. Сборник задач по теории вероятностей. ВВИА, 1951, 6 п. л.
6. Теория вероятностей. Учебник для ВТУЗ. ВВИА, 1952, 22 п. л.
7. Теория вероятностей. Учебник для ВТУЗ. Физматгиз, 1958, 35 п. л. (Второе издание 1962, 564 с., ... , пятое издание Высшая школа, 1998, 576 с. , последние издания в 2006)
8. Элементы теории игр. Физматгиз, 1959, 5 п. л. (Второе издание в 1961)
9. Основные понятия теории информации. ВВИА, 1961, 5 п. л.
10. Основы теории боевой эффективности и исследования операций. (в соавторстве с Ю. Г. Мильграмом, Я. М. Лихтеровым, И. В. Худяковым) ВВИА, 1961, 35 п. л.
11. Сборник задач по теории вероятностей. (в соавторстве с Л. А. Овчаровым) ВВИА, 1961, 8 п. л.
12. Сборник задач по исследованию операций. (в соавторстве с Л. А. Овчаровым) ВВИА, 1962, 8 п. л.
13. Элементы динамического программирования. Наука, 1964, 175 с.
14. Введение в исследование операций. Советское радио, 1964, 388 с.

15. Руководство для пользования программрованными материалами по курсу “Теория вероятностей”. ВВИА, 1966, 4 п. л.
16. Теория вероятностей. Задачи и упражнения. (в соавторстве с Л. А. Овчаровым) Наука, 1969, 386 с. (Второе издание в 1973, ... последнее в 2006, 446 с.)
17. Исследование операций. Советское радио. 1972, 551 с.
18. Исследование операций. Знание, 1975, 64 с.
19. Теория вероятностей. Первые шаги. Знание, 1977, 64 с. (На тамильском языке 1989, 203 с.)
20. Исследование операций: Задачи, принципы, методология. Наука, 1980, 208 с. (Второе издание в 1988, последнее в 2006, 207 с.)
21. Методические указания к решению теоретико-вероятностных задач железнодорожного транспорта. МИИТ, 1981, 40 с.
22. Методические указания к решению задач по дисциплинам “Методы оптимизации”, “Массовое обслуживание”, “Исследование операций”. МИИТ, 1984, 24 с.
23. Прикладные задачи теории вероятностей. (в соавторстве с Л. А. Овчаровым) Радио и связь, 1983, 416 с.
24. Теория вероятностей и ее инженерные приложения. (в соавторстве с Л. А. Овчаровым) Наука, 1988, 480 с.
25. Теория случайных процессов и ее инженерные приложения. (в соавторстве с Л. А. Овчаровым) Наука, 1991, 383 с. (Второе издание в 2000 в Высшей школе.)

Научная публицистика

1. Методологические особенности прикладной математики на современном этапе ее развития. Вопросы философии, 1976, № 6.
2. Черты современной научной жизни. Вопросы философии, 1976, № 11.
3. Деловой человек эпохи НТР. Литературное обозрение, 1977, № 3.
4. Компьютер – это еще не всё! “Литературная газета” от 12.3.80. (Совместно с Л. Гуриным, А. Мышкисом, Л. Садовским)
5. Вниз по лестнице престижа? “Комсомольская правда” от 26.7.1981. (Совместно с А. Мышкисом)
6. Кто научит профессора, который должен научить студента? “Комсомольская правда” от 27.2.1988. (Совместно с А. Мышкисом)
7. На путях перестройки высшей школы. “Вестник высшей школы”, 1988, No 10, с. 11 – 14. (Совместно с А. Мышкисом)

Список отдельных изданий произведений И. Грековой

1. Под фонарем (рассказы). Советская Россия, 1966, 159 с.
2. Сережка у окна. Стихи. Детская литература, 1976.

3. Аня и Маня. Детская литература, 1978.
4. Кафедра (Кафедра, Хозяйка гостиницы, Маленький Гарусов). Советский писатель, 1980, 463 с.
5. Кафедра (Кафедра, Хозяйка гостиницы, Маленький Гарусов, Дамский мастер). Советский писатель, 1983, 542 с.
6. Пороги (Пороги, Вдовый пароход, На испытаниях). Советский писатель, 1986, 541 с.
7. На испытаниях (Фазан, Перелом, На испытаниях, Рассказы). Советский писатель, 1990, 621 с.
8. Свежо предание. Текст, 1997, 253 с.
9. Вдовый пароход (Хозяйка гостиницы, Вдовый пароход, Хозяева жизни). Текст, 1998, 349 с.
10. Дамский мастер (Кафедра, Дамский мастер, Скрипка Ротшильда, За проходной). Текст, 1998, 349 с.
11. Кафедра. ЭКСМО, 2003, 318 с.
12. Хозяйка гостиницы. Амфора, СПб, 2005, 365 с.

Некоторые журнальные публикации произведений И. Грековой

1. За проходной Повесть. “Новый мир”, 1962.
2. Дамский мастер. Повесть. “Новый мир”, 1963, № 11.
3. На испытаниях. Повесть. “Новый мир”, 1967, № 7 .
4. Маленький Гарусов. “Звезда”, 1970, № 9 .
5. Хозяйка гостиницы. “Звезда”, 1976, № 9.
6. “Кафедра” напечатана в “Новом мире”, 1978, № 9. 30 августа 1978 года в “Литературной газете” опубликована первая глава повести — “Заседание кафедры”.
7. Вдовый пароход. Повесть. “Новый мир”, 1981, № 5 .
8. Знакомые люди. Рассказ. “Литературная Россия” 1982, 12 ноября.
30 мая 1984 года “Литературная газета” напечатала отрывок из новой повести И. Грековой “Пороги” — “Овощная база”.
9. Пороги. Роман. “Октябрь”, 1984, №№ 10, 11 .
10. Фазан. Повесть. “Октябрь”, 1985, № 9 .
11. Без улыбок. Рассказ. “Октябрь”, 1986, № 11 .
12. Перелом. Повесть. “Октябрь”, 1987, № 8 .
13. Хозяева жизни. Рассказ. “Октябрь”, 1988, № 9 .

Публицистика

1. Не говоря лишних слов. “Литературная газета”, 1983, № 3.
2. Быть “просто женщиной” — это престижно. “Дубна”, 1983, № 10.

3. По-настоящему писать о настоящем. — “Московские новости”, 14 июня 1987 года.

4. Гражданин Туполев. Предисловие к книге: Кербер Л.Л. А дело шло к войне. // "Изобретатель и Рационализатор", 1988-90

5. Надежда на зеленые побег. “Литературная газета”, 1989, № 14.
6. Вера и воспитание. “Московские новости”, 1989, № 22.
7. Что значит “НЕТ” ? “Московские новости”, 1990, № 42.
8. О Фриде Вигдоровой. «Литературное обозрение», 1996 № 3 (257),

Об И. Грековой

1. Menke Elizabeth. Die Kultur der Weiblichkeit in der Prosa Irina Grekovas. Munchen, 1988.
2. Овчаров Л.А. Феномен Елены Сергеевны. “Авиация и космонавтика”, 1994, № 5-6.
3. Кузьмин Д. Свежесть предания. “Книжное обозрение”, 1995, № 9.
4. Первухина Н. “Свежо предание” новый роман И. Грековой. “Русская мысль”, 1995, № 4099.
5. Костырко С. Кривая Пеано. “Новый мир”, 1996, № 6.
5. Зотов И. Теория вероятностей. “EX LIBRIS”, 1997, № 4.
6. Шеховцова Н. Тайна писателя И. Грековой. “Аргументы и факты”, 1998, № 33.
7. Кузьмин Д. Пути русской культуры. “Русская мысль”, 2002, № 4406, 25 апреля.
8. Озерова К. Все, что талантливо и правдиво... “Панорама”, 2002, 24-30 апреля.
9. Ицкович С. Между прошлым и будущим. “Новое русское слово”, 2002, апрель.
10. Памяти Е.С. Вентцель. “Теория и системы управления”, 2002, № 6.

Выражаю глубокую благодарность Р.П. Вентцель за доброжелательную помощь в сборе биографических сведений и полезные замечания по тексту статьи.

< АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ФРАГМЕНТЫ >

...Главной целью, главной задачей всей моей жизни было доказать, что мы, женщины – не хуже мужчин. Началось это еще в раннем детстве. “Почему, ну почему я не мальчик?” – эта нота звучала во мне постоянно, с четырех-пяти лет. И в дальнейшей жизни – тоже. Я любила “мальчишеские” игры – ружья, луки, духовые пистолеты. Прицелиться, нажать и попасть! – вот что было моим идеалом.

... Нелюбовь к украшениям осталась во мне до сих пор: никогда не носила ни колец, ни браслетов... Я всю жизнь жила под давлением одной и той же мысли: “Не быть хуже мужчин! Не отстать от них, чего бы это не стоило!” Эта идея не помешала мне вовремя выйти замуж, родить троих детей, но все это было как бы аккомпанементом к моей подлинной жизни. Она была – в “Деле”, как я его теперь понимаю. Быть в жизни равной с мужчинами, кое в чем даже превосходить их – вот что было моим флагом, девизом моей юности, зрелости, отчасти поздних лет.

По образованию – я математик... Это, видимо, было уступкой отцу, которого я любила больше всех на свете. Он-то сам, кончивший Университет с надеждой на аспирантуру (помешала ранняя женитьба, семья, заботы) – он непременно хотел, чтобы кто-то из его детей сделал научную карьеру. (У меня было два брата: старший, Илья и младший, Николка.) Пробовал он со всеми троими – способной (умеренно) оказалась я одна. Когда мне было 7-8 лет – он уже изучал со мной высшую математику (он был уверен, что она проще элементарной). С братьями ничего подобного не получалось, и он сосредоточил все свое внимание на мне одной. Способности у меня были, но умеренные – хорошая память, склонность схватывать все на лету.

Сам он, математик по образованию, научной карьеры не сделал, скромно преподавал математику в старших классах гимназии. Педагог он, видимо, был выдающийся. Никто в моей жизни не был таким педагогом – в слабой мере я от него унаследовала эту черту. (“Пишет так, что ее не только люди, но и начальство понимает”, – говорил один из моих сослуживцев по Академии Жуковского.) Так что, внешне, я была прирожденным математиком. А внутренне я больше тянулась к литературе. Так и сложилась моя дальнейшая жизнь – между математикой и литературой. Теперь я благодарю Бога за то, что он уберег меня от литературы... Там, как и в любой гуманитарной науке того времени, необходимо было “лгать” в той или в другой форме. А нам, математикам, “жить не по лжи” давалось просто. Пробраться через частокол формул было настолько трудно, что никто (кроме самых бездарных) не профанировал науку.

А Сталин (при всей своей необразованности почти во всех науках) умел “делать вид”, что кое-что понимает. До математики он, слава Богу, не добрался. Хотя, черт его знает – проживи он несколько дольше – возможно, добрался бы и до математики. Так и вижу заголовок в газете: ”Об идеологических извращениях на нашем математическом фронте.”...¹

... Жили мы в Петрограде (уже не Санкт-Петербурге, еще не Ленинграде). Одно из самых ранних моих воспоминаний – годы “военного коммунизма”. Впрочем, тогда мы не называли его ни “коммунизмом”, ни тем более “военным”, это название потом придумали. Просто было плохо, скудно, голодно...

... Отец мой, истинно и праведно православный человек каждый день заставлял нас выслушивать “молитву перед едой”: только после нее было можно приступать к поглощению того ничтожно малого, что лежало на наших “тарелках” (затейливо вырезанные куски бумаги). А что на них лежало – трудно описать: кусочки жмыха, кожица от кем-то съеденной рыбы, кусочки чего-то несъедобного, пахнувшего мускусом (до сих пор запах мускуса возбуждает во мне волну детских воспоминаний). После еды мама аккуратно “убирала со стола”, складывая “тарелки” в “запасный ящик” – сборище того, чем надо было топить буржуйку. Вообще, мама была аккуратна до педантичности...

Что-то неизменно-детское было в облике моего отца. Более смешливого человека я не видала во всю мою жизнь. Каждая мелочь, каждая пылинки были для него источником смеха. Он умел как-то по странному произнести, вывернуть, “выправить” любое слово. Он и тогда был, и потом, и до сих пор остался самым любимым человеком за всю мою жизнь. Небольшого роста, зеркально-лысый, он постоянно (в зимнее, скорее, время) носил на голове “тиару” – странное сооружение, сделанное мамой из колпака для чайника. По верху “тиары” проходил гребень – он как бы увенчивал торжество происходящего. Как хорош он был в своей “тиаре” – полусерьезный, с негаснущей усмешкой на губах, когда он рассказывал: “Иду по улице. Вижу надпись: “Не скопляться!” Шел и все время скоплялся. И никто этого не заметил. Не арестовали.”...

Набожность свою он соединял с юмором, а что может быть прелестнее такого соединения?..²

¹ Из неопубликованного чернового наброска И. Грековой.

² Из статьи “Что значит “Нет”? О пользе юмора в трудные времена” (“Московские Новости” № 42, 21 октября 1990 г.).

ЛЕНИНГРАДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В 20-х ГОДАХ

Я – по возрасту старше, чем большинство живущих в настоящее время людей. Я родилась в 1907 году и в 1923 году, шестнадцати лет от роду, поступила в Ленинградский (тогда еще Петроградский) Университет. Прошло еще только несколько лет после Революции. Университет – одно из светлейших воспоминаний моей жизни. Все было прекрасно – окружающая нас действительность, новый строй (НЭП), который еще только пробивался сквозь мрак военного коммунизма. Полная наша освобожденность, раскованность. Или это оттого, что над нами властвовала юность? Нет, не думаю. Возможно, сейчас есть люди, вспоминаящие с отрадой и страшные года – 37-й, 38-й... Хотя в те времена уже было страшно по-настоящему. Как забыть грозный ночной стук сапогов по лестнице (уж не за нами ли?). Как забыть вздох облегчения, когда шаги проходили мимо? Не за нами, значит, на этот раз? А мы были счастливы, хотя и голодны, и неодеты.

Весь Ленинградский Университет умещался в одном-единственном доме – петровских Двенадцати коллегиях. Узкий фасад выходил на Неву, а вглубь Васильевского острова тянулось длинное-длинное, нескончаемой длины здание. Вдоль лежал длинный, впору ему, непроходимый сад. Входа в этот сад почему-то не было (неясно, как туда проникали садовники, если таковые были, вернее всего, их просто не было). Нечто захламленное, напоминавшее собой плюшкинский сад. Но что сад? Нашим любимым местом в Университете был коридор второго этажа. Бесконечной длины коридор, полный людьми, встречами, радостями. Называли мы друг друга только что приобретенным словом «коллега» (какое счастье!).

Это был как бы наш «второй Невский» («И кого только не встретишь на Невском Проспекте?» – спрашивал, кажется, Гоголь). Человек, стоявший в другом конце коридора, казался отсюда букашкой. Вдоль коридора шли, смеясь и радуясь, студенты всех факультетов. Шли, нарядные и напудренные, белея носами, студентки-фоновки («фоном» тогда назывался филологический факультет³). Шли студенты-биологи с какими-то клетками, где, кажется, трепетали птицы. Вдоль стенок коридора стояли всегда запертые книжные шкафы (не библиотечные, книги из них никому, сколько я понимаю, не

³ Собственно, ФОН – факультет общественных наук, возникший в 1919 г. в результате реорганизации Петроградского университета и состоявший из шести отделений: литературно-художественного (филологического), исторического и др. – Здесь и далее, кроме особо отмеченных случаев, примечания редакторов.

выдавались). Они стояли, как бы мигая тусклой кожей старинных переплетов со следами кое-где сохранившейся позолоты. Идя по коридору, мы словно погружались в затейливую старину.

Коридор был общим для студентов всех факультетов, этакой нескончаемой вольницей. Тот курс – математический, – к которому я принадлежала, был по своему составу почти сплошь мужским (из 280 человек было у нас всего пять девушек). Ныне в вузах учатся преимущественно девушки. Более приспособленные к нынешним, скорее формальным, требованиям, они более усердны, усидчивы, легче выучивают (почти наизусть) то, что написано в книгах. Тогда было не так. Математика считалась «сухим» предметом, а девушка, занявшаяся ею, – таким вырождением. Выдающихся женщин-математиков и теперь мало – примерно столько же, сколько женщин-президентов. Причины общеизвестны (дети, их воспитание, хозяйство и др.). А в математики я пошла из-за своего отца. Математик по образованию, он мечтал хоть кого-то из своих детей видеть продолжателем своего дела. Из нас, троих детей, я была, пожалуй, наиболее к этому приспособлена...

Итак, 5 девушек на курс в 280 человек. Естественно, вниманием мы пользовались необычайным. Группа мужчин и одна девушка. «Собачья свадьба» – бурчал недовольно старик-сторож у парадного входа. Так и помню наше человеческое стадо, перебегающее по Дворцовому мосту на другой берег Невы, наши шутки, наши анекдоты, наш непрекращающийся смех. Все почему-то казалось тогда смешным до уморы.

Цвет Зимнего дворца был темно-красный, с прочернью, переходящей в обугленность. Тогда, перед революцией, было модно все казенные здания красить в темно-красный цвет. Таким же, темно-красным, с уклоном в угольно-черный, был и наш Университет. А перед зданием, широко распростертая, лежала Нева. Темно-синеватой вижу ее в памяти. Мы, полуголодные, а то и вовсе голодные студенты, радовались жизни. НЭП только что вступил в свои права, в стране было много безработных, но заработать себе на жизнь не представляло большого труда. Студенты-мужчины нашего факультета зарабатывали разгрузкой и погрузкой барж на Неве, железнодорожных вагонов (баржи считались выгоднее). А мы, девушки? Кто как. Я, например, давала уроки математики. У меня училась очень молоденькая вдова умершего нэпмана («опять твоя вдова пришла!» – говорили братья). Она совершенно не знала математики, приведение дробей к одному знаменателю было для нее трудно. Но все-таки надеялась, одолев премудрость, поступить куда-нибудь учиться по-настоящему. «А не примут ли меня к вам на факультет?» – робко спрашивала она. «Пожалуй, пока нет», – отвечала я. Был у меня еще один ученик,

невероятного роста, звали его Тиша. С ним я проводила время еще бесплоднее, чем со «вдовой»...

В те времена мы совсем не чувствовали страха. Отсутствие страха – главная черта тех времен. Голод и отсутствие страха.

Были же у вас стипендиаты? – могут меня спросить. Да, были, но в резко ограниченном количестве. Стипендиатами были «комсомольцы сверху», собиравшиеся где-то на третьем этаже и решавшие какие-то мировые вопросы. Их в нашей среде почему-то не было. Их дела были «общественными», нас не касались.

Главным ощущением, которое я вспоминаю, думая о том времени, была гордость. Гордость за то, что у нас – все по-новому. Никаких торжеств, никаких «свадеб». Почему надо праздновать, если двое людей решили жить вместе? Это – их личное дело. Гордость была еще и за то, что мы отменили все «буржуазные» предрассудки. Происхождение? – Чепуха! Церковь? – Еще глупее. Как правило, женившиеся не меняли фамилий, в крайнем случае жили на разных квартирах. Личное дело каждого! Я была небольшой девчонкой тогда (две косы по плечам), но железное правило: «не посвящать никого в свою личную жизнь» оставалось для нас <, действительно,> железным. Не стесненные никакими правилами, мы жили сами для себя, никому ни в чем не отдавая отчета. А в смысле нравственности – мы были куда нравственнее, чем современная молодежь. Или мне это сейчас так кажется?

Коридор делился на участки, по факультетам. Нашему принадлежали две крохотные комнатки где-то близко к середине коридора. Была там девушка-библиотекарьша, выдававшая книги, и грандиозный бюст Николая Ивановича Лобачевского, спрятавшего навеки свой крутой подбородок в торчавшие складки жабо. Кстати, готовясь к экзаменам, не принято было спрашивать, на каком языке написана книга, по которой надо было готовиться. Не знаешь языка? Так выучи! Усваивая математику, мы попутно изучали еще и языки. Французский, немецкий, иногда – английский, реже – итальянский. Незнанием языка не было прилично хвастаться, как теперь.

Как нас переводили с курса на курс? Довольно беспощадно. Существовало две программы для каждого курса: «минимум» и «максимум». Студент, сдавший минимум, переводился на следующий курс условно.

Зато не сдавший минимума отчислялся немедленно. Фамилия не сдавшего вывешивалась на всеобщее обозрение, после чего он мог делать все, что угодно. «Телефонного права» в то время не существовало. Да и были ли у нас телефоны-то? Не припомню.

Вспоминаю курьезную историю о том, как у нас с первого курса на второй был переведен студент, оказавшийся ... неграмотным! Его прислали в Ленинград учиться из какого-то дальнего села. Учиться так учиться! Спросил, где тут учатся, – ему указали на здание ЛГУ. Он вошел, каким-то образом привязался к нашему курсу, достал себе тетрадку и карандаш и принялся за занятия. Похож он был на слона или на Илью Муромца. Садился обычно сзади всех, брал карандаш и, глядя на окружающих, что-то в своей тетрадке выписывал. Все кругом пишут – писал и он. Пришла пора переходить ему на второй курс – его перевели "условно", как не сдавшего максимума. И только спустя полгода выяснилось, что он не умеет подписать даже своей фамилии. Дальнейших подробностей его «обучения» в Ленинграде я не знаю... Думая о нем теперь, я вспоминаю только его безграничное, ничем не пробиваемое терпение...

«Учебных планов», как таковых, у нас не было. Профессора читали в разные годы разные курсы, в соответствии с их личным увлечением за последние годы. Так возникали, сменяя друг друга в нашем профиле, какая-нибудь «Арифметическая теория алгебраических величин», «Теория параллелоэдров», «Геометрия Минковского» и т. п. Против каждого предмета шла одна строка, где рукой профессора выписывался «зачет»; да, именно «зачет» и ничего больше. В ходе моего учения в Университете был ряд попыток ввести «балльные» оценки, вроде «неудовлетворительно», «удовлетворительно» и «весьма удовлетворительно», но мне как-то не повезло: моя дипломная работа по теории чисел попала как-то во впадину между двумя попытками «балльных оценок» и получила титул «удовлетворительно», что многие годы сильно меня смущало (теперь это, естественно, уже позади).

А что это был за аттестат об окончании вуза! Слепо и тускло напечатанный на полудохлом листе ватмана, с ошибками в названиях предметов... Оканчивая Университет, я довольно много времени провела с каким-то свиномордым «проверяющим», который, как и большинство «проверяющих», понятия не имел о том предмете, который «проверял». Я долго и тщетно пыталась втолковать ему, что в таком-то году такой-то предмет звался так-то, он только нюхал воздух и «не доверял». Кончилось это тем, что я ему сказала: «Буду жаловаться на вашу некомпетентность», после чего он мне быстро и спешно проставил зачеты по всем предметам и сказал: «Иди!» Труднее всего ему далась фамилия «Galois», которую он несколько раз переделывал. Недоразумения с моим аттестатом на этом не завершились: несколько лет спустя, проверяя мои документы, другой свиномордый (очень похожий на первого) остановился на строке «Теория идеалов» и стал убеждать меня, что такой теории («идеализм!») не может быть в советском вузе... Я попыталась дать ему точное математическое определение «идеала»

(черт его знает, я уже сейчас его не помню!), но он упорно твердил, что «Идеал» – слово несоветское, даже антисоветское. Как-то я его уломала, и меня пропустили в заведение, где как раз в это время была явная нехватка кадров...

Тогда я поступила в заведение, носившее загадочное название «Остехбюро». Видимо, «Особое» и, видимо, «техническое». Оригинальное место было это Остехбюро. Работавшие в нем люди не могли между собой общаться, их рассаживали по разным комнатам (каждая – на запоре). Чем я должна буду заниматься? – спросила я у своего начальника. «Придумаете что-нибудь!» – отвечал он. Комнаты были узенькие и тонкие, похожие на кельи. В каждой из них человек мог делать все, что ему приходило в голову: писать, читать, считать; единственной его обязанностью было получить у «проверяющей барышни» в начале рабочего дня бумагу по счету листов и ей же под конец дня сдать бумагу, тоже по счету листов. Главное было в счете листов: как бы не пропал какой-то листочек. Делать мне было решительно нечего. Никакой работы мне мой начальник не поручал, да вряд ли и мог поручить, так как в математике был безграмотен до предела. Скрывая это, он долго делал вид, что понимает, но в один прекрасный день, расчувствовавшись, сообщил мне, что «не его это сучье дело»... Теперь мне кажется, что наше Остехбюро было каким-то зачатком тех колоний умственного труда (шарашек), которые так художественно расписаны в ряде произведений нашей новой литературы. Я должна была по восемь часов в день отсиживать в моей «кеleyке», настолько тесной и узенькой, что мимо стола можно было проходить только ужавшись. В общем, это мне надоело, и я решила уйти из своего уединения. В один прекрасный день я явочным порядком оказалась не в своей «одиночке», а в «канцелярии», где продолжала работать над теми же подсчитываемыми листами бумаги. Указаний от своего начальника (кажется, Александра Николаевича) я больше не получала. День я проводила в болтовне с делопроизводителем канцелярии, некой Вероникой Евсеевной Вульфович (впоследствии – Дублицкой), и мы развлекались с нею разговорами на разные темы. Главное, она была влюблена и всячески мучилась между настоящим мужем Вульфовичем и будущим – Дублицким. Вероничка – хрупкая, прелестная – была олицетворением женской слабости, беспомощности, обаяния. В дальнейшем ее судьба сложилась трагически. Она ушла-таки от своего первого мужа и соединила свою судьбу с Дублицким. Вначале все было как будто очень хорошо. Наряжалась, кокетничала, упивалась дорогими нарядами. Ее удачливый супруг успешно провел

ледокол «Федор Литке» Северным морским путем⁴. После этого его посадили. Была арестована и Вероничка – ЧСИР (член семьи изменника Родины). Последний раз я ее видела уже в Москве – в одной из московских больниц. Слаба она была настолько, что не могла приподнять руку. Там она рассказала мне (шепотом), что была на «общих работах», целыми днями по колено в грязи, в топи. Ее рассказы об «общих работах» – незабываемы. Чуть ли не накануне своей смерти она подняла тeneвую свою руку и сказала: «Вот что они со мной сделали!» А я уже и тогда ненавидела смертной ненавистью ту пародию на «социализм», которую нам устроил Сталин...

Однако вернемся к Университету 20-х годов. В то время в стране, как и полагается после Революции (а нас от нее отделяли 6 лет!), нас «перестраивали», а мы сопротивлялись. Сопротивлялась, как ее полуофициально называли, «белогвардейская профессура». Она свирепо отстаивала право студента ходить только на те лекции, которые он сам для себя выбирал. У нас, например, было «модно» ходить на лекции Ореста Даниловича Хвольсона⁵, одного из известнейших физиков тех времен. Это был низенький старичок, осиянный лысиной. Он читал лекции, сидя в кресле, а его ассистент (кто-то из студентов-физиков) писал за него формулы на огромной, поднимающейся-опускающейся доске. Сам Орест Данилович за все время лекции не менял позы, только направлял свою огромной длины указку на ту или другую формулу. Лекции его всегда собирали огромную студенческую аудиторию. Каждую из них можно было слушать отдельно, как литературное произведение, безотносительно ко всему курсу. Видимо, так, кажется мне и сейчас, надо лекцию строить отдельным самостоятельным литературным произведением, чтобы она минимально цеплялась за все раньше изложенное.

Большой популярностью в студенческой среде пользовались также лекции Евгения Викторовича Тарле⁶. Он умудрялся так построить каждую свою лекцию, что из нее можно было вывести всевозможные следствия – только думай! Он читал нам историю глубокой давности, но в такой прямой перекличке с настоящим, что это само по себе заслуживало внимания. Думаю, что и он тогда не был слепым обожателем партии. Но в жизни ему везло... Мы его слушали, ахали и радовались.

⁴ Константин Александрович Дублицкий – известный советский полярный моряк. Полярная экспедиция парохода "Федор Литке" была предпринята в 1929 г. для снятия с острова Врангеля группы зимовщиков, у которых заканчивались запасы продовольствия.

⁵ О.Д. Хвольсон (1852–1934) – почетный член АН СССР (1925), автор многократно переиздававшегося многотомного "Курса физики".

⁶ Е.В. Тарле (1874–1955) – историк, академик АН СССР (1927). Подвергся репрессиям в начале 1930-х гг., однако после 1933 г. был возвращен из ссылки и стал самым популярным историком сталинского времени.

Любили студенты-математики и посещать сборища «Вольфилы» («Вольной философской ассоциации»), где известные в то время поэты читали свои стихи и где делались доклады на разные исторические темы⁷. Тогда, мне кажется, мы были ближе к единению точного и гуманитарного образования, чем теперь.

Как уже было сказано, страна только-только еще повернула к НЭПу. Непродолжителен был этот НЭП, промелькнул – и нет его. У нас принято часто вспоминать то время. Логика простая: «Если было возможно тогда, почему невозможно теперь?» Нет, история себя не повторяет. За 72 года нашей полной безнравственности успел сформироваться тип бесстыдного хапуги, не стесненного ну никакой нравственностью. В начале 20-х годов облик бесстыжего «жлоба» еще не приобрел таких страшных черт, которые есть у него теперь. Как мы тогда относились к «правлящей верхушке»? Отношение было скорее снисходительное, юмористическое. Страна шла вверх – и, естественно, «мы», созерцавшие все это снизу, не могли не ощущать этого восходящего движения. Сквозь все курьезы, все «новшества».

Наблюдать «эпоху расцвета НЭПа» мне как-то не приходилось.

Помню, что ни малейшей зависти к тем, кто был «обласкан» его прикосновением, у нас не было. Мы входили в эпоху НЭПа из таких дебрей военного коммунизма, что внезапное «воскрешение» страны воспринималось как чудо. Пусть дорого, но можно было купить почти все, что хочешь. Мою скромную зарплату со «вдовой нэпмана» я целиком вносила в семью, главным образом, на конину – прекрасный образ, розовато-голубой кусок мяса с синими прожилками. Голод? Ну, конечно, это был голод, но смягченный, усмиренный прошедшими годами.

Продвижение страны «вверх» воспринималось как абсолютное благо.

Нет, у нас не было ни малейшей зависти к тем, кто жил тогда «лучше» нас. Было страстное желание получить работу – какую-нибудь, сносно оплачиваемую. Сегодняшнее стремление всех накормить, всех обеспечить – было для нас тогда чуждо. Мы предпочитали слегка подголаживать и веселиться. Голодна и весела была вся страна (или мне это сейчас чудится, сквозь тьму веков? Вряд ли). Голод и хохот. Смеяться было принято надо всем – и над курьезами университетской жизни, и над полуофициальной кличкой «белогвардейская профессура», и над отъединенностью от нас «верхних» студентов, творивших там свою полупонятную «общественную работу»... Голод и смех. Что касается арестов, задержаний и преследований – все это нас не касалось, происходило

⁷ Вольная философская ассоциация во главе с Андреем Белым собиралась в Петрограде с 1919 по 1924 гг., объединяя широкий круг мыслителей и деятелей различных видов искусства.

где-то «вовне»... Разгул террора в 20-е годы был для меня новостью – я уже гораздо позже узнала о нем из <книг> Солженицына...

В общем, наше отношение к «власти» было снисходительно-смешливым: источник курьезов, и только.

Как и любая Революция, наша тоже сопровождалась судорогами «перестроек» (вводили одно, выводили другое, скатывались к третьему), но в математике «делать новое» было куда труднее, чем в гуманитарной науке. Начало курса «Введение в высшую математику», а потом «Анализ 1», «Анализ 2», «Теорию множеств», «Теорию функций действительного переменного» и несколько других курсов, названия которых я уже подзабыла, читал у нас Григорий Михайлович Фихтенгольц⁸. Да будет отсюда, из глубокого будущего, благословенно его имя! Хорошо иметь в юности Учителя – он таким для нас и был. Мы были (не только девочки, но и мальчики) бессовестно в него влюблены. Возраст его был непонятен, непостижим, да какое значение имеет «возраст», когда речь идет о кумире! Для нас тогда, полуребят, всё, что за тридцать, кажется уже бездною старости. Наш кумир вне возраста, вне вопроса о нем.

Во-первых, он необычайно хорош собой. В Университете тех времен раздевалок не было, но он появлялся перед нами всегда во всеоружии (где он только хранил свои одежды?). Всегда в тщательно отглаженном костюме (синий с мелкой, иголочной полоской). Летом и зимой – всегда в этом костюме (иным я его не вспоминаю). Зимой Университет не топили, а ему – хоть бы что! Он темноволос, бородат, виски белые, концы усов – почти белокурые...

Наш кумир великолепен. Мы ему прощаем великолепие, как тогда прощали бы все. Велик настолько, что произносит греческие буквы на каком-то не то эразмовском, не то рейхлиновском диалекте⁹: вместо «ню» говорит «ни», вместо «мю» – «ми». Подражая ему, мы так же называли греческие буквы (чего мне стоило, много лет спустя, от этого отучиться!). Но Фихтенгольц в нас не уступал никому.

Никогда не опаздывает, никогда не приходит раньше времени. Спросишь его: «Можно зайти к вам на консультацию завтра?». Вынет блокнотик, отметит там тоненьким карандашиком что-то и скажет: «Завтра, между двенадцатью и четвертью первого». И завяжет узел на своем белоснежном платке. Белоснежность этого платка мне, питомице малоимущей, часто подголадывающей семьи, кажется сродни белизне облаков на

⁸ Г.М. Фихтенгольц (1888–1959) – математик, основатель кафедры математического анализа ЛГУ, автор популярного учебника "Курс дифференциального и интегрального исчисления".

⁹ Эразмовским и рейхлиновским (по именам средневековых ученых Эразма Роттердамского и Иоганна Рейхлина) традиционно называются два основных способа чтения древнегреческих текстов; в одном из них, рейхлиновском, буква ипсилон древнегреческого алфавита передается звуком "и".

голубом небе. А иногда, завязав узелок, улыбнется так приветливо, что я след этой улыбки ношу в себе целую неделю... Улыбается так прелестно, что потом долго-долго чувствуешь себя счастливой («а это Фихтен мне улыбнулся!»). Улыбнуться ему в ответ я не смею, только краснею, отчаянно, до слез. Куда потом подевалась моя способность краснеть? Он ко мне по-своему благоволит, даже считает способной, но не верит в мое математическое будущее: слишком легкомысленна. Например, могу два часа подряд заниматься тем, что встряхивать головой и смотреть, как покачиваются, свисая с полей шляпы, шнурки с кисточками. Шляпа (горшком, по тогдашней моде) куплена на честно заработанные деньги (вдова нэпмана!). «Могли бы быть, но не будете математиком», – сказал он мне однажды (и как в воду глядел – не стала!¹⁰).

Единственное, чем я отличалась от других студентов – это владением речью. Григорий Михайлович, шутя, устраивал с нами «практические занятия» по речи. Предлагал нам, например: «Изложите содержание такого-то раздела курса за 20 минут». Вынимались часы, и он, придирчиво следя за стрелками, отсчитывал 20 минут. Кое-как мы с этим справлялись. «Ладно. Теперь – то же самое за 10 минут!»... Вот в этих упражнениях я всегда оказывалась лучше других. «В вас что-то есть, – говорил Григорий Михайлович, – только не возьму в толк, что именно. А может быть, и вообще ничего нет». Господи, как я отчаянно краснела! Что бы я не отдала за такую способность сегодня, когда есть за что краснеть! «Не написала письмо, не подписала, молчала, когда все кидались на одного...» Да, Д.С. Лихачев прав: каждому из нас есть за что повиниться. Но только не в одинаковой мере...

В своих полузанятиях Григорий Михайлович играл нами, как кошка – мышью. То полуиздохнет «будущий математик», то лежит, задравши лапки кверху. Написание греческих букв было для большинства (получивших полуобразование в сельских школах) непреодолимой трудностью. Как запомнить, что у буквы «кси» два животика, а у «дзета» – один? «Наши греки» – говорил про них Григорий Михайлович. Впрочем, в разношерстном и многообразном студенческом стаде было трудно выделить будущих настоящих математиков, а ведь такие были. Исидор Натансон¹¹, Дмитрий Фаддеев¹², да еще целый ряд других должны быть благодарны Университету 20-х годов, давшему им хоть и несистематическое, но разнообразное образование. Современному студенчеству я могу поставить в вину их незаинтересованность в предмете обучения, их формализм, пристрастие к затверженным формулировкам. В нашей – 20-х годов – системе

¹⁰ Вероятно, Елена Сергеевна имеет в виду, что стала доктором *технических наук*.

¹¹ И.П. Натансон (1906–1964) – математик, специалист по теории функций и математическому анализу.

¹² Д.К. Фаддеев (1907–1989) – математик, член-корреспондент АН СССР, специалист по алгебре и теории чисел.

образования меня поражала свобода. Та, которой так не хватает сегодняшнему студенчеству. Эта студенческая вольность, полученная в самом начале обучения, всегда висела надо мной этакой «приманкой вольности»... Мы были голодны, но вольны в самом широком смысле слова. Психология современного студенчества кажется мне рабской...

Напомню – дело было в начале 20-х годов, в стране недавно произошла Революция, и, несмотря на сопротивление «белогвардейской профессуры», кое-что менялось. С одним из представителей «красной профессуры» нам пришлось встретиться лицом к лицу. Это был «профессор» по фамилии Лейферт. Ему было поручено читать у нас раздел математики, называемый «интегралами».

Естественно, мы все собрались на первую лекцию. Лейферт, среднего роста, полноватый субъект. Явившись первый раз в нашу аудиторию, он сказал: «Довольно, товарищи! Я вам буду читать курс красных интегралов».

В зале засмеялись. «Ничего тут смешного нет! – закричал Лейферт. – Интегралы, как и другие вещи, бывают «красные» и «не-красные». Я вам буду читать ярко-красные интегралы. Забудьте всё, чему вас учили до сих пор. Все вопросы мы будем решать не доказательствами, а голосованием. А единственная книга, которая вам будет нужна, – это справочник Хютте для инженеров» (была тогда такая универсальная книга, содержащая все математические формулы, разумеется, без доказательств)¹³. Читая свои лекции, Лейферт не выпускал из рук справочника Хютте. Оттуда он брал формулы. А кроме формул, вставлял еще собственные «философские» размышления, вроде, например, такого: «Единица – это число буржуазное (палец кверху: «один царь, один!»). «Два» объявлялось числом «переходным» («единство противоположностей»), а вот три – это было число «пролетарское», ибо «трое – это уже коллектив!». Выписывал из справочника Хютте то одну формулу, то другую. Выписав, он кричал: «А ну-ка, товарищи, голоснем!! Кто за то, что эта формула верна? Поднимите руку! Кто против? Ничтожное меньшинство. Кто воздержался? Еще меньше! Итак, большинством голосов формула утверждена. Запишите ее в своих тетрадях!»

В какой-то (ограниченной) степени он даже был способен менять обозначения. Например, «икс» на «игрек». А вот с греческими буквами у него был конфуз. Он заявлял, что они – признак нашего устаревшего «семинарского» прошлого, и нередко пропускал формулу, наполненную греческими буквами (впрочем, в справочнике Хютте такие

¹³ "Хютте. Справочная книга для инженеров, архитекторов, механиков и студентов" – справочник, с 1857 г. издававшийся в Германии студенческой корпорацией "Хютте"; был переведен на русский язык и многократно переиздавался вплоть до 1936 г.

встречались нечасто), в операции замены одной буквы на другую он нередко «плавал», приговаривая: «Как выражались в старину, бес попутал!»

Естественно, первая лекция Лейферта была для многих и последней. Ну что бы начальству стоило объявить одновременно с ним обязательность посещений? Нет, ничего такого не было.

Про Лейферта ходили слухи, что когда-то до Революции он был членом Союза Русского народа. Слух маловероятный, имея в виду его уж очень ярко выраженную еврейскую внешность. Хотя чего не бывает на свете? Ведь спустя несколько лет после Революции он мог объявить себя «профессором»... Наряду с этим ходили слухи о том, что он, взяв в руки приемную комиссию, за какие-то взятки пропускал в Университет любого.

Тогда, как уже говорилось, обязательного посещения лекций не было: группа молодежи на его лекциях все таяла и таяла. Вместо «Товарищи» он обращался к аудитории с кличем: «Мои до сих пор верные друзья!». Жаловался аудитории на «притеснения со стороны начальства», одним словом, плакался. Не помню, через сколько месяцев Лейферта у нас, как теперь говорится, «сняли». Это всё были дела «белогвардейской профессуры». А нашему курсу снова дали в руководители Григория Михайловича Фихтенгольца. Какая это была радость, какой восторг! Но времени было потеряно много. Раздел математики «Определенные интегралы» мы кое-как усваивали сами.

Единение с Фихтенгольцем (особенно по контрасту с Лейфертом) было еще теснее, еще плотнее. Мы по нему равнялись, ему подражали во всем – в почерке даже, когда не было другой возможности. Он как-то по-особому писал букву «икс» – таким бантиком с двумя хвостами. И до сих пор я, встречая кого-то с таким же «иксом», допытываюсь у него: учился ли он у Г. М. или у его учеников?

До сих пор мне неясно, был ли Г. М. по-настоящему крупным ученым. Но что он был педагогом, с ног до головы, – это совершенно ясно. Все, что он рассказывал, было прекрасно и непререкаемо. До сих пор, к сожалению, в вузах ученое звание «профессор» слишком уж автоматически вытекает из ученой степени «доктор наук». А ведь это – совсем разные степени. «Докторство» претендента автоматически влечет за собой и «профессорство». Мне кажется, что эти два типа степеней слишком сегодня между собой связаны. А послушаешь такого «доктора наук» – прямо уши вянут. Мне кажется, что вузы должны решительнее прибегнуть к различению этих понятий... Написанные Григорием Михайловичем курсы, многократно изданные уже после его смерти – книги по высшей математике, – прекрасное этому свидетельство.

Прямой противоположностью Григорию Михайловичу была единственная у нас женщина-профессор, Надежда Николаевна Гернет¹⁴. Вижу ее как сейчас. Внешне она напоминает колокол, но взбесившийся. Широчайшее черное платье до полу, резко расширяющееся книзу, перепачканное белое кружевное жабо на обширной груди, пенсне на широкой цепочке, болтающееся где-то около талии. Сколько ей могло быть лет? Скорее всего, около шестидесяти, мы, молодые тогда, были скорее склонны преувеличивать возраст своих педагогов, переводя их в категорию «стариков». Надежда Николаевна всегда торопится, мчится. Речь ее – тоже торопящаяся, мчащаяся. Она произносит скороговоркой: «да, благодарю вас, пожалуйста, благодарю вас...» и т.д. Ставя студенту зачет, она говорит то же самое, такую же «отповедь благодарностей» получает от нее и студент, не сдавший зачета.

Если на практических занятиях студент не решил задачу, Н.Н. высовывает ему язык, большой, розовый и очень обидный. Если же решил задачу верно, она кричит: «Умница! Дай я тебя поцелую!»

Говорит она очень своеобразно: некоторые слова разделяет на две части и между ними вставляет: «что?». Получается нечто вроде: «переведем эту за... что? дачу на математический я... что? зык».

Она читала у нас вариационное исчисление. Катаясь по аудитории, потрясая кулаками, она кричала: «Люди добрые! Будьте Дюбуа-Реймондами!» (Дюбуа-Реймон был знаменитый математик тех или прошедших времен)¹⁵. Почерк у нее – нечто неопишное. Точка на доске похожа на детскую голову – размерами и кудлатостью. Часто доходит до конца доски и, не зная, что делать дальше, останавливается. «На ту сторону, на ту!» – кричат ей студенты. Она хохочет и возвращается на уже покинутую сторону. А если писать уже негде, переходит на стенку. К этому времени она с ног до головы обсыпана мелом, седые волосы падают из пучка на спину свернутым жгутиком, пенсне разбито. Она топает ногой и вопит. Изобразив на доске две точки, размером каждая с небольшую дыню, она проводит между ними кучку кривых, толщиной каждая с веревку, бьет по всему этому кулаком и кричит: «Нюхайте, добрые люди!» В ее руке пляшет тряпка для вытирания доски, в нее она ненароком сморкается. Всё вместе это похоже на святое безумие дервиша.

¹⁴ Н.Н. Гернет (1877–1943) – математик, ученица Давида Гильберта (Геттинген), вторая в России женщина-математик с ученой степенью доктора.

¹⁵ Поль Дюбуа-Реймон (Du Bois-Reymond, 1831–1889) – немецкий математик французского происхождения, специалист по дифференциальному исчислению.

Студентов Надежда Николаевна любит самозабвенно. Знает все про каждого: у кого сейчас особенно плохо с деньгами, у кого родился ребенок, у кого плохо с родителями...

Мы, студенты, любили ее чрезвычайно. Со всеми своими фокусами, с языком на подбородке, с криками и причитаниями она даже чем-то милее нам была излюбленного Григория Михайловича. Каждый мог рассказать ей свое малое, личное неблагополучие, свою надежду, свой неуспех. Как-то раз она встретила меня в коридоре, заплаканную (что-то у меня не ладилось, как теперь говорят, «в личной жизни»!). «Что с вами? – спросила она меня. – Ехала я как-то из Германии, со мной в купе – две женщины. Они на меня посмотрели, я призналась, что стала ... математиком! – и вдруг одна говорит: «вы еще молоды и неплохо выглядите, что, неужели вы уже отчаялись?» Я охотно призналась ей, что нечто в этом роде со мной происходило. «Нюхайте Нивенгловского¹⁶!» – сказала она. И мне как-то стало легче.

Наша любовь к ней, отчасти, была поддержана корыстью. Мы очень любили ходить к ней домой. Когда придет студент, она, прежде всего, усадит его за стол, предложит ему чай с печеньем, пирожными, конфетами, а то и просто со ржаным сухарем. Все это она мечет к нему через стол, приговаривая: «Кушайте, прежде чай, хлеба и зрелищ, благодарю вас, пожалуйста...». Надежда Николаевна – единственный адресат, к которому ходят все студенты – успевающие и неуспевающие...

Хорошо помню первую ее лекцию. Было это наверху, в «Восточной аудитории». Она давала список литературы. «Вот, – кричала она, – Андреев, аналитическая геометрия¹⁷. Глупо, но скучно!» Мы просто валились со стульев от хохота, и она тоже нам не уступала. «Люди добрые! Нюхайте Нивенгловского!» А мы хохотали. В самый отчаянный момент в дверях появились две сторожихи с метлами: «Нет, у нас в Восточной никогда еще такого не было!». Через минуту мы все, как оглашенные, выскочили из Восточной аудитории и помчались вниз, Надежда Николаевна со своим жабо и пенсне – впереди. «Ничего, кого-то выгоним!!» – кричала она. Иногда все обходилось благополучно, но нередко являлся студент из соседней аудитории и вежливо просил Надежду Николаевну «быть потише»...

Еще одна из достопримечательностей Университета – это был профессор Колосов, Гурий Васильевич¹⁸. Человек высокого роста, толстый, но какой-то неоформленный; лицо,

¹⁶ Болеслав Нивенгловский (1846–после 1900) – французский математик, специалист по геометрии.

¹⁷ "Основной курс аналитической геометрии" – известный дореволюционный учебник К.А. Андреева (1848–1921).

¹⁸ Г.В. Колосов (1867–1936) – ученый-механик, член-корреспондент АН СССР (1931), специалист по механике твердого тела и машиноведению.

похожее на розовую картофелину, задумавшуюся: куда ей прорасти? Весь он был испещрен какими-то пятнами, похожими на начинающиеся прыщи. Глаза у него маленькие, снулые, все время мигают и закатываются. Говорят, что, несмотря на все это, Гурий Васильевич имеет большой успех у барышень (тогда говорили «барышня», а не «девушка»). Говорят, он первоклассный ученый, но манера себя вести у него загадочная. Начинает он каждую свою лекцию с плевков в разные стороны, после чего говорит: «Господа...». Кстати, тогда обращения «господа» и «товарищи» часто путались местами. Один профессор начинал каждую свою лекцию так: «Господа... То есть, простите, товарищи!»

Гурий Васильевич рассеян по-профессорски. Говорят, что он, входя в трамвай, оставляет калоши где-то у входа, а то и вообще выходит из трамвая на той же остановке, что и вошел, и долго потом стоит, озирается...

Вид у него, действительно, легендарный. Мы все тогда ходили в Университет кто в чем попало, но старались соблюдать известную опрятность. Гурий Васильевич этим себя не утруждал. Зимой и летом Г. В. носил одно и то же пальто – черное с прозеленью. Спереди оно проношено до ваты, и изрядный ее клочок торчит вперед, словно оповещая о его шестивии. На голове – черная шляпа, рваные поля которой фантастически свисают вбок и вперед. Больше всего эта шляпа напоминает много раз употребленный черпак для мусора. На груди грязный, многократно перекрученный красный галстук. Идет он по коридору, как будто все время огибает стоящее у него на пути незримое препятствие. Полой пальто он бессознательно вытирает выступающие края книжных шкафов. Говорит, картавя, все время плюясь в разные стороны (не знаешь, как и спрятаться от потоков слюны), но красивыми литературными фразами; впрочем, не запоминает ничего из того, что уже сказал. Я, например, была у него на лекциях три раза; первые две были посвящены началам механики (основные понятия скорости и ускорения), а также анекдоту о том, как мост провалился под действием шедшего по нему в ногу отряда солдат. Все три лекции не отличались друг от друга, только плевки разлетались на второй дальше, чем на первой. Я, разумеется, на его лекции ходить перестала. Явившись в аудиторию, он начинает, словно бы в забытии, закрыв глазки и покачиваясь. Сколько народу его слушает – ему все равно. Рассказывают, что однажды он прочел лекцию вообще пустующей аудитории. К Гурию Васильевичу относятся на факультете как-то по-странному бережно. Пусть хоть один, да такой – осколок военного коммунизма...

Предметы геометрического профиля читал у нас Борис Николаевич Делонэ¹⁹, француз по происхождению, этакий галантный, воспитанный. Мог, например, уроненный мной карандаш искать четверть часа под столом (а я-то краснела, краснела...). Его специальность: «геометрическая теория чисел», откуда он читает им самим изобретенный курс «теория параллелоэдров». Какое-то царство игрушек: ромбики, смещенные ромбики, преобразованные ромбики, каждый ромбик покрыт шапочкой, накрывающей его содержимое. Художник! Мы, без особого успеха, пытались в своих тетрадах воспроизвести это царство теней. Но венцом всего был кот! Да-да, огромный котище, преобразующийся по мере преобразования ромбиков. И хвост у него был загнут как-то лихо вбок. Много лет спустя, когда моя дочь поступила в МГУ (на мехмат, механико-математический факультет), я была страшно удивлена, увидев в ее тетради точно такого же кота, какого рисовал нам когда-то Борис Николаевич, и хвост был так же лихо загнут вбок. «Делонэ? – спросила я. «Да, он, а что?» – «А я думала, что он давно уже умер...» Легко мы посвящаем в умершие тех, кто много старше нас...

Не так давно я посмотрела в Энциклопедию и узнала, что родился он в 1880 году, значит, читая у нас, был почти мальчишкой!

Вот как трансформируется представление о человеческом возрасте с годами. Когда-то, входя в трамвай, я была подсознательно уверена, что все окружающие – старше меня. А теперь это все сменилось на обратное. Я – старше всех. А было ли когда-нибудь ощущение, что я и окружающие – одного возраста?

Был он тогда, мне помнится, довольно высокого роста, с угольно-загорелой кожей настоящего высокогорного ходока; недаром ему в 1937 году было присвоено звание «заслуженный мастер спорта». Смуглая, навек загорелая высокогорная кожа. Жив ли он сейчас – не знаю («и все они умерли, умерли...»). Не должно быть, чтобы он, настолько старше меня, был сейчас жив...

Во времена «застоя» фамилия Делонэ прозвучала по-прежнему громко. Один молодой человек (родственник или просто внук нашего Бориса Николаевича) вышел на площадь вместе с другими²⁰. Не так-то много было этих «других». Это о них писал Александр Галич: «Можешь выйти на площадь? Смеешь выйти на площадь?» Тогда-то, в 20-х годах, ни о каком «выходе на площадь» не могло быть и речи...

¹⁹ Б.Н. Делоне (1890–1980) – математик, член-корреспондент АН СССР (1929), специалист по алгебре, теории чисел, математической кристаллографии.

²⁰ Вадим Делоне (1947–1983), участник демонстрации на Красной площади против введения советских войск в Чехословакию (1968), был внуком Б.Н. Делоне.

Совсем другим человеком был Иван Иванович Иванов²¹, читавший у нас аналитическую геометрию. До сих пор в нашей стране есть Ива~~н~~овы и Ива~~н~~овы. Обладатели фамилии «Иванов» словно бы гордятся ударением в своей фамилии, перенесенном откуда-то из давних времен. Иван Иванович Иванов был величествен, непохож ни на кого другого, своеобразно-великолепен. Всегда в одном и том же, черном, с подпалинами, пальто. Сзади себя он держал тряпку, огрызки мела с которой начинали его пачкать еще, кажется, до того, как он подходил к доске. Войдя в аудиторию, он никогда и никак не здоровался. Начинал, например, так: «Скаляр АВ со знаком, говорю я, не ноль...» Так мы его и звали: «Скаляр АВ со знаком...» На лекции его мы, впрочем, ходили, привлеченные каким-то загадочным научным альтруизмом. Кажется мне сейчас или нет, – в них просвечивало какое-то сегодняшнее понимание науки, только облеченное в таинственную форму... Он не выставлялся, не высовывался, плел себе и плел свои «АВ со знаком». Только теперь, вспоминая о нем, я вижу в его несвязных высказываниях нечто новое, светлое, по-настоящему состоятельное...

Совершенно другой человек – Иван Матвеевич Виноградов²², будущий академик и мракобес. Тогда, впрочем, от «мракобеса» в нем не было и следа. Про него рассказывали, что он, увлеченный русским национализмом, потом сделался антисемитом. А рассказывали и другое: когда явились к нему подписать письмо против Сахарова, он сказал: «Сахаров? Никогда не слыхал такой фамилии!» – и подписать отказался.

Виноградов был дикий человек, необработанный, гениальный. Он никогда и ничем не отличался от большинства наших профессоров, только был к нам, студентам, ближе. Опять-таки почти ровесник нам по годам, он забавлялся, общаясь с нами.

Наружность небольшого медведя, кое-чему выученного. Очень был силен физически. Но чувствовалось, что – гений. Со студентами держался запанибрата. Все время что-то выдумывал. «Если кто из вас меня поборет – сейчас же «зачет» в матрикул». Но никто не мог его побороть. Он, например, брал за ножку стул с сидящим на нем человеком и поднимал в воздух. Этого никто из нас, студентов, сделать не мог.

На свои лекции (и «семинарии», так тогда назывались сегодняшние «семинары») часто являлся с большим опозданием. Часа на полтора-два. Мы терпеливо его ждали. Коли погода была относительно хороша, он брал нас и выводил на Неву. Тут начиналась потеха: он играл в чехарду сразу с тремя студентами, заставлял их перетягивать канат, боролся с ними (сразу с тремя) и, в общем, позволял себе самые рискованные штуки,

²¹ И.И. Иванов (1862–1939) – математик-алгебраист, член-корреспондент АН СССР (1924).

²² И.М. Виноградов (1891–1983) – академик АН СССР (1929), лауреат Сталинской премии (1941), дважды Герой Социалистического Труда (1945, 1971), с 1932 г. директор Математического института АН СССР.

вплоть до обмакивания в Неву побежденного. С нами, девушками, он попросту не общался. Все это называлось «семинарий по теории чисел». С собой он был нехорош, похож на Эйлера. Одевался небрежно: какая-нибудь рубаша с прорехой на плече, смуглое неправильное лицо, смуглое плечо сквозь прореху... В том, что он – гений, никому из нас сомневаться не приходилось.

Он гениален, но жутко необразован, даже в своей маленькой аналитической теории чисел. Я, например, однажды доказала небольшую теоремку и, робея и краснея, пришла к нему рассказать о ней. «А что? Хорошо!» – сказал он мне. Я нянчилась со своей теоремкой недели две, после чего нашла ее, тщательно сформулированную, в книге Успенского (стандартный учебник по теории чисел)²³.

Дипломную свою работу я писала формально под руководством И.М. Виноградова, но он ни разу ее не просмотрел и не обнаружил в ней ошибку (не криминальную!), которую я нашла самостоятельно год спустя.

И все-таки, я рада, что с ним соприкоснулась. Ощущение гениальности – тоже кое-чего стоит.

Особое положение на факультете занимал Андрей Митрофанович Журавский²⁴. Вот уж кто из «белогвардейской профессуры» был самым «белогвардейским». Он и не скрывал своего отношения к происходящему. Все, что его окружало, было как бы скверным сном. Даже НЭП. Его он презирал вместе со всем окружающим. То, что мы, молодые, воспринимали как подъем, было для него как бы «началом спуска».

На взгляд он был кристаллически-неприступен. Один взгляд полужакрытых глаз был символом недоступности. Читал лекции он по теории вероятностей и математической статистике, возвышаясь над ними (и над нами), как необозримая скала. А мы, любившие его лекции, лежали на райке²⁵ у его ног. Он вряд ли даже замечал, что мы там лежали и записывали. Высокий, горбоносый, таким кумиром стоял он над нами. Любопытно, что именно теория вероятностей и математическая статистика стали в дальнейшем моей специальностью. Уходил он из аудитории, ничем не поколебленный, не потеряв ни грамма из своей особенности, каким приходил, таким и уходил.

Одет он был всегда безукоризненно. Одно и то же (на моей памяти) светло-бежевое пальто, на шее – свежайшее кашне, из-под расстегнутого пальто видно рубашку – всегда другую, но в тон. В руке – кусок мела, обернутый бумагой (он словно отгораживался этой

²³ Видимо, какая-то из книг Я.В. Успенского (1883–1947).

²⁴ А.М. Журавский (1892–1969) – математик, профессор различных ленинградских вузов. Был репрессирован осенью 1941 г. по делу ленинградских ученых, находился в заключении до 1954 г.

²⁵ Раек – судя по контексту, имеется в виду возвышение у доски, подиум, как теперь говорят. Аудитория была переполнена – поэтому и слушали лекцию полулежа на подиуме.

бумагой от всего окружающего)... «Только бы не запачкаться!» – говорила вся его повадка. Мы, студенты, смотрели на него с каким-то полупрезрительным восхищением. Он, один из первых, начав свой курс с теории матриц, вел изложение почти в современном духе, на матричном языке. Не всё мы понимали, но главное было понятно.

Хорошо помню, как, лежа «на райке», я наблюдала невдалеке от себя его ноги в безукоризненно начищенных ботинках (это мы-то, давно привыкшие носить обувь до «последнего издыхания», с овальными заплатками на подошвах, с кое-как прикрепленными дырками для шнурков!), а над ними – брюки, уходившие под пальто, куда-то в бесконечность. На его лице всегда была печать презрения к нам, лежавшим на «райке». Он восходил на этот «раек» очень осторожно, как бы брезгая наступить хоть на одну из наших тетрадей. Читая лекции, он почти не раскрывал глаз – так было ему противно все окружающее...

На меня он поглядывал как-то без особого отвращения. Помню, как он однажды даже... поздоровался со мной за руку. А я этим хвасталась: «Братцы, мне сегодня Андрей Митрофанович руку пожал»... «Да что вы?» (между нами не было столь обычного сегодня «ты», мы разговаривали друг с другом на «вы», делая исключение только для самых близких друзей).

Интересно, как он все-таки противился самой идее «отъезда». Его приглашали в разные университеты – он всегда это отвергал. Может быть, презирал их, как и нас, грешных?

И все-таки этот человек сыграл особую роль в моей жизни. Он меня познакомил с моим будущим мужем – потом генералом, а тогда – «трехшпальником», Дмитрием Александровичем Вентцелем. Именно «Димитрием», а не «Дмитрием» (букву «и» они берегли, как особое отличие, нечто вроде ударения «И*в*анов» в фамилии «Иванов»). Так написано и на его могильной плите: «Димитрий Александрович Вентцель». Умер он более полувека назад, а я до сих пор терплю придирки по поводу моей фамилии. Урожденная Долгинцева, а меня считают за "Вентцель" по рождению. За "нерусскую" эту фамилию в чем только меня не обвиняли, даже в сионизме: не могли стерпеть моего пристрастия к евреям (самые лучшие мои друзья были как раз представители этой национальности!)...²⁶

Андрей Митрофанович Журавский сошелся со мной поближе уже после того, как я окончила Университет. Даже как будто полушуточно за мной ухаживал. В стране была еще пышная безработица. Очереди к Бирже Труда стояли тогда нескончаемые. А у меня хоть и было какое-то скромное занятие (преподавателя математики в Техникуме), я

²⁶ Когда Е.С. на каком-то идеологическом совещании (в ее отсутствие!) обвинили в сионизме, кто-то сказал: "Но Вентцель не еврейка!" – "Ну что ж, – не растерялся выступавший, – она по *общественной линии*!"

страстно хотела оттуда вырваться. Очень уж меня допекали мои ученики – продавцы газет и журналов. И вдруг – Андрей Митрофанович предлагает мне сказочное место! Место вычислителя в Военной Академии. Я тогда просто обмерла. Он сказал мне: «А вашим начальником будет по-прежнему – полковник (не знаю, как он теперь называется), некто Димитрий Александрович Вентцель. Не Дмитрий, а Димитрий. Только смотрите, не увлекитесь!» Почти теми же словами он предупредил его: «Посылаю вам девочку, только что кончившую Университет. Девочка ничего, способная. Только смотрите, не увлекитесь!»

Так мы познакомились с моим будущим мужем. А уже спустя три-четыре месяца мы «увлеклись» настолько, что поженились. Димитрий Александрович позвонил Журавскому и попросил у него разрешения зайти к нему с женой. «Отчего нет?» – спросил Журавский.

С каким выражением лица встретил нас Андрей Митрофанович – это читатель может себе представить. А всю мою дальнейшую жизнь с Димитрием Александровичем я когда-нибудь опишу отдельно, если, конечно, хватит времени.

Д.И. Гладков

Действительный член Российской академии ракетных и артиллерийских наук,
заслуженный деятель науки и техники РСФСР, д.т.н., профессор, генерал-майор
слушатель ВВИА (1949 – 1955 гг.)

ДИМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ВЕНТЦЕЛЬ

Дмитрий Александрович Вентцель - выдающийся отечественный ученый в области баллистики. Его основными направлениями научной деятельности были:

- внутренняя баллистика;
- внешняя баллистика;
- существенное внимание Д. А. Вентцель уделял также методам приближенных вычислений.

Внутренняя баллистика

Внутренняя баллистика изучает движение снаряда в канале ствола огнестрельного оружия и все явления, сопровождающие процесс выстрела. Основная задача внутренней баллистики состоит в нахождении закона движения снаряда при заданных условиях заряжания (прямая задача) и в нахождении условий заряжания, при которых возможно получить заданную дульную скорость при данном весе снаряда (обратная задача). Под условиями заряжания понимаются характеристики заряда, снаряда и оружия. Как прямая, так и обратная задачи решаются при известном законе горения пороха. Сам закон определяется экспериментально при различных допущениях, которые не всегда являются очевидными. Наверное, поэтому Д.А. Вентцель свои исследования в области внутренней баллистики начинал с пороха. Его статьи "Горение пороха в замкнутом пространстве" (1932 г.), "Влияние коволюма в формуле истечения на горение пороха в камере с соплом" (1934 г.), "Изменение температуры при горении пороха в камере с соплом" (1934 г.) говорят именно об этом. Две работы этого периода – "Расчет весов для баллистической температуры и ветра для основных орудий, снарядов и зарядов" (1933 г.) и "Теория реактивного действия" (1933 г.) – приводят непосредственно к основной задаче внутренней баллистики. Решения самой задачи и практические рекомендации по использованию результатов решения изложены в учебниках "Внутренняя баллистика" (1937 г.), "Внутренняя баллистика" (1939 г.), "Внутренняя баллистика" (1948 г.). В прямом виде задача внутренней баллистики решена в работе "Баллистический расчет орудия" (1946 г.). Результаты решения представлены в виде таблиц.

Заметим, что Н.Ф. Дроздов при определенных допущениях еще в 1903 г. решил задачу внутренней баллистики аналитически. Различные варианты решения были представлены в виде таблиц. С помощью таблиц оперативно решаются, как прямая, так и обратные задачи внутренней баллистики. Несмотря на активное внедрение в практику расчетов ЭВМ, таблицы до сих пор находят широкое применение у специалистов по артиллерийскому вооружению.

Таблицы Н.Ф. Дроздова позволяют строить кривые давления $P(t)$ в стволе оружия, скорости движения снаряда $V(t)$ и пройденного пути $l(t)$ в функции времени t . Зная эти кривые, можно определить максимальное давление P в канале ствола и дульную скорость V снаряда.

Таблицы Д.А. Вентцеля предназначены для определения максимального давления P и дульной скорости V без построения функций $P(t)$, $V(t)$. Принципиально важно то, что таблицы Н.Ф. Дроздова составлены для одного пороха, а таблицы Д.А. Вентцеля для шести порохов, отличающихся силой, коволюмом, показателем адиабаты и формой зерна. Интересно и то, что таблицы Д.А. Вентцеля позволяют определять минимальную длину ствола, при которой возможна заданная дульная скорость при заданном максимальном давлении в стволе. Этот результат учитывается при проектировании авиационных подвижных артиллерийских установок.

При решении задачи внутренней баллистики Д.А. Вентцель использует характеристики орудия как тепловой машины и принцип геометрического подобия орудия.

Исследуя проблемы внутренней баллистики, Д.А. Вентцель не мог обойти принципы действия самого оружия. Ряд его работ посвящен основанию устройства винтовок и пушек. К таким работам относятся, в частности, "Основание устройства стрелкового оружия. Ствол винтовки" (1934 г), "Основание устройства стрелкового оружия. Прицелы винтовок" (1934 г).

Внешняя баллистика

В 1946 году сам Д.А. Вентцель писал: "Вопросами баллистики авиационного оружия я начал заниматься в 1925 г., когда мною была решена задача о точке встречи при стрельбе с самолета по неподвижной цели. С 1929 г. по 1939 г. под моим руководством был произведен ряд вычислений и работ в области баллистики авиабомб, результатом которых являются таблицы бомбометания, состоящие на вооружении наших ВВС. В настоящее время в связи с возрастанием высот и скоростей бомбометания вновь занялся этим вопросом".

Как видно, научные интересы Д.А. Вентцеля распространялись на авиационное артиллерийское оружие и на авиационные бомбы. Задача о точке встречи при стрельбе с самолета по неподвижной цели была решена и изложена в работе "Об основном решении задачи баллистики при стрельбе с движущейся платформы" (1925 г.). Именно здесь впервые было учтено и исследовано влияние движения самолета на полет артиллерийского снаряда.

Д.А. Вентцелем разработан используемый до настоящего времени в артиллерии так называемый нормальный артиллерийский закон изменения температуры воздуха с высотой.

Принципиально важными для теории и практики являются исследования Д.А. Вентцеля в области вращательного движения снарядов. Им впервые было дано решение для случая полной системы моментов, действующих на снаряд. Свою работу по вращательному движению снаряда Д.А. Вентцель в 1934 г. защитил на звание профессора, она получила очень высокую оценку его официального оппонента академика А.Н. Крылова.

Значительной работой Д.А. Вентцеля является его труд "О вычислении траекторий при малых углах прицеливания" (1955 г.). В этой работе дается аналитический метод решения баллистических задач воздушной стрельбы. Глубокое по теоретическому содержанию исследование завершается конкретным практическим материалом для вычисления элементов траектории снаряда при воздушной стрельбе.

Оригинальное приближенное решение уравнений движения центра массы снаряда позволило Д. А. Вентцелю разработать метод вычисления траекторий с использованием трех параметрических баллистических функций, позволяющий с высокой точностью определять элементы траектории в широком диапазоне изменения условий стрельбы. Уже после его смерти (1955 г.) были вычислены и официально изданы таблицы, являющиеся и до сих пор исходным материалом при проектировании прицельных систем воздушной стрельбы. Новый метод и баллистические таблицы получили имя Д.А. Вентцеля.

Физический анализ задачи, ее математическое представление, проведение экспериментальных исследований для получения данных о конкретных объектах, решение задачи с максимально возможной точностью и, наконец, организация работы по обобщению результатов с выходом на графики и таблицы. Такая схема исследования просматривается не только в работах по баллистике снарядов, но и в работах по баллистике бомб. Так были составлены таблицы для бомбометания, 1937, 1939-40 и 1952 гг. За работу по составлению баллистических таблиц (1952 г.), которой предшествовали

большие научные исследования по определению закона сопротивления для авиабомб новой формы, Д.А. Вентцелю была присуждена Государственная премия.

Длительная работа по составлению баллистических таблиц привлекла внимание Д.А. Вентцеля к вопросам численного решения различного рода задач. Следует помнить, что в то время все вычисления проводились вручную. В течении ряда лет были отобраны наиболее эффективные методы численного анализа. Практический опыт работы в области техники вычислений обобщен и изложен в книге "Элементы теории приближенных вычислений" (1949 г.), написанной Д.А. Вентцелем совместно с Е.С. Вентцель.

Фундаментальным трудом в области внешней баллистики является монография "Внешняя баллистика" (1939 г.), написанная Д.А. Вентцелем совместно с Я.М. Шапиро и изданная в Оборониздате в трех частях.

Научная школа Д.А.Вентцеля

Научная деятельность Д.А.Вентцеля была весьма разносторонней. Она охватывала многие проблемы артиллерийской техники и авиационного вооружения. Теория поправок и вращательное движение снаряда, артиллерийская метеорология и внутренняя баллистика, прицельные устройства стрелкового оружия и ракетная техника, вопросы бомбометания и орудийная баллистика, вопросы численного анализа и основания устройства стрелкового оружия – это далеко не полный перечень научных направлений, где творчество Д.А. Вентцеля проявлено в виде существенных идей, практических рекомендаций, статей или книг. Из всего многообразия решенных им задач можно выделить авиационную баллистику как область, в которой и классические теоретические основы, и фундаментальные прикладные результаты связаны с именем Д.А. Вентцеля. Именно поэтому идейным содержанием научной школы Д.А. Вентцеля следует считать авиационную внешнюю и внутреннюю баллистику.

Научная школа Д.А. Вентцеля сложилась на факультете авиационного вооружения в академии имени Н.Е. Жуковского, где более 20 лет работал Д.А. Вентцель. Глубокое понимание тенденций развития оружия и практических задач, стоящих перед баллистикой, постоянный поиск новых прогрессивных идей решения этих задач, тщательная научная организация экспериментов и глубокий анализ результатов исследования производили сильное впечатление на молодых ученых факультета. Д.А. Вентцель не считал для себя нужным делить научную работу на главную и второстепенную. Он глубоко вникал в исследование на всех этапах его выполнения – постановка задачи, теория, эксперимент, вычислительный процесс. Характерная особенность научной работы Д.А. Вентцеля – ясное представление практической ценности исследования, умение находить наиболее подходящий путь к решению

поставленной задачи и удобную для практического использования форму представления результатов исследования.

Баллистике у Д.А. Вентцеля учились В.С. Пугачев – автор ряда блестящих работ, посвященных баллистическим задачам воздушной стрельбы, Н.И. Зенкевич. – автор крупных работ по баллистическим вопросам бомбометания, Б.В. Воронов – автор серьезных исследований в области баллистики авиационного пушечного снаряда, Ю.А. Кочетков – автор известных работ в области баллистики авиационных неуправляемых ракет. Среди учеников Д.А. Вентцеля, занятых проблемами внутренней баллистики, значится имя академика Е.И. Забабахина (П1).

Д.А. Вентцель – ученый, трудами которого в свое время создавались научные основы факультета вооружения академии имени Н.Е. Жуковского.

Педагогическая деятельность

Преподавательскую деятельность Д.А. Вентцель начал в 1926 г., после окончания адъюнктуры Военно-технической академии РККА (г. Ленинград). Первые педагогические шаги связаны с чтением лекций по внешней баллистике и теоретической механике (П2). В 1928 г. защитил научную работу на звание преподавателя академии. Профессором стал через шесть лет. Опыт начального периода преподавания обобщен в учебнике "Внешняя баллистика" (1933 г.), написанным совместно с Б.Н. Окуновым и Я.М. Шапиро.

На Факультете авиационного вооружения академии имени Н. Е. Жуковского читал курсы "Внешняя баллистика", "Внутренняя баллистика", "Теория приближенных вычислений". Его учебники "Внутренняя баллистика" (1937 г.). "Внутренняя баллистика" (1939 г.), "Внутренняя.. баллистика" (1948 г.), "Внешняя баллистика" (1939г.), "Внешняя баллистика" (1952 г.), по существу, создали баллистическую основу для всех специальных учебных дисциплин факультета авиационного вооружения. Авиационная баллистика как наука и как предмет изучения приобрела четкую методически хорошо отработанную форму с глубоким обстоятельно изложенным содержанием.

Учебник "Элементы теории вероятностей и приближенных вычислений" (1949г.), написанный совместно с Е. С. Вентцель, стал фундаментальной основой вычислительной культуры инженеров - вооруженцев.

Д.А. Вентцель считал, что хорошо написанный учебник – необходимое и практически достаточное условие для успешного изучения дисциплины. Значение лекций не переоценивал. Читал их без эмоций.

Не любил вводные лекции, где в обязательном порядке требовалось говорить об определяющей роли партии в развитии авиационной баллистики и доказывать приоритет советских ученых во всех областях знания. Не любил во время лекции делать длинные

выкладки, полагая, по-видимому, что слушатель способен это сделать сам. Любил отвлекаться от содержания лекций, поражая слушателей своей эрудицией и энциклопедическими знаниями. Трудно сказать, что важнее было в лекциях Д.А. Вентцеля – или их баллистическое содержание или то, что он рассказывал как бы между делом. Казалось, что он знал все. И не поверхностно, а глубоко, с деталям и подробностями. Его феноменальный интеллект и необыкновенную память невозможно описать словами. Если же все-таки попытаться что-то написать, то в написанное трудно поверить. Однако факт остается фактом. Вот, одно тому подтверждение.

Д.А. Вентцель свободно владел немецким, французским, английским, итальянским и испанским языками. Кроме того, знал удовлетворительно (читал) греческий, латынь, чешский и китайский.

На экзаменах был терпелив и требователен. Требовательность проявлял с отеческой заинтересованностью в твердых знаниях слушателя и благожелательным к нему отношением. Отличную оценку мог поставить за содержательный ответ на нестандартный вопрос или за остроумный выход из затруднительного положения, которое, как правило, создавал сам.

Служебная и общественно-научная деятельность

Д.А. Вентцель родился в дворянской семье в Москве. Его семья в силу объективных обстоятельств часто меняла место жительства. Учился в немецкой гимназии сначала в Риге, а затем в Петербурге (ПЗ). В 1916 г., после окончания гимназии, поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. Однако учиться в университете ему не пришлось (П4). В 1917 г. закончил артиллерийское училище, а в 1922 г. – Артиллерийскую академию РККА (П5). С 1922 г. по 1926 г. работал в Комиссии особых артиллерийских опытов (г. Ленинград) под руководством известного русского баллистика В.М. Трофимова. С именем В.М. Трофимова Д.А. Вентцель связывал свой интерес к баллистике и принятый на всю жизнь стиль научно-исследовательской работы – от постановки задачи через теорию и эксперимент к числу. Примерно в это же время, Д.А. Вентцель имел деловую связь с Главной геофизической обсерваторией (г. Ленинград).

С 1926 г. по 1930 г. он работал в Ленинграде в Газодинамической лаборатории под руководством Н.И. Тихомирова (П6). Именно здесь были созданы первые в СССР ракеты и реактивные снаряды на бездымном порохе.

Далее до 1934 г. научная деятельность Д.А. Вентцеля активно развивается в Артиллерийской академии РККА, созданной на базе Михайловской артиллерийской академии русской армии. Здесь он работал вместе с И.П. Граве – автором пятитомного

курса "Внутренняя баллистика". К этому периоду относятся важные работы Д.А. Вентцеля по внутренней баллистике и основам устройства артиллерийского оружия.

В 1934 г. Д.А. Вентцеля (в звании бригадир-инженера) назначают начальником кафедры авиационной баллистики в академию имени Н.Е. Жуковского. С этих пор баллистика, и внутренняя и внешняя, стала для Д.А. Вентцеля единой областью ответственности и научных интересов. Написанные с учетом авиационной специфики и изданные в академии учебники по баллистике (1937 г., 1939 г., 1948 г., 1952 г.) стали вехами не столько в учебном процессе, сколько в самой науке. Дело в том, что учебник того времени по полноте и строгости изложения материала отвечал не только требованиям ВУЗа, но и КБ, НИИ. По существу, это было руководство по проектированию артиллерийских систем. Так например, в учебнике Д.А. Вентцеля "Внутренняя баллистика" (1948 г.) из 418 страниц текста 263 страницы приходятся на приложения. В приложениях даны баллистические таблицы и методические указания по их использованию, приводятся примеры расчета реальных артиллерийских систем. Очередной учебник отражал соответствующие изменения в учебной программе и подробно излагал как собственные, так и другие разработки в области внутренней или внешней баллистики последних лет. Сам Д.А. Вентцель свои труды последние, примерно, 20 лет в виде статей практически не публиковал.

Д.А. Вентцель выступил в числе учредителей Академии артиллерийских наук (1946 г.) и активно участвовал в ее работе. Общественно-политическую работу откровенно не любил. Тем самым привлекал к себе недоброе внимание соответствующих деятелей факультета и академии. Взаимная нелюбовь не проходила бесследно для талантливого человека и крупного ученого.

Официальное признание заслуг Д.А. Вентцеля перед отечественной наукой и государством

Д.А. Вентцель – действительный член Академии артиллерийских наук (1946 г. – 1953 г.), профессор (1934 г.), доктор технических наук (1934 г.). С 1943 г. генерал-майор. В 1952 г. за работу в области внешней баллистики удостоен Государственной премии. Награжден орденами Ленина, Отечественной войны 2 степени, Красной Звезды и многими медалями.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ.

Статья заимствована из книги Д. И. Гладкова "Факультет авиационного вооружения академии имени Н. Е. Жуковского (1934 – 1994)" М., ВВИА, 1994.

Примечания ПЗ,П4, П5, П6 основаны на архивной справке ЛГИА от 14 июня 1972 г. (автор И. Шатоба). Цифры в квадратных скобках являются ссылками на архивные документы.

[1] ЛГИА – фонд 14 оп.3 д. 68974 л.д. 4,5,6.

[2] ----- – фонд 14 оп.3 д. 68974 л.д.27.

[3] ----- – фонд 14 оп.3 д. 68974 л.д.8.

[4] "Ленинградская Правда" 13 февраля 1972г. "Ленинград – колыбель ракетостроения

ПРИМЕЧАНИЯ.

П1. «...И еще об одном очень важном результате, полученном на кафедре баллистики и относящемся к вопросам разработки средств поражения. Не ясно, что уж тут больше сказалось – гениальная интуиция, научное предвидение Д.А. Вентцеля или просто случай, но адъюнкту кафедры. Е.И. Забабахину была сформулирована тема кандидатской диссертации по определению параметров сходящихся сферических детонационных волн. Успешное завершение этой работы совпало с процессом разработки в соответствующих организациях ядерного оружия импловизного типа, и результаты, полученные Е.И. Забабахиным, были сразу же внедрены в практику расчетов этого вида боеприпасов. Е.И. Забабахин был действительным членом Академии Наук СССР, лауреатом Ленинской премии, Героем Социалистического труда.» (Р. С. Саркисян)

П2. Лекции по теории гироскопов и гироскопических приборов читал совсем молодой в то время преподаватель Дмитрий Александрович Вентцель, впоследствии ставший одним из организаторов и ведущих профессоров факультета авиационного вооружения. (В. С. Пугачев)

ПЗ. Вентцель Дмитрий Александрович родился в 1898 году, 28- го октября, в Петербурге в семье инженера путей сообщения. Среднее образование получил в Петербурге, в Реформатском училище, которое окончил в 1916 году и в том же году поступил в Петербургский Университет, на Физико-Математический факультет. [1]

П4. В Университете Д.А. Вентцель проучился всего один год, был призван на военную службу и направлен в Константиновское Артиллерийское училище. [2] После окончания ускоренного курса Константиновского училища Вентцель, в составе артиллерийских войск, в чине прапорщика был отправлен на фронт, где находился до 1918 г. В 1918 г. Д.А. Вентцель вернулся из армии в Петроград и приступил к занятиям, но не в Университете, а в Путейском Институте, куда он перевелся осенью 1918 г. [3]

П5. В Путейском Институте он проучился только один год, так как. в 1919 г. Д.А. Вентцель поступил в Артиллерийскую Академию в Петрограде, которую и окончил в 1922 г. по первому разряду. После окончания Академии он был оставлен адъюнктом при Академии, а затем был назначен старшим преподавателем Академии. Занимался Д.А. Вентцель, в основном, вопросами внешней баллистики, в частности, учетом влияния на траекторию снаряда и ракеты метеорологических факторов.

П6. Д.А. Вентцель принимал участие в деятельности ГДЛ, по внешней баллистике он работал с Н.Н. Тихомировым и В.И. Преображенским. Принимал он также участие в деятельности Лен. ГИРД, тоже как баллистик, он работал с В.В. Разумовым, М.В. Гажала, Н.А. Рыниным и А.А. Саткевичем [4].

Н. Н. Моисеев
Академик АН СССР

СТАРОКОНЮШЕННАЯ АКАДЕМИЯ И ПРОФЕССОР Д.А. ВЕНТЦЕЛЬ

Восхождение на Олимп было нетривиальным и для меня совершенно неожиданным. Даже в самых смелых планах, даже в мечтах, я не мог его предвидеть. Буквально за два-три года я оказался в обойме специалистов, получивших имя в соответствующих инженерных и научных кругах. Как бы дальше не складывалась жизнь, какие бы горести меня не преследовали, но ко мне уже относились серьезно, как к специалисту, и я мог рассчитывать на место под Солнцем.

Этот "Подъем на Олимп" оказался связанным с одной задачей, которая однажды обсуждалась на заседании Академии Артиллерийских Наук. Такая академия была организована после войны и просуществовала всего лишь несколько лет. Ее возглавлял академик Благодоров, а мой академический учитель, профессор Дмитрий Александрович Вентцель был, как мне помнится, вице-президентом. Размещалась Академия в Староконюшенном переулке: все её тогда так и звали "Староконюшенная Академия". Мне удалось предложить новый подход к анализу обсуждавшейся там задачи оценки рассеивания авиационных реактивных снарядов и, к моему собственному удивлению, дать её решение, которое в те годы вполне удовлетворило инженеров. Этот эпизод и послужил стартовой площадкой, которая мне обеспечила получение, минуя всякие аспирантуры, первой ученой степени и определенное положение в научном мире. А, может быть, и будущее. Снова случайность и снова везение. Случайность – она продолжала мне порой благоприятствовать и подбрасывать ситуации, предвидеть которые было выше моих сил. Однажды я прочёл, знаменитое утверждение Эйнштейна о том, что "Бог не играет в кости". Я тогда возмутился и подумал: "У каждого, наверное, есть свой собственный Бог. Мой – не только играет в кости, но порой и выигрывает! "

О Боге я еще поговорю серьезно. А пока – пока вернусь в Академию имени Жуковского, куда я был назначен младшим преподавателем кафедры реактивного вооружения самолетов, в Академию, которая в 42-м году мне дала второй, теперь уже инженерный диплом, и которой я бесконечно обязан. И не только за диплом, но и за жизненную позицию.

В качестве преподавателя Академии я проработал недолго – года полтора. Но это время сыграло в моей жизни, в моем становлении как личности очень важную роль. Я встретил

там людей, чья деятельность производила на меня большое впечатление, у которых мне хотелось учиться. И кое чему я там на самом деле научился.

Теперь я могу сказать с полной ответственностью – факультет авиационного вооружения Академии в те далекие времена был действительно уникальным явлением. Прежде всего, там был высокого профессионализма преподавательский коллектив. Его бесспорным лидером был начальник кафедры баллистики профессор, генерал-майор Дмитрий Александрович Вентцель. Его авторитет и популярность были огромны. Он и в правду, превосходил на целую голову всех остальных преподавателей факультета и своей общей эрудицией, живостью и остротой ума и благожелательностью к молодежи и многими другими человеческими качествами. Вентцель поражал своих слушателей и молодых преподавателей независимостью и остротой суждений, а больше всего смелостью высказываний столь несвойственной кадровому военному. Когда, после ареста моей мачехи, я был вынужден уехать из Москвы, генерал Вентцель был единственным из моих бывших академических преподавателей, кто продолжал поддерживать со мной отношения.

Я вспоминаю последнюю встречу с Дмитрием Александровичем. Она произошла, вероятнее всего, году в 54-ом, уже после смерти Сталина. Он рассказывал мне о том, сколь дорого ему обходилась эта смелость – он всю жизнь больше всего на свете боялся ареста и считал, что это было чудо – воистину чудо, что его так ни разу и не посадили. Я тоже полагал, что это было настоящее чудо и его слова перекликались с моими мыслями.

Я тогда уже понимал, что наша жизнь устроена так, что, каждый непосаженный должен был мысленно благодарить Сталина, оказавшим тем самым ему милость, разрешившим жить просто так, а не в лагере. Именно так я тогда понимал распространенный лозунг: "Спасибо товарищу Сталину за счастливую жизнь". Это была молитва непосаженных, кому еще разрешалось ходить не под конвоем. Эта милость относилась ко всем нам, тем более к Вентцелю. Однажды я сказал своей покойной жене – спасибо Великому Сталину за то, что, после ареста мачехи, он мне разрешил уехать из Москвы и не послал работать на урановые рудники. Чем привел ее в ужас. Но ведь так и было на самом деле. Ведь на самом деле, каждого раскованного человека мы подозревали в стукачестве и только этим и объясняли то, почему его до сих пор не посадили! И вообще – если человека не арестовывали, то это казалось странным и требовало объяснения. Сказанное не перехлест, а точная характеристика психологического настроения значительной части интеллигенции.

Дмитрий Александрович происходил из семьи, которая вела свое начало от некоего эстляндского дворянина, который еще во времена императрицы Елизаветы перешел на русскую службу. Вентцель получил прекрасное инженерное и военное образование. Своим учителем он считал Алексея Николаевича Крылова. Дмитрий Александрович исповедовал его принципы и

научные взгляды. Он и нам их старался проповедовать. Благодаря общению с Дмитрием Александровичем я понемногу начал понимать прелесть прикладной науки и задач, возникающих в инженерной практике, которые требуют остроумия и изобретательности не меньшие, чем любые высокие материи. И постепенно осознал, что наука едина, если она, действительно, НАУКА. Нет наук первого и второго сорта. Они делятся по совсем другим принципам: есть настоящая глубокая наука и есть спекуляции на науке.

Такое видение научной деятельности, при всей своей очевидности, было для меня новым. Оно плохо совмещалось с тем математическим снобизмом, который процветал (я думаю, что и сейчас процветает) на математическом отделении мехмата Московского Университета. Лишь чистая наука, лишь идеальные конструкции, не зависящие ни от чего земного – вот истинное призвание истинного ученого! Это и было законом Лузитании – московской математической школы Н.Н. Лузина, именно этому нас учили, хотя сам академик Лузин немало занимался прикладными задачами. Я помню забавный эпизод на одном из семинаров, который имел место ещё в мои студенческие годы. Одного из самых любимых профессоров факультета, Александра Геннадиевича Куроша спросили: для чего нужна теория идеалов полей алгебр? Курош задумался, а потом вполне серьезно ответил – для теории идеалов полей алгебр! В Академии же я стал понимать, что, как бы не притягательны были "чистые науки", они вовсе не исчерпывают научного мира, не менее прекрасного и в своих других областях. Это было для меня открытием, так как я был убежден, что прикладные науки, это лишь способ зарабатывания денег.

Ирония Дмитрия Александровича начисто выбила из меня остатки математического снобизма, что и уберегло от участи многих неудачников, получивших отличное математическое образование и не нашедших себя в жизни. Многие из них полагали, что единственное стоящее занятие – доказательство теорем, не понимая при этом, что оно требует особого таланта, как и игра в шахматы. И он далеко не каждому дан природой. А математика – прекраснейшая из наук и искусств тем ещё и прекрасна, что помогает относительно просто понять то, что без математики понять очень сложно. Я, вероятно, кое что утрировал в своих воспоминаниях. Но сказанное как-то отражало мое постмехматовское восприятие науки и то, что я от него отрешился и увидел привлекательность конкретной деятельности, было для меня очень важным. Я бы сказал – судьбоносным. Вот почему я отношу Д.А. Вентцеля к числу своих основных учителей, по существу, двух людей, давших мне то видение науки, с которым я прожил жизнь – Вентцеля и Тамма, хотя я не был формальным учеником ни того ни другого.

Д.А. Вентцель

Е. С. и Д.А. с дочерью Татьяной

“Прицелиться, нажать и попасть!...”

Будущие профессора на испытаниях

Дорога на полигон

Перекур между взрывами

У крыла Е.С. Вентцель, И.В. Худяков, Я.М. Лихтеров

В. Б. Соколовский

Е. В. Золотов

Но основной ценностью факультета вооружения первых послевоенных лет, была молодежь, направленная в Академию по мобилизации в июне 41-го года. Тогда наше правительство в тяжелейших условиях нашло мужество сохранить университетскую молодежь, направив значительное число выпускников и студентов старших курсов в военные инженерные академии. Не располагая цифрами, я тем не менее думаю, что быстрое создание ракетно-ядерного потенциала и развитие военной промышленности во многом обязано этой акции, сохранившей для страны молодых инженеров и ученых. В послевоенные годы во многих НИИ и КБ я все время встречал выпускников различных военных и инженерных академий, которые были туда направлены для обучения в первый месяц войны. Что же касается нашего факультета авиационного вооружения, то там из числа его окончивших бывших универсантов, было оставлено в качестве адъюнктов, младших преподавателей и инженеров несколько десятков по-настоящему талантливых старших лейтенантов. Возник совершенно уникальный молодежный коллектив, который в сочетании с Вентцелем, Пугачевым, Покровским и многими другими талантливыми учеными старшего поколения представлял огромную национальную ценность. К сожалению, начальство ВВС не сумело должным образом оценить этот коллектив и его хорошо использовать для решения проблем развития авиационного вооружения. Вместо этого, оно начало его постепенно разгонять. Под разными предлогами.

Я могу понять некоторые соображения высокого начальства, связанные с ведомственным принципом. Академии созданы для того, чтобы учить людей, а не заниматься новыми техническими разработками и большой наукой. Да и сам коллектив не очень нравился начальству – все какие-то "индивидуи", каждый сам по себе и собственное мнение иметь хочет. И строевая подготовка у них – хуже некуда! А тут появился повод – целый ряд средних учебных заведений стали преобразовывать в высшие. Вот они нас и стали рассылать по всей стране. Осенью 47-го года меня отправили в Харьков с большим повышением – начальником учебного отдела Харьковского Высшего Технического Училища. Такую должность обычно занимает полковник, в крайнем случае подполковник. А я же продолжал оставаться капитаном.

Вскоре за мной следом и мой начальник Е.Я. Григорьев уехал в Пермь заместителем начальника училища. Туда же в Харьков уехал майор Дезорцев. И потянулись в разные концы необъятного Советского Союза те, которых следовало бы держать в кулаке и не терять критической массы их интеллекта и способностей. Хорошие мозги, как и ядерное горючее, тоже дают эффект взрыва лишь в том случае, когда есть критическая масса!

Когда в середине 50-х годов мне снова была оказана милость оказаться допущенным до "закрытой науки", то опять пришлось иногда бывать на своем факультете. Но я его уже не узнал. Хотя целый ряд талантливых "бывших молодых" и сохранился, превратившись в степенных старших офицеров, атмосфера была уже не та. В первые послевоенные годы всё было устремлено к поиску нового. Мы всё время учились и математике, и техническим новшествам, решали всякие задачи, соревновались друг с другом и благодаря этому быстро двигались вперед. Теперь же мои бывшие товарищи солидно и профессионально выполняли свои профессорские и доцентские обязанности.

Факультет продолжал существовать, как отличная кузница отличных кадров – чего и хотело начальство. Но он уже был не тем – послевоенным, и страна от этого потеряла многое! Факультет потерял душу, да и Вентцель скончался.

(Из книги Н.Н. Моисеева «Как далеко до завтрашнего дня. Свободные размышления» М.: МНЭПУ, 1997)

В.Б. Монсик, профессор, к.т.н.

Л.А. Овчаров, профессор, д.т.н.

Е.С. ВЕНТЦЕЛЬ

В АКАДЕМИИ ИМЕНИ Н.Е. ЖУКОВСКОГО

В 1934г известный ученый – баллистик Дмитрий Александрович Вентцель был назначен начальником кафедры авиационной баллистики на только что созданном факультете академии имени Н.Е. Жуковского. В 1935 году вся его семья, включая жену Елену Сергеевну Вентцель и дочь Татьяну, переезжает в Москву. Влияние научного направления мужа было определяющим для Елены Сергеевны – она вначале посвятила себя баллистике авиационных средств поражения, оценке их боевой эффективности, что, вполне естественно, привело ее в дальнейшем к серьезным разработкам по теории вероятностей и исследованию операций, теории боевой эффективности комплексов авиационного вооружения.

В 1935 году Елену Сергеевну назначают начальником вычислительного бюро артиллерийского факультета академии, а с 1939 года начинается ее педагогическая деятельность – она становится ассистентом на кафедре воздушной стрельбы. В этот период происходят важные семейные события в семье Вентцелей – рождаются сыновья: Александр (1937 г.) и Михаил (1939 г.). В связи с этим вся дальнейшая научная и педагогическая деятельность Елены Сергеевны сопровождается еще подвигом женщины – матери троих детей. Все они, кстати, пошли по стопам родителей: Михаил закончил ВВИА им. Н.Е. Жуковского и работал в различных НИУ ВВС, Александр и Татьяна учились в МГУ. Александр стал профессором, а Татьяна – доцентом МГУ. Но все это будет еще впереди, а пока идет 1940 год, когда Елена Сергеевна назначается преподавателем кафедры воздушной стрельбы.

Грянула война. Академия готовит авиационных специалистов по ускоренной программе обучения. Об этом периоде жизни Елена Сергеевна говорила просто: ”Я работала, как все люди вокруг”, добавим, по 12-14 часов в сутки – на работе, а еще был дом, семья, дети.

В 1944 году Е.С. Вентцель становится кандидатом технических наук и в 1947 г. назначается старшим преподавателем кафедры воздушной стрельбы. Активно занимается научной работой, готовит материал для докторской диссертации. В 1949 году выходит в свет замечательная книга «Элементы теории вероятностей и приближенных вычислений»

– единственная книга, написанная совместно Д.А. Вентцелем и Е.С. Вентцель и ставшая на долгие годы учебником по приближенным вычислениям.

Чуть позже Е.С. Вентцель издает знаменитые в то время «Таблицы для вероятностей поражения самолета артиллерийскими снарядами в рамках гипотезы о схеме двух групп ошибок». Таблицы позволяли производить оперативные расчеты по оценке эффективности стрельбы из авиационных пушек по воздушным целям. В 1953 (?) году состоялась успешная защита ее докторской диссертации на тему: «Некоторые вопросы эффективности воздушной стрельбы дистанционными снарядами по самолетам». Прекрасный итог плодотворной научной и педагогической деятельности.

Елена Сергеевна в расцвете творческих сил, ей 46 лет. Выросли дети, – им уже 20, 16, 14 лет, соответственно. Продолжается активная научно-педагогическая деятельность Елены Сергеевны по реализации идей заложенных в докторской диссертации. В течении последующих 10 лет она каждый год выпускает один-два отчета по НИР по заданным и инициативным темам. Постоянными ее сотрудниками были сотрудники факультета В.Б. Соколовский, Р.С. Саркисян, В.И. Власов, В.И. Гришин. Тематика научной работы Елены Сергеевны постоянно меняется от традиционной – исследование баллистики, рассеивание и эффективность авиационных снарядов и неуправляемых ракет – к тематике, ориентированной на новые вопросы – исследование эффективности управляемых ракет, динамики боевых действий, эффективности комплексов авиационного вооружения и боевого летательного аппарата в целом. С именем Е.С. Вентцель связано широкое внедрение вероятностных методов исследования при разработке новой авиационной техники и вооружения. Именно благодаря ее трудам теория вероятностей и исследование операций стали доступны не только математикам, но и всем, кто обращался к ним при решении научно-практических задач. Конструкторы получили возможность создавать боевые летательные аппараты, имеющие близкие к оптимальным летно-технические характеристики и эффективную систему вооружения.

Необходимо отдать должное Елене Сергеевне в том, что она воспитала целую плеяду исследователей способных бескомпромиссно отстаивать научные истины. Особо нужно отметить ее уникальный педагогический дар. Несмотря на математическую сложность теории вероятностей, теории случайных процессов, теории боевой эффективности авиационной техники, ее лекции по этим дисциплинам были методическим примером блестящего изложения учебного материала для нескольких поколений преподавателей академии. Безмерным уважением пользовалась Елена Сергеевна и у слушателей академии, даже несмотря на то, что неудовлетворительных оценок на экзаменах выставлялось достаточно много, — здесь она проявляла

беспощадную принципиальность. Поразительной была ее работоспособность, особенно в условиях обычной кафедральной сутолоки и бесконечных хождений слушателей, телефонных звонков и праздных разговоров сослуживцев.

В 1955 году Елена Сергеева становится профессором кафедры воздушной стрельбы — закономерный итог ее плодотворной и активной научно-педагогической деятельности.

В этом же году ушел из жизни Дмитрий Александрович Вентцель — генерал-майор ИТС, лауреат государственной премии, действительный член Академии артиллерийских наук.

Многие годы самоотверженного труда принесли Елене Сергеевне Вентцель широкую известность в педагогических, научных и инженерных кругах как в нашей стране, так и за рубежом. Высокая культура речи и письма, огромная требовательность к своим работам сделали ее книги настольными для нескольких поколений ученых и инженеров. Здесь необходимо отметить следующие замечательные книги, ставшие в одночасье библиографической редкостью:

- *Теория вероятностей* (1964, 1969, ..., 2006);
- *Основы теории боевой эффективности и исследования операции* (1961, ВВИА, вместе с Лихтеровым Я. М., Худяковым И. В., Мильграмом Ю. Г.);
- *Исследование операций* (1972);
- *Популярная серия книг для инженеров*;
- *Теория вероятностей и ее инженерные приложения* (1988);
- *Теория случайных процессов и ее инженерные приложения* (1991).

Они носят универсальный характер и широко используются для исследования по различным научным проблемам и создания образцов новой техники во многих отраслях промышленности. Книги Елены Сергеевны по теории вероятности и исследованию операций переведены на английский, немецкий, французский и испанский языки, используются в университетах США, стран Европы, Азии и Африки. При этом широко применяются введенные ею понятия.

Блестящее владение русским языком и активная жизненная позиция привели Елену Сергеевну к потребности изложить свои взгляды на жизнь в литературе. Хотя все началось еще в сороковые-пятидесятые годы с издания домашних книг для собственных детей. Некоторые из них даже вышли в «Детгизе». В настоящее время трудно сказать, кто пользуется большей известностью: ученый — профессор, доктор технических наук Елена Сергеевна Вентцель или писательница И. Грекова (этот литературный псевдоним многими понимается как шутка: если убрать точку после «И», получится «Игрекова»).

Имя И. Грековой сразу запомнилось любителям русской словесности с выходом в 1962 году в «Новом мире» ее первого рассказа «За проходной», посвященного трудовым будням ученых некоторой лаборатории № 10. Следующий ее рассказ – «Дамский мастер» появился через год в том же «Новом мире» и закрепил ее литературный успех. В 1966 году выходит ее первая книга «Под фонарем», куда вошли «За проходной» и «Дамский мастер», и еще три ее рассказа. В Новом мире в 1967 году была напечатана великолепная повесть «На испытаниях». В ней рассказывалось об испытаниях вооружения на секретном полигоне в некоей русской глубинке

Повесть имела большой успех – ее сразу перевели на несколько языков. В повести было все, чем был силен замечательный литературный талант И. Грековой, – динамика повествования, изумительные по точности и юмору речевые характеристики персонажей, их взаимоотношения. С большим вкусом И. Грекова описывает «самый нехарактерный для советского общества тонкий слой людей, которые на вопрос «чем вы живы?» отвечают: «скорее всего работой». Повестью зачитывались, ею восхищались – особенно за подлинность, за отсутствие лакировки. Но хоть 1967 год еще относился к «хрущевской оттепели», но правда, хотя и в завуалированной форме, оказалось неприемлемой. Особенно для политотдела родной академии имени Н.Е. Жуковского. Несмотря на попытки друзей и коллег по кафедре защитить честь и достоинство Елены Сергеевны, устроено было публичное осуждение повести. К этому процессу подключилась и газета «Красная звезда». Гнев политработников вызвало и правдивое изображение условий жизни офицеров на полигоне, и сюжет повести – неудача испытаний, – и даже сам факт ее публикации в журнале «Новый мир». Какое право имел гражданский профессор военной академии опубликовать такую очернительскую книгу?!

Что чувствовала и пережила женщина – ученый, на которую так наехал политотдел, позже описала И. Грекова в небольшом рассказе «Без улыбок», написанном в 1975 году. А Елена Сергеевна Вентцель, несмотря на поддержку ее представления на должность профессора академии подавляющим большинством членов Ученого Совета, подала заявление об уходе из академии Н.Е. Жуковского и стала профессором Московского института инженеров железнодорожного транспорта. Ей в это время пошел 61 год, – время расцвета для ученого и педагога! Вне всякого сомнения, академия и факультет авиационного вооружения, авиационная наука понесли значительный ущерб. Здесь же следует отметить, что научная и педагогическая деятельность профессора никак не была оценена военным командованием, в то время как литературная деятельность И. Грековой – правительственной наградой – орденом «Дружбы народов».

После ее ухода из академии в 1968 году выходили учебники, монографии, защищали диссертации ее ученики, расцвел талант писательницы И. Грековой, – увидели свет более десятка рассказов и повестей, в том числе такие замечательные, как «Кафедра», «Вдовый пароход», «Перелом», «Фазан», «Скрипка Ротшильда», «Хозяева жизни».

Подводя итог сказанному о Елене Сергеевне Вентцель, авторы, да и все многочисленные ученики и последователи ее научной и педагогической деятельности, а также почитатели ее литературного таланта, сохраняют чувства глубокой благодарности Елене Сергеевне за все разумное, доброе, вечное, что осталось в душах и сердцах знавших ее и общавшихся с нею людей.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ
ОБСУЖДЕНИЯ ПОВЕСТИ И. ГРЕКОВОЙ “НА ИСПЫТАНИЯХ”

на заседании партбюро творческого объединения прозы
московской писательской организации СП РСФСР
16 февраля 1968 года.

Заседание проходило под председательством И. З. Вергасова²⁷.

Стенографистки: А. Ляндау, Д. Розенберг.

Расшифрованный текст стенограммы насчитывает 188 страниц. Поэтому составители сборника поместили только небольшие отрывки из выступлений всех участников обсуждения. Правда, знакомство со стенограммой приводит к мысли, что имело место не обсуждение, а скорее, нечто похожее на столкновение двух галактик – настолько далекими друг от друга были мотивы, критерии оценки и полемические приемы противников и сторонников Е. С. Вентцель.

Фамилии оппонентов Елены Сергеевны не приводятся, так как нам неизвестно, какие изменения претерпели их взгляды и суждения за прошедшие десятилетия, да и оппонент, по существу, был единственный и всем известный – тоталитарный режим.

Имена защитников Е. С. приведены по тексту стенограммы. Выбранная ими позиция требовала в то время определенного уровня гражданского мужества и чувства ответственности перед искусством. Особенно это относится к офицерам Советской Армии, выступившим против линии всемогущего Главного политического управления армии. Надо отметить, что эти офицеры, как и большинство выступавших писателей, прошли фронты Великой Отечественной Войны.

Нельзя не обратить внимание и на единодушие писателей и литературных критиков, принимавших участие в заседании, когда речь шла о защите принципов художественности и реализма.

Следует также напомнить, что несмотря на подавляющий перевес положительных оценок повести, как во время данного обсуждения, так и в читательской почте, И. Грекову не печатали вплоть до 1980 года, за исключением двух детских книжек 1976 и 1978 годов издания.

И. З. Вергасов

²⁷ Илья Захарович Вергасов (1914 – 1981) – писатель. Во время Великой Отечественной войны командовал партизанским отрядом в Крыму, и в дальнейшем партизанская тема стала главной в его творчестве

У нас сегодня очередное заседание партбюро творческого объединения прозы с участием бюро творческого объединения прозы во главе с председателем Г.С.Березко²⁸, с участием приглашенных товарищей...

Я хочу немного сказать о специфике наших обсуждений.

Мы рассматриваем не документальные записки, а художественные произведения, в данном случае повесть, с обобщенными образами, с обобщенными явлениями жизни, тот интерес, который писатель вызвал своим трудом. Мы говорим о характерах, об архитектонике, о языке произведения, о новаторстве произведения и о том, явление это в литературе или, может быть, рядовое произведение, которое не стоит внимания. Во всяком случае мы сами будем говорить и гостей призываем говорить именно о художественном произведении, обобщенном.

Бывают такие разговоры, когда говорят, что это написано о таком-то селе, о таком-то городе, о таком-то человеке. Мы всерьез такие выступления принимать не будем, потому что мы не можем художественное произведение сделать предметом приземления в какой-то географической точке...

Полковник С. – (Акад. им. Н. Е. Жуковского)

... Каждое художественное произведение советского литератора должно служить нашему делу. Сейчас создалась такая ситуация, что нам позарез необходимо укреплять связь армии с народом, формировать соответствующее отношение к армии, поднимать авторитет армии, который в отдельных наших произведениях, может быть помимо желания авторов, подрывается.

... Все, что описывает Елена Сергеевна, может быть, но когда подавляющее большинство героев повести изображается такой однообразной серой краской, как скопище невежественных, мало культурных, неорганизованных, недисциплинированных людей, интересы которых чрезвычайно узки, – сводятся только к тому, чтобы выпить, пожрать, за женщиной поволочиться, то это уже неправда.

... Демократизм у него <генерала Сиверса> показной, способ воздействия на людей демонстрируется на ряде конкретных эпизодов – смешать человека с грязью, показать его ничтожество и добиться таким образом желаемых результатов.

... К этому можно еще добавить, ни один наш коллектив немыслим без партии, без партийного влияния. В повести Грековой партия начисто отсутствует, никак не ощущается, а это тоже неправда...

²⁸ Георгий Сергеевич Берёзко (1905 – 1982) – писатель-фронтовик, доцент литературного института, автор многих повестей и романов о Великой Отечественной войне.

А. М. Борщаговский²⁹

... Там <в повести> много прекрасных людей, если отказаться от пренебрежительного взгляда на людей и взять их такими, какими они живут рядом с нами – в квартирах, в наших семьях, со всеми их недостатками, какими они представляются наблюдательному писателю.

И последнее, в одной из рецензий был даже такой упрек, кажется в “Молодой гвардии”, что дескать, если бы заменить эти испытания испытаниями тракторов или комбайнов, то дело не изменилось бы. Я считаю, что это прекрасное свойство этой повести...

Д. Павлова

... Последний вывод – и не только мой, а я разговаривала с со многими молодыми ребятами, спрашивала их впечатление. Эта книга возвышает армию в глазах людей, она показывает, какую огромную работу делает армия в мирное время. Делают ее обыкновенные люди, не стоящие на котурнах, которым тяжело работать...

И. В. Гутчин (Научный совет по кибернетике АН СССР)

... В “Молодой гвардии” автор надергал все, что касается, извините, нужников (я это говорю, потому что об этом уже сказано в печати) и написал – “Проза с запахом”.

Автор же другой рецензии сделал нечто противоположное: он надергал все, что касается отношений мужчины и женщины и назвал свою рецензию “В жанре дамской повести”.

... Я считаю совершенно необходимым сказать как одному из бывших сотрудников такого учреждения <оборонного НИИ или КБ>, что в повести сказана единственно возможная, существующая правда, та правда, о которой говоришь, что она без вранья.

... Настоящие, подлинные герои произведения несомненно Сиверс, Скворцов, Гиндин. Нужно какое-то злостное нежелание понимать, чтобы такие образы истолковывать как образы отрицательные. Люди не ангелы и люди не дьяволы. В повести нет белых и черных. Есть живые и правдивые. Это цельные характеры. Это такие цельные характеры, что остается впечатление, что ты всю жизнь знал этих людей. Эти люди не могут иначе поступить. Их слова, поведение, образ мыслей – внутренне оправданы. Эти образы на высочайшем художественном уровне...

²⁹ Александр Михайлович Борщаговский (1913 – 2006) – писатель, сценарист знаменитого фильма «Три тополя на Плющихе»)

Подполковник И. Б. Погожев

... Люди, о которых она пишет, живые, действуют в типичной обстановке и это очень сильно обогащает, позволяет лучше понять тех людей, которых я знал и видел сам.

... Автор своей манерой письма напоминает картины Рембрандта – для того, чтобы подчеркнуть главное, надо положить много тени. В 1643 году Рембрандт писал “Ночной дозор”, где изобразил группу стрелков, которые остались недовольны из-за отсутствия портретного сходства, что они не получились такими красивыми, как хотелось им быть.

Не разглядеть в повести “На испытаниях” любовь людей к своему делу, просто трудно...

В. Соколов

... Полковник С. говорил о телевизионной передаче, которую я недавно вел, и там действительно повесть Грековой упоминалась. В беседе с Баклановым³⁰ на вопрос о том, какое современное произведение об армии его заинтересовало, он назвал два, только упомянув их – роман Березко “Сильнее атома” и повесть Грековой “На испытаниях”.

Что происходит дальше? Меня вызывают к телевизионному начальству и говорят, что вся передача подвергается сомнению из-за упоминания повести Грековой. Были, мол, звонки по этому поводу.

(С мест Позор!)

... Это вопрос литературного решения и такта – не перевернуть эпоху, показать, как это было. Поэтому я не могу признать упреков в неправде сколько-нибудь аргументированными...

Полковник Б. – (Акад. им. Н. Е. Жуковского)

... Натуралистическое копирование фактов, имевших место в действительности, еще не имеет ничего общего с искусством. А раз это натурализм, то как же мы можем говорить о художественных достоинствах?!

На первом плане мы видим будку с буквой “М”, ветер уносит будку с “М”, а кучи остаются, окорока воняют рыбой... и дальше идет этот “букет” до самого конца.

... Если с позиций ленинского отношения к искусству и к жизни подходить, нельзя признать даже просто правдивым, даже натуралистически точным изображение нашей

³⁰ Григорий Яковлевич Бакланов (1923 – 2009) – писатель-фронтовик, автор знаменитой повести «Навеки девятнадцатилетние»

действительности. Я не говорю уже об изображении с позиций социалистического реализма.

... Я ставлю вопрос, – а какова цель, почему вы, автор, так скрупулезно стянули в один фокус столько безобразий...

... Считаю, что редакция журнала “Новый мир” поступила весьма плохо перед нашим обществом, опубликовав эту порочную в идейном и удивительно слабую, натуралистическую в художественном отношении вещь.

Я автору советовал раньше – откажитесь печатно от нее, это будет благородный поступок. (Шум в зале)

Н. Ильина³¹

Я на особую тему по поводу языка и стиля Грековой. Дело в том, что Илья Захарович, упомянув ряд рецензий, не упомянул еще один журнал – “Русская речь” издательства “Наука”. Я вынуждена об этом сказать, поскольку автор рецензии Скворцов почему-то клянется моим именем...

... Известно мне, что Скворцов неоднократно выступал в журнале “Культура речи” против такого рода отвратительных и невеселых сочетаний просторечия с канцелярским языком.

У Грековой на такой язык особое ухо, она эту речь слышит великолепно, показывает как бы под увеличительным стеклом. И пусть кое-где она утрирует и персонажи разговаривают уже, по выражению Достоевского, “эссенциями”, но это ее способ борьбы с этой речью.

...Вообще же, здесь идет спор о праве художника писать правду...

Полковник З.

... Поэтому те запевы, которые здесь даны, и беспокойство нашего уважаемого председателя о порядке немного наводят на беспорядки, потому что уж больно опекают, как бы кто-то не обидел Грекову.

... Сейчас, конечно, мои слова увязнут в криках и шумах несогласия.

... В повести не сказано, что ему <генералу Сиверсу> было дано, с какой он задачей приехал и кто он такой, Сиверс, – старший или нет. В полетном листе он не значится старшим.

³¹ Наталия Иосифовна Ильина (1914 – 1994) – писатель и фельетонист, в 1960-е годы много писавшая о культуре речи.

... А в это время взрывается самолет, убивает людей, а он <генерал Сиверс> их находит заср...ми. Потом садится в самолет и снова он балагурит, смеется...

... И я хотел бы обратиться к Грековой, чтобы она не бросала эту тему. Тема интересная – тема армейской жизни, с которой она связана, которую она знает неплохо. Только хотелось бы, чтобы нашего солдата авиации подавали не таким, ибо нам не поверят, что это мы осваиваем космические просторы...

М. Галлай³² – летчик-испытатель, Герой Советского Союза, член ССП

... Мне кажется кощунственной сама мысль, что Елена Сергеевна могла изобразить генерала Сиверса с антипатией. Это личность обаятельная, такая же обаятельная, как и прототип этой фигуры. Литературный герой получился обаятельный. Он мог бы вызвать лейтенанта Ночкина и приказать ему, но он хотел воспитать Ночкина иронией. А до лейтенантов ирония доходит, это я знаю. (аплодисменты)

В одной из рецензий, которая, к сожалению, нашла место на страницах “Литературной газеты” – бывают недосмотры и в “Литературной газете”, – Грекову обвиняют, что ее герои чрезмерно интеллектуальны. Еще несколько лет назад один из авторов в одной из центральных газет противопоставлял интеллигентность партийности. (смех в зале)

(С места Это Ермилов.)

Но это время прошло и, мне кажется, что упрекать, что люди интеллектуальны в этой повести, никак не приходится.

... Я думаю, что в полном собрании сочинений Елены Сергеевны эта повесть займет достойное место.

... Воспитывать людей можно только правдой, той правдой, которой, с моей точки зрения, в повести Грековой очень много.

А. А. Крон³³

... У меня нет ощущения пессимизма и страха за Елену Сергеевну. Я так уверен в жизни этого произведения, что, мне кажется, она может спокойно вынести те естественные огорчения, которые связаны с появлением свежего и оригинального произведения. Что же касается повести Грековой, об отдельных слабостях которой я тоже мог бы говорить в академическом плане, то я совершенно уверен, что эта талантливая повесть будет жить.

³² Марк Лазаревич Галлай (1914 – 1998) – писатель.

³³ Александр Александрович Крон (1909 – 1983) – писатель.

... Подполковник Бялковский*

... Умение увлекательно писать об обыденных вещах, а повесть написана увлекательно, свидетельствует о незаурядном таланте автора. Другой характерной чертой творчества И. Грековой вообще и обсуждаемой повести в частности, является исключительная образность и правдивость описания людей, обстановки и событий, достигаемая очень скудными средствами.

... Автор рецензии <Молотков> сам далее перечисляет приведенные в повести недостатки Сиверса – надменность, шутовство и в эту же строку ставит его высокую образованность. Он, например, пишет: ”При этом автор восхищается не деловыми качествами Сиверса, а его ... высокой образованностью”. (смех в зале)

По нашему мнению, для генерала, для инженера, для научного работника образованность является одним из важнейших деловых качеств.

... Критикуя образ ведущего <испытания>, генерал-рецензент гневно восклицает: “Он даже не умеет докладывать” – и приводит слова из повести: “Готово, товарищ майор, – доложил ведущий. – Сами наводить будете или как?” Может быть, генералам так и не докладывают, а майорам в отсутствии генералов докладывают и похуже. (смех в зале)...

Проф. Долецкий³⁴ – врач, член ССП

... Я вспоминаю 1952 год, я был в Каракалинске и здесь <в повести> я прочел совершеннейшее описание этого городка. Я думал, какая правда.

В прошлом году я объехал 14 городов нашей страны и с радостью констатировал, что и магазины другие, и телевизоры есть, т. е. бытовая часть подтянулась, но моральная часть гораздо медленнее воспитывается. Встречал я своих друзей по фронту и, честное слово, есть такие люди! Не соврала Грекова. И с этой точки зрения огорчительна та критика, которую мы прочитали. Я их понимаю. Говорят, понять значит простить, но их я простить не могу. Написана повесть здорово. Пишите, пожалуйста, Елена Сергеевна!

Т. Болдырев

... Мне кажется она <повесть> недостаточно продумана и в этом ее очень слабое, уязвимое место.

* Есть предположение, что при расшифровке стенограммы фамилия была искажена, вероятнее – Олег. Белаковский.

³⁴ Станислав Яковлевич Долецкий (1919 - 1994) – детский хирург, писатель, академик АМН СССР. Главный детский хирург Министерства здравоохранения РСФСР.

Что же касается того, что потом началось вокруг этой повести, то это такое тяжкое явление, которое ничего хорошего нашей литературе никогда не давало и в будущем не даст...

Полковник А.

... Я хочу довести до вашего сведения мнение широкого круга испытателей, многотысячного коллектива, в смысле отношения к повести Грековой "На испытаниях". Видимо, наиболее полезным это произведение должно являться для тех, кого автор характеризует в своей работе.

Внимательно прочтя это произведение, обсудив его в общественности, меня просили доложить вам это мнение. Оно, может быть, не так красиво изложено, как здесь говорят, а написано в простых обобщающих выражениях, но я бы просил его выслушать. Прошу извинения, но я его буду читать.

... Вопреки многообещающему названию повести, испытания не занимают в ней главного места. Они скорее выступают в качестве предлога для встречи людей, интимную жизнь и нравственные вывихи которых щедро описывает автор.

Испытательная работа и испытатели показаны однобоко, примитивно, извращенно.

... В повести уродливо и однобоко представлены почти все лица, имеющие отношение к испытаниям, образы их карикатурны, многие поступки анекдотичны. Офицеры-испытатели показаны ограниченными, равнодушными к своей работе людьми, занимающимися на досуге в основном пьянством.

... Такой же негативизм проявляется и в отношении членов семей военнослужащих. Жены офицеров – это далекие от дел и забот мужей, склонные к флирту и изменам женщины.

... Даже детей не пощадила автор.

... Каждый персонаж живет сам по себе, а коллективизм проявляется лишь при организации вечеринок с выпивками.

... Какой положительный пример подражания можно почерпнуть из них? Никакого.

Так зачем же они изображены? С какой целью? И поэтому встают вопросы – что это, чем она, зачем она?

... Превосходством высших над низшими, высокомерием положительных героев над "местными" жителями пропитана вся повесть. Это не делает ей чести и от этого замысел ее и цель не становятся более понятными.

... Все люди нашего многотысячного коллектива и местные жители осуждают повесть. Это получило отражение и в нашей печати, на страницах журнала “Русская речь”, “Красная звезда”, “Литературная газета” и др...

<После этого заявления возникла нижеследующая дискуссия.>

Тамара. Мотылева³⁵

Вы выступали здесь от лица многотысячного коллектива... Неужели много тысяч военнослужащих о такой сложной вещи, как художественное произведение думают совершенно одинаково? Как это может быть?

И. З. Вергасов

Нас как писателей интересует, как можно организовать – вы нас научите – мнение многих тысяч людей об одном произведении?

А.

Так, как вы это делаете здесь. Обсуждение этой повести в непосредственной среде испытателей.

С места

Вы голосовали при этом?

А.

Да, голосовали.

И. З. Вергасов

Давайте примем это за шутку...

В. Л. Левин³⁶ – Институт русского языка АН СССР, лингвист

... Это герои, действительно, очень сложные и, что человек хочет, то он в них и видит. Я вижу в них прежде всего людей талантливых. Общая черта, объединяющая их всех, – это их талантливость в работе – не очень броско, где-то за кадром, но она во всем.

³⁵ Тамара Лазаревна Мотылёва (1910 – 1992) – литературовед, доктор филологических наук.

³⁶ Виктор Давыдович Левин (1915 – 1997) – филолог, руководитель сектора стилистики ИРЯ.

Даже майор Тысячный – талантливый художник. И внутренне все они интересные люди и при этом остаются реальными людьми.

... Мы считаем, что повесть Грековой может быть принята как определенное оружие в борьбе с языковой неграмотностью, потому что до некоторой степени это языковая сатира, но эти языковые недостатки не соединяются с моральными недостатками. Нет издевательства над людьми – носителями этого диалекта...

Ф. Кузнецов³⁷

... С моей точки зрения, и в выступлении т. Б., и в выступлении т. А. прозвучала удивительная и очень тревожная эстетическая глухота, недостаток, простите меня, эстетической культуры и, может быть, это очень жестко прозвучит (но я, например, не боюсь признаться в невежестве в сфере физики или аэродинамики), эстетическое невежество...

Из письма К. И. Чуковского

(Читает И. З. Вергасов)

... Но, конечно, ее искусство больше всего замечательно тем, что воссоздавая образы различных (преимущественно хороших) людей, она не упрощает их психику в угоду каким бы то ни было внелитературным задачам, а рисует каждого человека во всей его сложности, во всем многообразии его психической жизни.

Здесь высшее достижение ее реализма.

... Словом, хотя в повести нет, кажется, ни одного персонажа, к которому можно было бы приклеить этикетку: “Положительный герой без изъянов и слабостей” – все же Грековой вполне удастся привлечь к этим людям сердца. Пафос всех ее повестей и рассказов именно в горячем любовании красотой человеческих душ. Невозможно не полюбить вслед за нею и эту неженственную, беспощадно правдивую Лиду, умевшую побеждать свои чувства дисциплиной большого ума, и этого “хозяйственного гения”, чудаковатого “градоначальника” Гиндина, и порывистого Игоря, молодого шофера, к которому автор относится с какой-то материнской любовью, и общительного, говорливого, потрясающе здорового майора Скворцова, и вообще всю эту когорту – нисколько ни праведников – но безоглядно преданных своему делу людей.

³⁷ Феликс Феодосьевич Кузнецов (1931 – 2016) – литературовед, в дальнейшем руководитель Московской писательской организации и Института мировой литературы, проводник партийной линии руководства литературой.

С места

Невозможно слушать, потому что возле меня полковник Б. говорит: “из ума выжил старик”.

И. З. Вергасов

Как можно такое говорить? У нас в истории Союза писателей первый раз в жизни такое...

Из письма К. И. Чуковского

... Эти строки я пишу по предложению Союза писателей. Очень жаль, что болезнь и старость мешают мне принять более близкое участие в обсуждении повести.

... К сожалению, я никогда не был дамой³⁸, но право же, если бы писал современную повесть, непременно высмеял бы в ней ту дикую, некультурную речь, против которой ополчается в своей повести Грекова. (Аплодисменты)

Полковник Г. – (Акад. им. Н. Е. Жуковского)

... Я уже не первый раз выступаю, выступал на партийной конференции в Академии, на партийном активе как начальник идеологической кафедры, и все писатели – это тоже работники идеологического фронта.

... Сегодня задача заключается не в том, чтобы дать огульную критику и охаивание произведения Елены Сергеевны, или приклеить какие-то ярлыки, а в том, чтобы дать объективную критику.

... Там даже есть и такие издевки по адресу теории, хотя и не говорится о марксистско-ленинской теории, но, видимо, это так. (Шум в зале)

... Один герой, один Сиверс творец истории, барски пренебрежительно относится к народным массам, рядовым солдатам и офицерам. Это чернь, толпа, которая только должна слушать его приказы. Разве этот момент не пронизывает произведение от начала до конца?

С места

Не пронизывает.

Г.

³⁸ В рецензии, с которой спорит Чуковский, И. Грекову обвиняли в том, что ее повесть «На испытаниях» – «дамская».

Нет пронизывает. Поэтому данное произведение не отвечает требованиям.

... Но дело в том, что то, что сделано в период субъективизма <Хрущева>, и писатели, и ученые исправляют и до сих пор не могут исправить. Только потому, что появляются такие произведения.

... Там есть и другие струнки, там тезис красной нитью проходит, определенное презрение и охаивание русского народа, нации, которая сыграла известную роль ... (Шум в зале)

С места

Аргументы?

Г.

Возьмите фамилию генерала – вот вам аргумент! (Шум в зале)

Я своего мнения не навязываю, но я считаю, что в идейном отношении произведение порочно от начала до конца. Это первое.

Второе. Произведение противоречит коренным положениям марксистско-ленинского учения по вопросу о роли народных масс и личности в истории.

Третье. Я полностью разделяю мнение, что произведение в художественном отношении не выдерживает критики...

А вашу реплику, что мы – неучи – я запомнил. <Это выпад по адресу Феликса Кузнецова>

И. З. Вергасов

Товарищ высказал свое кредо.

В. Я. Лакшин³⁹ (“Новый мир”)

... Наши некоторые газеты и журналы выступили с критикой этой повести, и пошел огромный поток почты, причем на 90% положительный. Люди возмущены тем проработочным, грубым и бездоказательным тоном, каким разговаривают с писателем со страниц “Красной Звезды”, “Молодой Гвардии.”

... В заключение разрешите мне прочесть одно письмо, которое получено сегодня...

Это письмо группы научных работников из Новосибирска.

³⁹ Владимир Яковлевич Лакшин (1933 – 1993) – критик, заместитель Александра Твардовского в «Новом Мире».

“... Мы решительно протестуем против шельмования автора повести, против наклеивания ярлыков.

Мы надеемся, что Союз писателей оградит И. Грекову от несправедливых и тенденциозных нападок критиков...”

Подписи: Александров А. Д⁴⁰. – академик,

Берг Р.⁴¹ – доктор биологических наук,

Громыко⁴² – доктор исторических наук

и др.

...

т.. Энгельгард (Фундаментальная библиотека общественных наук)

... Я хочу спросить, мог ли многотысячный коллектив написать то, что нам читал товарищ полковник...

... Я прочел без перерыва точное начало письма товарища полковника <читавшего свой текст от имени многотысячного коллектива>. Между тем, это взято из двух писем в “Красную Звезду”. Одно из них подписано генерал-лейтенантом авиации Финогеновым и генерал-майором авиации Пашковым. А другое – всего 16 подписей, а не многотысячный коллектив...

Ф. Левин⁴³ – критик

... Полковник Б. сказал, что мы пришли защищать Грекову. Это неверно. Я пришел защищать советское искусство, защищать его подлинное понимание, понимание, что такое художественное произведение.

... Литература воспитывает и учит правдой и поэзией – вот два основных воспитательных элемента литературы...

Полковник Соколовский

... Когда я прочитал повесть Грековой, то я не нашел ничего такого, что могло бы оскорблять армию, инженеров, испытателей. Я как читатель с предметом повести знаком хорошо и в то время, и в период 1952 года и позже, бывал на разных испытательных точках. Единственный человек, к которому я отношусь с неприязнью, это майор

⁴⁰ Александр Данилович Александров (1912 – 1999) – математик, академик АН СССР (1964), в 1952 – 1964 годах ректор Ленинградского государственного университета. В разгар лысенковщины сохранил возможность генетических исследований в ЛГУ.

⁴¹ Раиса Львовна Берг (1913 – 2006) – биолог-генетик доктор биологических наук..

⁴² Марина Михайловна Громыко (1927) – историк-этнограф, доктор исторических наук.

⁴³ Фёдор Маркович Левин (1901 – 1972) – критик, преподаватель Литературного института.

Тысячный, потому что он “стукач”, который и должен вызывать отвращение. А остальные люди кажутся мне живыми людьми, заслуживающими доверия, и если есть у них недостатки, то это такие недостатки, которые не мешают им делать дело, на которое они поставлены.

... Появилось пять рецензий – очередью с малым интервалом. Каждая, может быть, представляет интерес, но мне не хотелось бы говорить о рецензиях в “Русской речи” и в “Молодой гвардии”, они написаны не профессионально. Мне кажется, чтобы написать такие рецензии, не надо обладать ни талантом, ни знанием литературы, достаточно обладать отсутствием обычной человеческой добросовестности и порядочности. При этом условии можно надергать из любого произведения любого писателя необходимые цитаты и изобразить в том виде, как хочется критику...

... После того, как критик не нашел положительного героя, поговорил от имени обобщенного читателя, он говорит – повесть идейно порочна... Это какая-то попытка подействовать на психику писателя, напугать его....

... Ни один из авторов рецензий, которые были напечатаны в пяти источниках, не заметил, что в повести много юмора и иронии. К повести относятся, как будто это отчет о деятельности энской военной части за такой-то период. А отсюда и претензии, что то-то не показано, что нет парторганизации.

... Если мы сумеем отказаться от односторонних рецензий, от этого недопустимого тона, то я думаю, что эта реалистическая литература пойдет на пользу всем слоям населения и, в частности, Советской Армии. Я думаю, что будущее за этим реалистическим направлением литературы. (аплодисменты)

Т. Роцин⁴⁴

... Мне кажется эта повесть незавершенной. Мне кажется, что для 1952 года слишком мало сказано, потому что, если бы Грекова писала о настоящей армии 1952 года, она должна была бы написать страшные вещи, а это не пропустил бы никто, а мы не могли бы читать без душевного содрогания.

... Я хочу сказать, что в 1952 году были страшные вещи не только в армии, о которых нужно было бы писать, о которых мы не пишем, к большому сожалению...

Генерал-майор Ч.

Я хочу выступить не как официальное лицо, а как читатель и участник того большого разговора, который здесь состоялся вокруг повести Грековой “На испытаниях”.

⁴⁴ Возможно, Михаил Михайлович Роцин (Гибельман) (1933 – 2010) – писатель, драматург и сценарист.

... Мы собирались обсудить повесть Елены Сергеевны, а началось что? Вышли за пределы этого обсуждения и пришлось ряду квалифицированных специалистов отойти от этого вопроса. И в результате не получилось того, что нам хотелось

Начну с Соколовского. Он человек военный, а его выступление перекликается с выступлением Борщаговского, который задал обобщительный тон.

... Не только из среды военных шли критические замечания в адрес этой книги, но критика шла от некоторых маститых литераторов, специалистов своего класса.

... Я вам могу авторитетно сказать, что очень много мы слышали нареканий в авиационных гарнизонах, говорят, что для такой небольшой части, которая там описана, слишком много собрали туда пороков...

... Тут говорили, что надо учиться читать. Но очевидно, надо учиться и писать, чтобы правильно понимали то, что хотел изложить автор, какие у него благие намерения, чтобы поднять нашу оборонную мощь.

Генерал-майор Газенко⁴⁵

В свое время был крупный математик Риман. Это был талантливый человек. Свои вещи он создавал, когда было страшно поздно, к утру следующего дня. Он сидел с ногами в горячей ванне и с пузырем со льдом на голове. Он утверждал, что когда он был крайне утомлен, мысли текут страшно медленно, их можно осязать, и тогда можно прийти к очень правильному решению, которое он хотел бы получить.

После всех страстей, которые были здесь, мы в такой степени утомления, что способны по-деловому попытаться уяснить сложившуюся ситуацию. Все было бы проще, если бы по обычаю древних римлян мы были бы в банях, не было бы туалетов <в смысле одежд> и мы не пытались бы себя делить по мундирам.

... Воспитать народ в правильном духе с точки зрения целей, задач морального уровня – это задача всех нас. Перед каждым из нас в меру нашего понимания стоит уйма сложных и ответственных задач, и мера нашего сознания определяется тем, насколько мы это понимаем и стараемся это сделать.

Если с этой точки зрения подойти, я не в состоянии сделать ни одного упрека этой повести, хотя с литературной точки зрения, как читателю, мне некоторые вещи не понравились.

⁴⁵ Олег Георгиевич Газенко (1918 – 2007) – физиолог, академик РАН, генерал-лейтенант медицинской службы, основоположник космической медицины,

... Замечательный русский физиолог академик Ухтомский в общем курсе физиологии, который он читал в Ленинградском университете, говорил, что, пожалуй, самая трудная проблема среди людей это попытаться понять другого человека.

... Я просто прошу попытаться понять друг друга, отбросить в сторону совершенно ненужные грубые слова, которые ничему не могут помочь и никогда не помогали. Если кто не чувствует себя спокойным, выдержанным и не в состоянии вести дискуссию, пусть он закроет свой рот на замок. (аплодисменты)

Г. С. Березко

... Тут товарищ полковник, наверно, обмолвился, но он сказал так: автор берет людей такими, какие они есть в действительности. И мне хочется сказать как литератору – а какими мне их брать, как не такими, какие они есть в действительности. Мне кажется, что правда, какой бы суровой, жестокой, неприятной она ни была, никогда не принесет вреда.

... Для меня не подлежит никакому сомнению, что все те фигуры, которые вывела в своей повести Грекова, за немногими исключениями, люди, которым открыто сердце писательницы. Она их внимательно рассматривает, видит их слабости, их недостатки, но она любит их, как любит всех живых людей...

... Во всяком случае, не надо с писателем разговаривать так, как разговариваете вы. Вы, товарищ Б., так разговаривали с Грековой, что это где-то стало похоже на допрос.

Какую цель имел писатель, когда он писал эту свою вещь? Как можно чувствовать себя вправе задать писателю такой вопрос здесь, причем писателю хорошему и не только хорошему писателю, но и человеку, который так много сделал для армии, для нашей победы?! Как можно было задать такой вопрос, как не дрогнуло ваше сердце?!...

Е. С. Вентцель (Грекова)

Я от всей души благодарю партийную организацию секции прозы и Союз советских писателей за то, что в ответ на мою просьбу, поданную в моем тяжелом положении, они мне оказали такую существенную помощь – организовали обсуждение, где я могла услышать не одну проработку, а еще и сочувственные отзывы.

Я в Союзе писателей всего год, в отличие от того, сколько лет я в армии, я нашла здесь такое сочувствие и такую поддержку, что я глубоко тронута отношением, которое здесь встретила.

И. З. Вергасов

... Конечно, мы не имеем права соглашаться с поведением товарища Б., который надавил особенно на нервную пружину и пришел уже очень возбужденным. Я представляю себе положение Грековой, когда она, одна женщина, стояла в идеологической комиссии среди сорока разгневанных мужчин!

... Мы считаем, что Грекова пришла в нашу литературу не как случайный человек. Грекова принесла в нашу литературу настоящее писательское лицо, и дай бог, чтобы мы каждый год хотя бы по 2-3 таких человека получали. (аплодисменты) Это было бы счастье...

И.Б. Гутчин

ВОСПОМИНАНИЯ

(Из книги: Жизнь вкратце. VIA Press, Baltimore, MD, 2002.)

О ПРЕПОДАВАТЕЛЯХ АКАДЕМИИ ИМЕНИ Н.Е.ЖУКОВСКОГО.

Среднего роста, в очках с тонкой оправой, гладко выбритый, Дмитрий Александрович Вентцель читал нам три курса: внутренняя баллистика, внешняя баллистика и теория приближенных вычислений. Он был любимым учеником ленинградского математика-судостроителя академика Крылова и автором многочисленных учебников и, главное, унитарного (единого для разных образцов оружия) патрона. Кроме того, он являлся автором закона изменения давления с высотой. О нем была статья во втором издании Большой Советской энциклопедии.

О Дмитрие Александровиче по Академии ходило множество анекдотов, но я буду писать только о том, чему я сам был свидетелем.

Интересен был стиль его лекций. Он начинал правильно, по теме лекции. Но через 10 – 15 минут (а иногда и раньше) он замечал что-то в аудитории (чаще всего – кого-то) и начинал говорить что-то, не имеющее к лекции никакого отношения. В конце такой «лекции» он говорил: «Об этом прочтете в моей книге на странице такой-то».

Например, однажды он заприметил, что слушатель Левицкий что-то читает. Д.А. тут же заметил: «Что вы там читаете, лейтенант?» Левицкий отвечал: « «Далеко от Москвы» Ажаева». – «И охота вам читать эту чепуху?» – спросил Д.А.. – «За эту чепуху присудили Сталинскую премию», – отвечал Левицкий. – «Вот-вот, – обрадовался Вентцель, – поэтому я и говорю, что это чепуха; за хорошую вещь Сталинскую премию не дают. Вот я на днях читал телефонную книгу. Так мне там попала фамилия Гитлер-Зубкова.»

Парторг курса тут же на перемене бросился в партком (а может быть, и еще кое-куда), чтобы об этом случае доложить. В результате Вентцеля пригласили на партбюро кафедры. А он был беспартийный, и парторгом у него на кафедре был бородатый полковник Терентьев. По должности он был заместителем Вентцеля.

О дальнейшем мы узнали от майора Шубина – это был наш представитель на кафедре баллистики. (Шубин отличался крайней рассеянностью. Однажды он получал очередной том Ленина, и на карточке расписался: «В. Ленин».) Так вот, от Шубина мы

узнали, что коммунисты-члены кафедры довольно долго ждали Вентцеля. Наконец, он пришел, веселый, жующий шоколадку, которую он отламывал от большой плитки.

Терентьев, тем временем, рассказывал историю, которая произошла с Вентцелем. Когда он дошел до «Гитлер-Зубковой», Вентцель его перебил и сказал: «А что вы думаете, я действительно нашел в телефонной книге Гитлер-Зубкову»...

На этом обсуждение закончилось...*

Экзамены он принимал оригинально: писать на бумаге он запрещал. Все должно было быть написано на доске. Он подходил, бросал взгляд на доску, а затем задавал вопросы, подчас не имеющие никакого отношения к основному предмету. Например, он экзаменовал майора Глеба Алексеева. Взяв в руки зачетную книжку и рассматривая ее, он вдруг сказал: «Да вы, батенька, тянете на круглого отличника?» «Да!» – с гордостью отвечал Глеб. – «Терпеть не могу отличников, – гневно заявил Д.А., – самый бездарный народ. Им все равно – лишь бы пятерку получить. Математику и смежные дисциплины я всегда знал превосходно, а все остальные – на тройку. Нудный вы человек. Я вам за это поставлю четыре».

У другого слушателя он спросил: «Какова орбита Сатурна?» Когда тот ответил, что внешняя баллистика такими вопросами не занимается, Вентцель сказал: «Верно, но культурный человек должен знать. Ставлю вам четыре».

И так далее – можно привести множество аналогичных примеров.

У меня однажды с Д.А. произошло столкновение на его контрольной работе по теории приближенных вычислений. Зная предмет, я решил сделать все три варианта, предложенных аудитории. Так как каждый из вариантов был рассчитан на два часа, мне пришлось поторопиться.

И вот настал день, когда Вентцель раздавал контрольные работы. На моей его рукой было написано: «Развратный у вас почерк, капитан. Ставлю за это четверку. Д. Вентцель.» А ведь у меня все было верно сделано, и я рассчитывал на пятерку с двумя плюсами!

О Вентцеле по Академии ходило множество анекдотов, о которых неизвестно – где ложь, где правда. Но три из них произошли у меня на глазах.

Д.А. экзаменовал Наума Воловича и задал ему вопрос, что нужно для производства артиллерийского салюта. Волович ответил: «Артиллерийские орудия». – «Верно! – обрадовался Д.А., – ставлю вам пятерку. А то во времена не столь отдаленные Петр удивился, что при его приезде не было артиллерийского салюта. И приказал коменданту

* Прим. ред. На самом деле все было совсем не так просто, и история эта далась и Д.А., и Е.С. очень нелегко.

написать объяснительную записку. В этой записке было сто пунктов. В сотом было написано: в крепости не было орудий. Петр написал на записке: вполне хватило бы одного этого пункта».

Второй случай произошел, когда я со старшим лейтенантом Гавриком зашел в Елисеевский магазин (я в то время жил рядом). Д.А. в толпе пробился к нам и спросил Гаврика: «Вот вы, старший лейтенант, знаете, чем мужчина отличается от женщины?» Он выждал изрядное время, пока Гаврик, красный, как рак, молчал, и сказал: «Так вот, кроме того, о чем вы сейчас подумали, мужчины застегивают одежду на правую часть, а женщины – на левую. Перезастегните шинель»...

Третий пример имел место, когда мы уже писали дипломный проект. Зашел Вентцель однажды в проектный зал и сказал: «Слыхали новость – Академию Артиллерийских Наук разогнали. Положа руку на сердце – давно надо было. Но, положая руку на карман, надо сказать – очень жалко. Ибо за членство в этой организации я получал пять тысяч рублей».

Еще один преподаватель, о котором я здесь хотел бы рассказать, была Елена Сергеевна Вентцель. (Ее отец – Сергей Федорович Долгинцев, известный в Ленинграде математик.) Во-первых, это жена Вентцеля. А во-вторых, она читала у нас теорию вероятностей. Моложавая, довольно интересная в то время женщина с четкой речью и прекрасной методикой.

А я в то время любил на лекциях читать детективы. И вот она углядела, что я все время сижу, наклонив голову. Она призвала меня не спать на лекции. Но я продолжал читать. Она заприметила меня, и это сказалось на первом же экзамене.

Я имел привычку входить на экзамен в числе первых слушателей. Пришел первым и на теорию вероятностей. Она задала мне обширный теоретический вопрос. Я с этим справился и пошел ей отвечать. Она спрашивала меня с некоторым «пристрастием», а уже около часа дня (начало было в 9.00) сказала: «Вот вы уже ответили на четверку; если хотите – я вам сейчас дам трудную задачу, если решите ее – ставлю пятерку, если нет – четыре».

Я к этому времени уже устал и сказал, что «четыре» мне достаточно. Но тут присутствовал начальник курса полковник Кутепов; он предложил мне минут на пятнадцать пойти прогуляться и придти снова. Я согласился.

Через полтора часа задача была решена, но помощник Елены Сергеевны сказал, что неверно. Подошедшая Е.С. посмотрела и сказала, что верно. И поставила мне пятерку. С

этого и началась наша дружба (если можно говорить о дружбе между преподавателем и учеником).

Во всяком случае, в 1969 году я получил от нее полный курс теории вероятностей (академик Колмогоров назвал его классическим трудом) с надписью: «Уважаемому Израилю Борисовичу Гутчину – бывшему ученику, а теперь скорее учителю. Е.Вентцель. 21.12.69.»

Когда я вернулся после своего назначения на работу в Москву, произошел еще целый ряд событий, в которых Е.С. занимала одно из центральных мест. Но об этом я расскажу в свое время.

ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА ВЕНТЦЕЛЬ.

Об Елене Сергеевне Вентцель я уже писал ранее. Но сейчас <...> рассказ о ней придется продолжить. Дело в том, что Е.С., помимо научного творчества, занялась также художественным.

Об этом я узнал непосредственно от нее, т. к. она дала мне прочитать в рукописи рассказ «Хозяева жизни» (1962). Рассказ был настолько увлекателен, что я его переписал в тонкую ученическую тетрадь. В маленьком рассказике уместилась вся жизнь героя: и «Кировский набор»⁴⁶, и любовь, и лагерь. И все это сделано мастерски, без лишних слов, а умозаключения она заставляет делать самого читателя.

<...> Особое место в ее произведениях занимают две вещи: роман «Свежо предание» и повесть «На испытаниях». Так как я имел к ним какое-то отношение, напишу о них чуть подробнее.

Роман «Свежо предание» (первоначальное название «Кривая Пеано» показалось автору непонятным для непосвященного читателя) был написан в 1962 году. Впервые я услышал о романе от Евгения Евтушенко. Не долго думая, я сказал Е.С.: «Евтушенко хочет прочитать Ваш роман». А она ответила: «Евтушенко не дам: он может рассказать о нем, где не нужно».

Но роман я вскоре получил. Председатель Совета по кибернетике АН СССР академик А.И.Берг⁴⁷ дал мне для рецензирования рукопись романа Григория Свирского⁴⁸

⁴⁶ Так называли ленинградцев, высланных из города в 1935 г. в ходе сталинской чистки после убийства Кирова.

⁴⁷ Аксель Иванович Берг (1893 – 1979) – адмирал-инженер, крупнейший учёный-радиотехник, академик АН СССР.

⁴⁸ Григорий Цезаревич Свирский (1921) – писатель-фронтовик, автор художественных и публицистических книг о трагедии советских военных летчиков-североморцев, об антисемитизме в СССР и о других острых темах. С 1972 г. в эмиграции.

«Государственный экзамен». Тема: университет, кибернетика, евреи и их судьбы в России.

Я рассказал об этом Е.С., и ей захотелось роман прочитать. Она сказала мне: «Достаньте эту рукопись, а я вам дам свою». Как только обмен состоялся, я прочитал рукопись и был оглушен силой романа Е.С.. Эпопея целой жизни в крохотном объеме (в американском издании Hermitage Publishers 1995 – всего 208 страниц); дружба и смерть двух юношей – еврея и русского; борьба с «космополитизмом»; две трагические судьбы в условиях «мира и социализма».

Я не выдержал: сел за магнитофон и весь роман начитал на пленку. Я не доверил эту пленку никому, кроме жены и дочери. <...>

Второе произведение, которое произвело переворот в жизни автора и ряда ее друзей, была повесть «На испытаниях». Рецензии на эту повесть появились почти одновременно в шести органах печати. Все рецензии безусловно отрицательные. «Огонек», «Литературка», «Красная звезда» и др..

Здесь были и «клевета на советских воинов», и «нарушение сложившихся национальных отношений», и «низкий художественный уровень», и все прочее.

Главной особенностью повести «На испытаниях» было то, что даны точные психологические портреты действующих в повести лиц. Например, под именем генерал-майора Сиверса дан портрет ее мужа генерал-майора Вентцеля. И показан источник фантастической смелости его.

«... Вот вы говорите: ничего не боится. А может быть, он тоже боится где-то глубоко внутри, но не позволяет себе – понимаете?...» В ответ на вопрос о национальности он отвечает: «Я – российский дворянин, предки мои проливали кровь за Российскую империю, а я – за Российскую Федеративную. Как-нибудь мы с Россией разберемся, русский я или нет...»

И еще: «У генерала Сиверса была необыкновенная память, не память, а анекдот. Все это знали. Он и сам понимал, что чем-то непохож на других людей – чем-то наделен и чем-то обделен. Наделен – ясно чем. А обделен? Вот это не совсем ясно...»

И еще один генерал в повести: Гиндин. Тоже «списан» с живой личности. Был у главкома ВВС заместитель по тылу – еврей. В годы борьбы с «космополитизмом» главком вызвал этого еврея и сказал: либо в запас, либо куда-то подальше. «Гиндин» выбрал Владимирский (а в повести – Лихаревский) полигон, заместителем начальника по тылу. Вот как Е.С. его описывает: «... Тут открылась дверь, и, неся перед собой живот, вошел огромного роста, толстоплечий, львино-седой генерал. Бодро подрагивая плечами и грудью, он направился прямо к столу, за которым сидел Сиверс...»

И далее: «... Гиндин – сложное явление. Энергичен, умен, талантлив, дело у него горит. Весь этот город – это же Гиндин построил!.. Никогда ничего не делает для себя лично...» Отвечая на обвинения, что он живет с заведующей офицерской столовой, он говорил: «... Здесь на меня стали всех собак вешать за то, что будто я с Адой живу. Это почти клевета, я с ней мало живу, и нужна она мне совсем для другого...»

Никто не написан «черно-белым». Даже второстепенные персонажи вроде майора Тысячного, талантливого художника-самоучки, который после вечеринки, на которой был Сиверс, записывает: «... За сегодняшний вечер генерал С. четыре раза проявил объективизм...»

Академия (вернее, ее партийное руководство) приняло меры: организовало партийное собрание (Е.С. никогда в партии не была), на котором приняло решение: считать произведение идейно порочным и находящимся на низком художественном уровне. Они не могли оценить документальной силы произведения, они только осудили. Между тем, я был на Владимирском (в повести Лихаревском) полигоне и знаю основных действующих лиц, и могу засвидетельствовать их подлинность.

Елена Сергеевна не могла терпеть создавшегося вокруг нее скандала и, будучи членом ССП, подала туда заявление о рассмотрении там этой обстановки.

День был назначен, и лично ей были вручены 10 билетов с тем, чтобы она пригласила своих друзей. Она дала один билет В.Б.Соколовскому и один билет – мне (мы работали в институте, в подмосковном городе Бабушкин). Остальные восемь билетов она хотела дать друзьям по Академии. Как только это стало известно начальству, оно объявило, что всякий, кто пойдет на обсуждение в ССП, будет исключен из партии и уволен в запас.

Елена Сергеевна убедительно просила всех, кому дала билеты, – не ходить.

Собрались в ЦДЛ (Центральный дом литераторов) в комнате № 5 (знаменательной по числу «проштрафившихся» писателей) человек 60 – 70. Кроме того, пришли начальники политических кафедр Академии и заместитель начальника политуправления ВВС генерал-майор Чугунов (я его знал по Сахалинскому корпусу ПВО, где он был начальником политотдела).

Собравшиеся активно поддержали Вентцель (И.Грекову). Выступали с явной поддержкой Е.С. А.Борщаговский, В.Соколовский, К.Чуковский [было зачитано его письмо] и многие другие. Мне тоже пришлось выступить. Собрание длилось 6 часов.

Резким контрастом к общему настроению прозвучали выступления начальников политических кафедр Академии. Чугунов сидел с каменным лицом и не произнес ни слова⁴⁹.

Собрание постановило: полагать, что произведение И. Грековой «На испытаниях» находится на высоком художественном и идейно-политическом уровне. Опубликовать это решение в печати. Стенограмма этого заседания заняла 240 машинописных страниц.

После этого собрания политначальство Академии решило с Е.С. разделаться. Подошел срок на переизбрание ее на профессорскую должность. Все было подготовлено неплохо: каждому члену Совета заранее было сказано – ваш долг проголосовать против.

Говорят, что когда подсчитали голоса, то оказалось, что 50 голосов было «за» Вентцель и только один – «против».

Только тогда Е.С. подала заявление начальнику Академии и в копии – главкому ВВС: «Учитывая распределение голосов, которое сложилось в результате голосования, прошу меня из Академии уволить».

И пошла работать на должность профессора кафедры прикладной математики Московского института инженеров транспорта.

АЛЕКСАНДР АРКАДЬЕВИЧ ГАЛИЧ.

О Галиче я уже знал довольно много. Однажды Елена Сергеевна Вентцель пригласила меня к себе на Ленинградский проспект, где она жила. У нее находился Галич. Она нас представила друг другу.

Так получилось, что об Александре Аркадьевиче Галиче я несколько раз слышал, но лично знаком с ним не был.

Он был высокий, крупный, с залысинами, небольшой щеточкой усов. Манеры у него были барские, но никогда (это сразу чувствовалось) не развязные.

Я после этого с ним довольно часто встречался. Александр Аркадьевич в этот день закончил свою «Балладу о прибавочной стоимости» и спел нам ее. В общем, мы провели втроем чудесный вечер.

А.А. и Е.С. переделали рассказ Елены Сергеевны «За проходной» в пьесу «Будни и праздники». Они предложили пьесу МХАТу. Но там, учитывая недостаточную благонадежность авторов, потребовали письменные рекомендации трех крупных ученых. Авторы попросили меня достать эти отзывы.

⁴⁹Автор ошибается. В стенограмме есть выступление Чугунова.

Я к этому времени был членом Научного совета по кибернетике АН СССР, и поэтому первый, к кому я обратился, был академик Аксель Иванович Берг. У меня были с ним достаточно теплые отношения. <...> Но когда я попросил его об отзыве, он вначале отнесся к этому весьма скептически. Когда я продолжал настаивать, он «завелся»: «Она – прекрасный математик, и пусть занимается своим делом, не отвлекаясь на безделушки».

Я достал три отзыва у других ученых, и А.А. и Е.С. получили разрешение на постановку своей пьесы. «Будни и праздники» шли в филиале МХАТа (на улице Москвина) с колоссальным успехом в сезон 1967 – 1968 гг.. Их сняли через полгода...неизвестно почему.*

Существенно позже, в 1987 году, на вечере памяти Галича Е.С. говорила: «... Я не драматург, все, что было драматургического, было галичевское, а не мое. Я стесняюсь несколько, но когда говорю, что это была великолепная пьеса, то отношу это только на счет Галича; у меня был рассказ, и не более...» Относительно снятия пьесы, имевшей столь шумный успех, Е.С. на том же вечере говорила: «... У меня было такое впечатление, как будто убили живого человека, когда сняли эту пьесу...»

<...> Е.Вентцель вспоминала в 1988 году: «и выражение лица, и движение руки, которая стучала по деке гитары, и голос, который иногда соскальзывал с высокой ноты на низкую, – все это вместе было совершенным произведением искусства».

* Прим. ред. В связи с «опалой» Галича.

И.Б.Погожев

профессор, доктор технических наук, г. Москва

ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА ВЕНТЦЕЛЬ И «БАНДА ЭФФЕКТИВЩИКОВ»

Я хочу поделиться своими воспоминаниями и размышлениями о том удивительном времени, когда мы жили, работали и встречались с Еленой Сергеевной Вентцель – Учителем, Ученым и Писателем, а еще и – Совестью для каждого из нас. Мы – это молодые офицеры, выпускники 50-х годов трех военных инженерных академий: Артиллерийской имени Ф.Э. Дзержинского (Москва), Военно-Морской имени А.Н. Крылова (тогда – Ленинград) и Военно-Воздушной имени Н.Е. Жуковского - ВВИА (Москва), где тогда преподавала Она – профессор Е.С.Вентцель – уже известный специалист в области теории вероятностей и теории стрельбы. Позади у многих из нас была тяжелая и кровавая Великая Отечественная война, но вот, сейчас, мы – живы, получили высшее военное инженерное образование и – полны самых радужных надежд. И еще: мы очень самонадеянны и очень невежественны, как в вопросах поиска статистических закономерностей в хаосе случайных событий, так и в вопросах общей культуры, а уж, особенно – в чистом русском языке, то есть, в умении правильно и четко выражать свои мысли и письменно, и устно.

Из этого, я думаю, уже совершенно ясно, как нам была необходима Елена Сергеевна и какое счастье, что она была тогда с нами!

ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ

Это было время, когда в мире шла интенсивная *гонка вооружений*. Две сверхдержавы – США и СССР – стремились опередить друг друга – или, точнее – *друг от друга не отстать*. И для этого они напрягали все свои силы, создавая все более и более совершенное вооружение: самолеты, ракеты, а также комплексы Противовоздушной (ПВО) и Противоракетной (ПРО) обороны. Почему-то для нас тогда было очень важно не дать богатой и сытой Америке, почти не поврежденной прошедшей войной, уйти вперед в создании вооружения огромной разрушительной силы и средств безнаказанной его доставки.

У современного читателя может сразу же возникнуть вопрос: а *почему* это так было? Почему две страны, которые были союзниками в только что закончившейся второй мировой войне с фашизмом, сразу же начали такую гонку вооружений, которая поставила весь мир на грань катастрофы и взаимного уничтожения? – Скажу сразу, что у меня нет

ответа на этот простой вопрос. Как, наверное, на такие же вопросы его не было и раньше⁵⁰.

Но это время было удивительно еще и тем, как внимательно слушали ученых самые высокие начальники и как они тогда нуждались в научных рекомендациях, которые *количественно обосновывали решения по управлению* этим непонятным процессом гонки вооружений. Тогда начальство было готово создать ученым самые благоприятные условия для проведения всех нужных исследований. Вот на этой-то почве и появились *методы количественной оценки эффективности вооружения*. А вскоре они, расширив область своих приложений, стали именоваться *методами исследования операций*⁵¹.

Их назначением стало *количественное обоснование решений по управлению* там, где это обоснование стало необходимым. Вполне понятно, что А.А. Ляпунов, С.Л. Соболев, Н.П. Бусленко, А.И. Китов и еще многие ученые сразу же увидели связь этих методов с бурно развивавшейся тогда кибернетикой⁵².

А.А.ЛЯПУНОВ

Поступив в 1947 году в Военную Артиллерийскую Инженерную Академию, я познакомился с профессором кафедры высшей математики, фронтовиком Алексеем Андреевичем Ляпуновым. Он пригласил меня на свой домашний кибернетический семинар, и я сразу стал считать его своим Учителем. После окончания в 1953 году Артакадемии, я был направлен в Научно-Исследовательский Зенитно-Артиллерийский Полигон (НИЗАП), который находился в бескрайних степях Оренбургской области. Мне была поручена работа по количественной оценке эффективности зенитно-артиллерийских комплексов на основе результатов их полигонных испытаний. Воспользовавшись своей первой командировкой в Москву, я спросил у А.А. Ляпунова его мнение о нравственной стороне этой работы в условиях безудержной гонки вооружений. Ответ Ляпунова был для меня очень важен, и я его запомнил на всю жизнь.

⁵⁰ Вот, например, слова Юрия Живаго (рупора Бориса Пастернака): *«Мелко копать в причинах циклопических событий. Они их не имеют»* – Все примечания в этой статье даны её автором И.Б. Погожевым.

⁵¹ После издания у нас книги: Ф. Морз, Д. Кимбелл. *Методы исследования операций*. М.: Сов. радио, 1956. Эту книгу перевел с английского друг Е.С. Вентцель – Игорь Андреевич Полетаев. Он же дал к ней важные свои комментарии. Использование название книги для обозначения нашего нового научного направления было связано с неотразимым аргументом эпохи гонки вооружений: *«У американцев это уже есть, надо и нам от них не отстать»*. Мне известно, что и американцы в подобных ситуациях поступали так же.

⁵² См. Соболев С.Л. Китов А.И. Ляпунов А.А. *Основные черты кибернетики. Вопросы философии*, 1955.

- Видите ли, Иван Борисович, - сказал он мне тогда, - мы должны приложить сейчас все свои усилия, чтобы самое высокое начальство смогло бы, как можно лучше понять ожидаемые последствия своих принимаемых решений. Только так мы, ученые, сможем помочь избежать решений невежественных, которые ведут к катастрофе.

- В верности и мудрости этого его ответа я смог убедиться позднее.

Е.В.ЗОЛОТОВ

А о Евгении Васильевиче Золотове⁵³ я вскоре узнал из письма моего друга по Артакадемии – Александра Михайловича Рерле. Он был назначен после окончания ее в военный научно-исследовательский институт НИИ-2 ПВО, который тогда был расположен в г. Евпатории, на берегу Черного моря. Мой друг писал мне, что майор Золотов, начальник Счетно-Вычислительного Бюро института, сумел повернуть всю тематику их работ так, что самым важным стало создание методов количественной оценки эффективности стрельбы зенитной артиллерии по воздушным целям. И что по этим вопросам институт сотрудничает с крупнейшим специалистом в теории вероятностей – профессором ВВИА Еленой Сергеевной Вентцель. Кроме того, Золотов прекрасно ныряет в море, доставая крабов без акваланга с 3-х метровой глубины, а внешне он весьма похож на легендарного Тарзана и очень хорошо подражает его знаменитому крику⁵⁴. И еще: на научном семинаре Е.В. Золотов зачитал недавно составленный мною отзыв НИЗАП'а на автореферат руководимой им кандидатской диссертации Михаила Альтена о законе поражения самолета. Поскольку это был первый хороший отзыв Полигона, в котором положительно оценивалось новое направление научной работы института, то Золотов захотел познакомиться со мной поближе и попросил моего друга порекомендовать мне приехать в начале следующего года к ним на конференцию.

Когда я приехал, Золотов пригласил меня остановиться у него дома (ибо мест в Евпаторийской гостинице не было, а его жена – Варвара Дмитриевна и двое его детей Боря и Оля на время конференции переехали к его знакомым). Дома Золотов угостил меня отменным куском очень вкусной жареной телятины и, поедая ее, мы быстро пришли к полному согласию во всех вопросах, требующих наших совместных действий.

Прежде всего, Золотов считал совершенно недопустимым, что при количественной оценке эффективности нового вооружения ПВО Заказчик (Министерство обороны) и

⁵³ Золотов Евгений Васильевич (1922-1990), тогда – сотрудник НИИ-2 ПВО, майор; позднее – полковник, начальник управления, доктор технических наук, профессор. С 1987 г. – академик АН СССР. Основные труды его относятся к математическому моделированию сложных систем.

⁵⁴ Американский фильм «Тарзан» был необычайно популярен в то время.

Разработчик (организации военной промышленности, ведущие разработку) до сих пор используют различные, необоснованные и несопоставимые друг с другом показатели, вроде «убойного интервала» или «среднего числа убойных осколков». Это не позволяет сделать объективными результаты количественной оценки эффективности, что оставляет место для ожесточенных небескорыстных споров, лишая Заказчика возможности уверенно выбрать наилучший вариант вооружения. По мнению Е.В. Золотова (и с ним я был совершенно согласен) идейной основой нашей работы должна стать статья академика А.Н. Колмогорова⁵⁵, где выбор показателей эффективности был четко обусловлен той главной целью, ради достижения которой и ведется стрельба. А так как стрельба зенитной артиллерии по самолету, который может нести атомную бомбу, ведется с целью его *уничтожения*, то критерием эффективности здесь должна стать *вероятность поражения цели*. Именно этот показатель и должен включаться Заказчиком в Тактико-Технические Требования (ТТТ) на новую разработку каждого зенитно-артиллерийского комплекса. А военные НИИ и Полигоны должны создать единые методы определения этого показателя – *вероятности поражения цели* – по данным испытаний. Вот тогда и станет возможным объективно и обосновано судить о соответствии нового вооружения ТТТ, заданным Заказчиком на его разработку.

Таково было виденье Золотовым всей программы наших работ. И, что удивительно: он его тогда успешно осуществил, используя самое высокое начальство Министерства Обороны, находясь сам при невысоком воинском звании и на небольшой должности.

Вот вокруг этой работы и возникла «банда эффективщиков» – так нас, по словам Е.В. Золотова, окрестил муж Елены Сергеевны – Дмитрий Александрович Вентцель.

О Д.А.ВЕНТЦЕЛЕ

Не могу не сказать несколько слов об этом замечательном человеке. Прежде всего, он любил, и – главное – *умел* выражаться кратко, образно и точно. Елена Сергеевна очень ценила эту удивительную его способность острым словом или шуткой разрядить напряженную ситуацию и превратить ее в самую благожелательную. Воспользуюсь тем, что она сама говорила мне о нем в разное время.

➤ *Однажды, рассказала она, ко мне приехал мой друг детства. Чтобы остаться с ним наедине и поговорить, я сказала своему мужу: «Дима, пойдешь, приготовь нам кофе». Он пошел на кухню, очень быстро вернулся с горячим кофе и поставил его на*

⁵⁵ А.Н. Колмогоров. Число попаданий при нескольких выстрелах и общие принципы оценки эффективности системы стрельбы. Труды Математического института имени В.А.Стеклова, 1945 год.

стол со словами: «Сам Отелло не мог бы сварить кофе быстрее!» И наш дружеский разговор дальше продолжался уже втроем.

➤ Начальник кафедры баллистики ВВИА, генерал и профессор Д.А. Вентцель в дождливую погоду в галошах спешил по внутреннему двору Академии на свою лекцию. Здания Академии расположены четырехугольником и к нужному ему входу можно было пройти или посуху около двух зданий – по «катетам» – двум перпендикулярным друг другу асфальтовым дорожкам; или же – напрямик по «гипотенузе» – мокрой и грязной дорожке, но которая сразу вела его к нужному входу. Так как он опаздывал, то пошел по «гипотенузе», но, оставив галошу в грязи, должен был вернуться за ней обратно. После всех таких злоключений он, наконец, достиг своей аудитории. А в ней слушатели, прильнув к окнам, с большим интересом наблюдали за всеми этими приключениями своего опаздывающего профессора и, конечно, оживленно их комментировали. – Что же надо было теперь ему сказать, чтобы повернуть внимание слушателей к своей лекции? И профессор Д.А. Вентцель начал эту лекцию так: «Сегодня я экспериментально доказал, что одна грязная гипотенуза гораздо длиннее двух своих чистых катетов». Аудитория дружно грохнула хохотом, потом – стихла и стала внимательно слушать очередную лекцию по баллистике, которую читал профессор Д.А. Вентцель.

➤ Как рассказывал Е.В. Золотов, однажды летом Е.С. и Д.А. отдыхали в военном санатории в Крыму. Их соседом за столиком в столовой оказался летчик, Герой Советского Союза. Свою звездочку Героя он прицепил к пляжной пижаме и так ходил с нею и в столовую, и на пляж. Ночью в палате Вентцелей долго горел свет. Д.А. Вентцель старательно пришивал генеральские лампасы к своим пляжным трусам. Утром, повстречавшись со своим знакомым летчиком на пляже и заметив его недоуменный взгляд на пляжные трусы с генеральскими лампасами, Д.А. Вентцель охотно объяснил – Не каждый же на пляже знает, что я генерал. Вот я и решил помочь таким незнающим. – Летчик весело рассмеялся, тут же снял свою звездочку Героя с пижамы, а Д.А. спрятал подальше свои генеральские трусы. И отношения всех троих весь отпуск были превосходными.

➤ Сразу же после Отечественной войны у нас была создана Академия Артиллерийских Наук. (Говорили - по прямому указанию И.В. Сталина.) Естественно, что Д.А. Вентцель был сделан ее действительным членом и получал за это соответствующее денежное вознаграждение. Вскоре после смерти Сталина эту Академию ликвидировали. На вопросы друзей (а также и любителей узнавать обо всем его мнение) Димитрий Александрович отвечал кратко: «Положа руку на сердце, скажу, правильно сделали, что ликвидировали; но, положжа руку на карман – неправильно».

➤ А вот и совсем уж нешуточная история. В то время (года за три до смерти Сталина) таких крупных ученых, как Д.А. Вентцель, могли и крупно наградить за их работы, а могли и крупно посадить за острые высказывания. В ВВИА была личность, которая, имея верные сведения из органов НКВД, переставала здороваться с человеком, примерно, за неделю до его ареста. На этот раз личность перестала здороваться с Д.А. Вентцелем. Положение было очень серьезное. Елена Сергеевна тогда сожгла свои дневники и многие наброски своих будущих произведений. Но тут – подоспело шедшее по другому каналу – награждение лауреатов Сталинских премий и Димитрий Александрович оказался в их числе. А звание лауреата Сталинской премии было своеобразной «бронею» против ареста органами НКВД: ведь не мог же лауреат самой высшей, Сталинской премии оказаться и врагом народа!

Тем же, кто не верит, что подобные казусы у нас в то время были неоднократно, я рекомендую почитать об этом в прекрасных воспоминаниях Н.В. Тимофеева-Ресовского⁵⁶.

«БАНДА ЭФФЕКТИВЩИКОВ»

Вернемся же к тому, что нас называли «бандой эффективщиков»⁵⁷. И назвал нас так Д.А. Вентцель, наверное, вот почему. Мы, работая в географически сильно удаленных друг от друга военных НИИ и полигонах, тем не менее, использовали каждую возможность, чтобы встретиться друг с другом и поговорить об *эффективности*. Часто мы встречались тогда и у Е.С. Вентцель дома. Там составлялись наши проекты регулярных обращений одного высокого начальства к другому (которые свидетельствовали бы «об их неослабевающем интересе к работам по оценке эффективности средств ПВО»), там же намечались и будущие конференции, и доклады на них, и диссертации, и др. Суждение о готовности чьей-то работы к защите диссертации принималось «бандой» и автора часто почти принудительно заставляли ее написать и

⁵⁶ См. Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Воспоминания. Истории, рассказанные им самим, с письмами, фотографиями и документами. Москва, Согласие. 2000. В 1945 году одно управление НКВД А.П. Завенягина подготовило для него институт в Сунгуле и перевезло туда всех рекомендованных им сотрудников из Германии, а другое – посадило его в КарЛаг и замминистра НКВД Завенягин целый год искал его по лагерям и смог найти его и привести в Сунгуль только через год еле живого.

⁵⁷ В те времена словом «банда» пестрела вся отечественная пресса: «банда вредителей», «банда вейсманистов-морганистов» и т. п. А в кругу людей, каким был Д.А. Вентцель, слово «банда» могло иметь еще иной смысл. Так, «бандой головорезов» старшие могли тогда ласково называть группу отчаянных мальчишек, самоотверженно идущих к своим целям, невзирая на трудности..

идти на защиту. Особенно много хлопот было с докторской диссертацией Золотова, которую он упорно не хотел писать. И лишь слова Елены Сергеевны, о том, что поступая так, он задерживает научный рост своих же учеников, а также и нажим на него всей «банды», возымели нужное действие. Благодаря вот таким встречам и полному взаимному доверию мы работали весело и хорошо знали о работах друг друга, несмотря на весьма строгие тогда правила секретности. И еще: важным молчаливым условием для нас была безусловная научная честность. Всякие зародыши соглашательских попыток – «помочь родной промышленности, не обидеть хороших людей» – сразу же становились известны и безжалостно высмеивались прежде всего Е.С. Вентцель, а потом – и всей «бандой».

А с Еленой Сергеевной Вентцель меня познакомил в 1954 году на конференции Е.В. Золотов – ее и уже мой общий друг. Из наших разговоров я сразу понял, что Е.С. Вентцель, Е.В. Золотов и вся «банда эффективщиков», вполне разделяют мнение А.А. Ляпунова о главной цели наших исследований. И очень хорошо, что я работаю сейчас на Полигоне, так как у них дальше с полигонами предстоит большая совместная работа по определению Законов Поражения Самолетов снарядами зенитной артиллерии.

Вот, так без лишних формальностей я был принят в «банду эффективщиков» и понял, что теперь буду считать Елену Сергеевну Вентцель тоже своим Учителем. Оба мои Учителя – А.А. Ляпунов и Е.С. Вентцель – относились друг к другу с большим уважением⁵⁸, но встречались они очень редко, обычно – на защитах диссертаций, которые представляли взаимный интерес.

Е.В. Золотов сумел на этой конференции сделать свое главное «чудо»: он смог объединить усилия молодых артиллеристов, летчиков и моряков (работавших в разных ведомствах и формально никак не подчиненных друг другу) и организовать совместные исследования, чтобы создать взаимно понятную единую методику оценки эффективности стрельбы средств ПВО по воздушным целям. Чудесным образом появилось тогда и согласие обоих полигонов – артиллерийского НИЗАП'а – в Оренбургской степи и авиационного – во Владимировке среди степей Приволжья. Было выделено около десятка боевых самолетов, которые можно было на этих полигонах расстрелять, для получения нужных количественных характеристик поражающего действия средств ПВО.

Атаманом «банды эффективщиков», конечно, был тогда Е.В. Золотов. Очень похоже он описан Еленой Сергеевной-писателем (то есть – «И.Грековой») в ее рассказе «За проходной». Там он сокрыт под кличкой «Мегатонны», который был «дико

⁵⁸В книге *Алексей Андреевич Ляпунов. Новосибирск. 2001.* на с. 312 есть его письмо редактору «Нового мира» А.Т. Твардовскому, написанное в поддержку повести «На испытаниях» писателя И. Грековой.

талантлив и дико невежественен...». Все именно так и было. И еще была его огромная научная щедрость. Всех членов «банды эффективности» он без устали одаривал новыми идеями, которые (при помощи Елены Сергеевны) постепенно превращались в стройную методику оценки эффективности, а также – в кандидатские, а потом – и в докторские диссертации.

Но не только научная щедрость была у Золотова. Была у него и радостная готовность помочь, достать что-то очень нужное другу. Уже потом, в 80-е годы он достал для Елены Сергеевны тогда очень редкий, но крайне нужный ей кардиостимулятор, позволивший ей реально продлить свою жизнь.

Создавая новое научное направление, Елена Сергеевна в 50-60 годы оппонировала многим из «банды эффективщиков», а некоторым (например, В.И.Мудрову и мне) – *дважды*: на защитах кандидатской и докторской диссертаций. И я не знаю оппонента, который был бы более внимательным тружеником, чем она. Зато каждое ее выступление на защите диссертации все слушали с огромным вниманием. Кроме краткой, хорошо аргументированной оценки работы, в ее выступлении были интересные и важные свои соображения о дальнейшем развитии методов оценки эффективности и исследования операций, что содействовало упрочению этого научного направления в ВАК'е. Помню, как оппонировав в 1957 году на защите моей кандидатской диссертации, она свое главное внимание уделила не ей, а приложению к ней. Дело в том, что тогда появились радиоуправляемые мишени и среди военных пошли разговоры о том, «зачем нам считать какую-то еще вероятность поражения цели, возьмем пару таких мишеней, постреляем по ним и сравним полученные расходы боеприпасов на поражение цели. Там, где он меньше – тот комплекс и лучше». Елена Сергеевна обратила внимание слушающих ее на результат, согласно которому так можно надежно проверить только очень большие преимущества одного комплекса перед другим, а если же различия в вероятностях поражения цели у сравниваемых комплексов реально составляют не больше десятка процентов, то нужны не пары, а *тысячи* подобных мишеней. Поэтому математические методы оценки вероятности поражения цели остаются единственным средством для правильного выбора наиболее эффективного вооружения.

Вместе с Золотовым, в «банду эффективщиков», как я помню, входили сотрудники НИИ-2 ПВО: Михаил Альтен, Николай Федотенков, Евгений Цуканов, Александр Рерле, Владимир Мудров, Борис Павлов и еще многие другие. «Банда эффективщиков» пополнилась и морскими офицерами – А.А. Свешниковым, И.Я. Динером и А.П. Тронем. (Последний вскоре стал моим близким другом.)

ЗАКОН ПОРАЖЕНИЯ

После конференции 1954 года, главные усилия «банды эффективщиков» были направлены на практическое определение Закона Поражения Самолета по данным полигонных испытаний. Е.В. Золотов руководил этой работой, которая велась его институтом совместно с Полигонами. Он тогда часто и надолго приезжал на НИЗАП, где я работал. Обычно, тогда он останавливался у меня в полученной мною комнате. Туда же приходили и другие члены «банды», проводившие различные испытания вместе с сотрудниками Полигона. В конце работы в 1955 году Е.В. Золотов организовал на Полигоне совместную конференцию. В ней активное участие приняла Е.С. Вентцель.

Но сначала нужно сказать несколько слов о самом Законе Поражения. Почему ему было придано столь важное значение, что была поставлена и выполнена эта большая совместная работа военных Полигонов и НИИ? Академик А.Н. Колмогоров в хорошо уже известной нам статье предложил при определении *вероятности поражения цели* пользоваться *формулой полной вероятности*. Согласно этой формуле, *вероятность поражения цели P* следует вычислять как сумму произведений вероятностей разрыва снаряда в каждом элементе объема x ($\varphi(x) \cdot \Delta x$) на условную вероятность поражения цели – $G(x)$, которая должна быть определена при условии, что разрыв снаряда произошел на данном от нее удалении x , то есть:

$$P = \sum_x \varphi(x) \cdot G(x) \cdot \Delta x \quad (1)$$

Нельзя здесь не отметить присущую А.Н. Колмогорову краткую гениальность его советов, которую любили подчеркивать Е.С. Вентцель и Е.В. Золотов. Предложив тут использовать хорошо известную в теории вероятностей формулу (1), А.Н. Колмогоров сразу же создал условия для практического разделения всех испытаний зенитно-артиллерийского комплекса на две самостоятельные большие группы:

I. Нахождение *Закона Ошибок* - функции $\varphi(x)$. Сюда относятся ошибки радиолокатора, прибора управления огнем (ПУАЗО) и следящих систем орудий. Такие исследования могут проводиться в НИИ Разработчика и они не требуют проведения реальных стрельб.

II. Определение *Закона Поражения* - функции $G(x)$ – которая находится при условии, что разрыв снаряда происходит на заданном удалении x от цели. Для определения этой функции не нужно поднимать самолет в воздух – все испытания можно провести на земле Полигона-Испытателя.

О Законе Ошибок к тому времени уже было многое известно. Ряд ученых (а в их числе были и Е.С. Вентцель, и Е.В. Золотов) успешно совершенствовали методы его расчета, используя математический аппарат теории случайных процессов. Его основы были заложены еще в 30-е годы А.Н. Колмогоровым и А.Я. Хинчиным. Мы же открыли его для себя сначала по легко доступным американским публикациям в Трудах Массачусетского Технологического Института и лишь потом увидели, что более обоснованно и в значительно лучшем виде эти вопросы уже были изложены *нашими* учеными в Успехах Математических Наук в 1938 г. Елена Сергеевна говорила мне, что она беседовала с А.Н. Колмогоровым о ненормальности такого открывания своих работ через иностранные публикации и он согласился с нею, что наши математические публикации следует делать более привлекательными для прикладников. Над Законом Ошибок можно было тогда еще долго и спокойно работать, публикуя хорошие научные работы (что многие и делали!) Но все это никак не приблизило бы нас к необходимой нам вероятности поражения цели (1).

И вот, отчаянная «банда эффективщиков» атамана Золотова при мудром участии Е.С. Вентцель смело взялась за это совсем новое дело: за определение, совместно с Полигонами, Закона Поражения Самолета. Для этого, прежде всего, нужно было убедиться в статистической надежности тех опытных данных по подрыву боеприпасов на Полигоне, которые дальше нужно было использовать при расчетах Закона Поражения. Эту трудную и ответственную задачу профессор Е.С. Вентцель взяла на себя.

Что же делал Полигон, и что она должна была проверять? Испытываемые боеприпасы Полигон подрывал в «броневой яме», которая была заполнена песком. После подрыва песок тщательно просеивали и все осколки (весом более 0.1 г) сортировали по принятым весовым группам, раскладывали на большом листе фанеры и фотографировали. Эти фотографии и включали в совершенно секретные отчеты Полигона по результатам всех проведенных им испытаний. И вот, красивая женщина, профессор и доктор наук, Е.С. Вентцель аккуратно ездила в командировки на военные Полигоны и внимательно изучала эти сов. секретные отчеты, чтобы убедиться в статистической надежности данных испытаний, которые «банда эффективщиков» должна будет использовать для расчетов Закона Поражения.

А что же делали остальные члены «банды»? – А вот, что. Е.В. Золотов с присущей ему решимостью разделил самолет на «отсеки», каждый из которых можно было рассматривать, как «цель без накопления ущерба». Это означало, что для поражения отсека нужно было лишь попасть осколком нужного веса и скорости в одно из его уязвимых мест. И вот вероятности поражения таких «отсеков» и определяли стрельбой

все члены «банды» вместе с работниками Полигона. Так, Николай Федотенков стрелял предметами, имитирующими осколки снаряда, по реактивным двигателям боевого самолета ИЛ-28, которые укреплялись на специальных стендах, где измерялась тяга каждого двигателя в процессе испытаний. И Николай обнаружил, что потеря турбиной двигателя даже половины своих лопаток, практически не снижает тяги двигателя, а вот попадание осколка в одно из его уязвимых мест, сразу же его останавливает. Так же испытывались и другие выделенные «отсеки» самолета.

ЗОЛОТОВСКИЙ ОПЕРАТОР «КОЛЕСО» И ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА

Но как же теперь объединить результаты, полученные для отдельных «отсеков» самолета, чтобы найти его Закон Поражения? То, как это было сделано Золотовым и Е.С. Вентцель, по-моему, очень хорошо иллюстрирует их взаимоотношения в процессе совместной работы. Золотов поступил так, как должен был, наверное, поступить его двойник-Мегатонна: «Ну зачем, что-то еще читать, сам придумаю». И придумал: новый математический оператор, который назвал «колесо». С его помощью Закон Поражения Цели хорошо расписывался в виде суммы произведений вероятностей поражения ряда составляющих отсеков. Математики, в том числе и А.А. Ляпунов, которому Елена Сергеевна сообщила об этом результате Золотова, пришли в ужас. Но она не дала этому «ужасу» развиваться очень сильно и заменила золотовское «колесо» двумя операциями математической логики. Все математики остались тогда очень довольными, а лекции Елены Сергеевны и ее учебники обогатились важными теоретическими положениями, которые хорошо отражали новые практические потребности.

КАК БЫЛИ ПОТУШЕНЫ САМОЛЕТНЫЕ БАКИ В ОРЕНБУРГСКОЙ СТЕПИ

Вернемся к итоговой конференции 1955 года на НИЗАП'е по результатам совместных работ его с НИИ-2 ПВО и ВВИА. На этой конференции Елена Сергеевна выступала особенно хорошо и ярко, так что, думаю, у всех осталось ясное понимание большой важности проделанной совместной работы по определению Закона Поражения воздушной цели. А на последний день конференции Золотов приберег большой и, как он говорил, «генеральский опыт». Дело в том, что осталось совершенно неясным, загорается или нет топливо самолетных баков при попадании туда осколков. Летчики говорили, что не загорается почти *никогда*, а артиллеристы – напротив – загорается *почти всегда*. Все

соглашались с тем, что вероятность загорания топлива уменьшается с высотой и на высоте практически обращается в нуль. Нужно было узнать с какой вероятностью можно зажечь топливо в самолетных баках, покрытых огнеупорной резиной, при попадании в них различных осколков. Для этого Золотов и решил в последний день конференции поставить этот «генеральский опыт». На небольшом столбике был помещен готовый к подрыву 130 мм зенитный снаряд, а вокруг него на разных удалениях (от 5 до 30 метров) были помещены самолетные топливные баки с горючим. Участники конференции должны были ждать подрыва в укрытии – небольшой балочке – на расстоянии, примерно, метров 300 от готового к подрыву снаряда. Да ближе к подрыву, чем участники конференции, была работавшая на малом газу пожарная машина. Хотя было не ясно, зачем нужно тушить загоревшиеся самолетные топливные баки в степи, где все уже давно выжжено оренбургским летним солнцем, но пожарная команда полигона получила к этому случаю новое обмундирование.

Вот тянутся долгие минуты ожидания, наконец – подрыв, участники конференции, а в их числе и Елена Сергеевна в дамских туфлях, добегают до горящих топливных баков. (Кажется, горело 7 из 10 баков.) Последней подъезжает пожарная машина. Начальник пожарной команды, прижав к животу пожарный шланг, храбро бросается к горящему топливному баку, насосы на пожарной машине работают, все ожидают мощной струи из шланга, но... оттуда течет лишь слабенькая струйка, которая падает на сапоги начальника пожарной команды. Под хохот участников конференции, он самоотверженно пытается ее добросить до горящего бака, но безуспешно. Тогда он хватается с пожарной машины огнетушитель, приводит его в действие, но пену из него почему-то направляет на участников конференции... Тем временем горящие в степи баки спокойно догорели. Вот этим «генеральским опытом» Золотова и закончилась конференция по Закону Поражения. Было показано, что горючее от осколков горит и считать Закон Поражения можно. Об этом дне Елена Сергеевна с удовольствием вспоминала в своих разговорах. .

В.Б.СОКОЛОВСКИЙ

Почти со всеми полигонными испытаниями был тесно связан друг Елены Сергеевны – Владимир Борисович Соколовский. На НИЗАП'е он бывал редко, гораздо чаще во Владимировке – на авиационном полигоне. В повести И.Грековой «На испытаниях» он послужил прототипом майора Скворцова. Я познакомился с ним ближе после обсуждения этой повести на секции прозы в Московской организации Союза

Советских Писателей. На этом обсуждении мы были вместе с ним и это нас сблизило: мы были одними из немногих кадровых офицеров, кто пришел на это обсуждение и поддержал Елену Сергеевну, вопреки ГлавПур'у. По-моему, он лучше всех держал себя там и лучше всех выступил. Он был там в полевой форме полковника ВВС и сел так, чтобы быть между всей присутствующей публикой и семьей Елены Сергеевны. (А они сидели у задней стенки.) Всем было очень хорошо видно, что он не допустит никаких даже намеков на оскорбления в адрес Елены Сергеевны и ее семьи. И что попытавшийся это сделать получит от него немедленно резкий словесный отпор, а может быть, и не только словесный...И выступил он прекрасно, уже в самом конце заседания. Своим четким звенящим голосом он сказал, что условия работы и быта на наших военных полигонах именно таковы, как это изображено в повести И.Грековой «На испытаниях». И что он это подтверждает, регулярно бывая по служебной необходимости почти *«на всех испытательных точках Советского Союза»*...

❖ Уже потом я не раз убеждался, что В.Б. Соколовский обладал удивительным даром моментально понимать ход мыслей каждого своего собеседника, а свое лицо, если это было нужно, мгновенно закрывать невидимой маской, за которой ничего нельзя было ни увидеть, ни понять. Может быть, поэтому он и не имел равных себе соперников при игре в преферанс, который в 60-е годы очень полюбила Елена Сергеевна. Кроме того, будучи сам глубоко интеллигентным человеком, он прекрасно умел говорить с любым чиновником на его языке и весьма выразительно мог употреблять именно те слова, которых тот боялся.

❖ И вот, используя тут свой удивительный дар и как бы надев невидимую маску, он в конце выступления разнес в пух и прах речь самого главного сторонника ГлавПУРа, который на обсуждении выступал одним из первых. (Кажется, фамилия его была *Бондаренко*.) Владимир Борисович подверг его настолько резкой и прекрасно аргументированной *партийной критике* (ведь недаром в своем военном институте он был *парторгом*), что всем стало видно, как позиция и действия этого сторонника ГлавПУРа противоречат основным решениям XX съезда партии о культе личности. (Конечно, так это и было на самом деле, но ГлавПУР попытался это скрыть, чтобы освободиться от этих, мешающих ему теперь решений, *потихоньку*.)

❖ Что же касается моего выступления там, то я воспользуюсь здесь тем, что рассказывала о нем после сама Елена Сергеевна:

«После громоподобного выступления Бондаренко вышел Ваня Погожев. Он тихим голосом стал говорить о картине Рембрандта «Ночной дозор». О том, что гвардейцы, которые позировали художнику, были настолько возмущены недостатком героизма в

своих позах и лицах на картине знаменитого художника, что даже подали на него в суд. И что этот исторический случай очень напоминает ему теперешнее обсуждение...»

Я же запомнил тогда только очень выразительное лицо Саши Раскиной (жены сына Е.С. – Александра). Напряженное в начале – *«не ясно, что же он будет говорить?»* – оно вдруг просияло и Саша беззвучно захлопала в ладоши... Вот это сохранилось в памяти у меня и я до сих пор благодарен ей за эту молчаливую эмоциональную поддержку.

❖ Немного о Соколовском как парторге института. Тогда на эту должность часто сотрудники института избирали человека, который бы мог защитить их от произвола высших партийных чиновников. Вот один случай, о котором он мне рассказал. Одному из сотрудников их института позвонил из Сибири его брат и сказал, что органы КГБ обнаружили у него рукопись А.И. Солженицына «Архипелаг Гулаг» и требуют сказать, кто ему ее дал. Тот сказал – Если ты мне звонишь по телефону, который сейчас у тебя, наверняка, прослушивается, то – скажи, что дал ее тебе я. После этого очень скоро приказом из Министерства Обороны он был уволен в отставку. Начальник института, генерал, сказал Соколовскому, что по требованию ГлвПУР'а мы должны его исключить из партии. Соколовский ответил – Мы совершенно не знаем обстоятельств этого дела, а у нас этот сотрудник никаких нарушений не имеет. Я буду голосовать против. – Генерал вспыхнул – Тогда завтра же ты подашь рапорт об отставке! – Соколовский своим звенящим голосом – Иван Макарович, Вы, меня за подлеца считаете?! Что после Вашей угрозы я проголосую иначе? – Начальник стих. А сотрудник сохранил свой партийный билет, что тогда было для него защитой от произвольных действий правоохранительных органов.

❖ И еще один случай. Когда Московская организация ССП на своем собрании исключала А.И. Солженицына, в зал заседаний неожиданно вошел стройный военный в полевой форме полковника ВВС и четким звенящим голосом сказал: – Я имею от больного Корнея Ивановича Чуковского поручение дать прослушать собранию его мнение. От неожиданности никто из писателей не смог сказать ни слова. Соколовский – а это был он – поставил на магнитофон кассету с записью выступления Чуковского и включил пленку. Конечно, Чуковский был резко против исключения Солженицына и все писатели на собрании смогли это услышать. Потом Соколовский взял кассету и спокойно удалился при удивленном молчании писателей. Уже на выходе к нему подошел *гражданин* и повелительно тихо сказал – Товарищ полковник, дайте мне кассету. – Пожалуйста, сказал отдавая ее Владимир Борисович. А мне потом сказал – Ну, конечно, дома у меня осталась копия... – Вот таким я помню В.Б.Соколовского.

ДОСТОИНСТВО

Елена Сергеевна всегда умела сохранять достоинство, как бы ни была трудна ситуация, в которой она находилась. Вот несколько случаев, которые я помню.

❖ В середине 60-х мы поехали на конференцию в один авиационный институт. У станции метро «Аэропорт» нас встретил служебный автобус и довез до института. Его начальник генерал И., увидев Елену Сергеевну, пошел к ней навстречу, картинно разведя свои руки как бы для объятия. Но, заведя подъехавшего старшего начальника, засеменил к нему для доклада, так и не извинившись перед Еленой Сергеевной. Она обернулась к нам и сказала – Что может быть хорошего на конференции в институте, начальник которого ведет себя так?! Поехали лучше ко мне домой играть в преферанс. – Да, да, поехали – загалдели мы – здесь ничего интересного все равно не будет... И тут кто-то спросил: – Елена Сергеевна, а как же мы поедем? Ведь генерал И. машины нам, наверное, не даст... И тут Елена Сергеевна дала нам второй урок: – Я говорю с мужчинами, или – с кем?! Вы согласились ехать ко мне домой и спрашиваете, где достать машину?! – Больше вопросов ни у кого не было, машина была найдена минут через 15, и день прошел в интересных дружеских разговорах.

❖ Быть женщиной на полигоне и сохранять достоинство особенно нелегко. Вот, что рассказали мне Е.В. Золотов и В.Б. Соколовский. Они были вместе с Еленой Сергеевной на полигоне во Владимировке. Выйдя из помещения, где была их рабочая комната, они побывали в сортире, убедились, что он только мужской, дверь сорвана и весь он безобразно загажен. Вернувшись, они сказали Елене Сергеевне – Когда Вам надо будет сходить в туалет, скажите нам, мы станем на «шухере». Так она и сделала. После этого она столь решительно пошла к начальнику полигона, на них не глядя, что, по словам Золотова, Соколовский тогда сказал ему – Я человек завистливый, но начальнику полигона тут не позавидуешь...Вернулась она, примерно, через полчаса, молча села на свое место и продолжала читать рабочие отчеты Полигона. А еще часа через два, постучав, вошел офицер – начальник строительной команды Полигона и вручил Елене Сергеевне ключ от только что построенного персонального дамского туалета...

❖ Когда по требованию ГлавПУРа, командование ВВИА поставило ее кандидатуру для избрания по конкурсу на ученом совете, она мне сказала: – Стыдно за мужчин, офицеров академии. Ведь многие из них прошли войну и не раз смотрели в глаза смерти. А тут они побоялись сказать чиновникам ГлавПУРа: *«Профессор Венцель работает в Академии более 30-ти лет и имеет одни благодарности за прекрасную работу по подготовке военно-инженерных кадров. Плановый срок для избрания ее по*

конкурсу еще не наступил. А писатель И.Грекова находится не в Академии, а в Союзе Писателей. И обсуждать ее работы – не наше дело». Поэтому, если меня *не изберут*, то я буду, используя суды, тянуть с уходом из Академии, сколько смогу. А если *изберут* – на следующий же день подам заявление об уходе. Быть вместе с трусами я не хочу.

– Ее избрали почти единогласно, и на следующий день она подала заявление об уходе. После этого она пришла в МИИТ.

«ТРИ ТАЛАНТА СРАЗУ»

Вскоре после публикации ее рассказа «За проходной», Елена Сергеевна рассказала мне вот о таком ироничном четверостишии ее остроумнейшего ученика Павла Хмары:

Прочтя рассказ «За проходной»,

Себе твержу одну я фразу:

Учитель! Ваш талант большой

Похож на три...таланта сразу!

Мне кажется, что Павел Хмара здесь удивительно верно угадал единство всех трех талантов Елены Сергеевны Вентцель: Таланта Ученого, Таланта Учителя и Таланта Писателя. Когда каждый Талант поддерживает, питает и укрепляет все остальные. Вот об этом я и старался рассказать в своих воспоминаниях. А Павел Хмара сумел это выразить в одном четверостишии. Такова уж, видно, сила хорошей поэзии.

В.И. Мудров
 Профессор, д.т.н.,
 действительный член Международной академии информатизации,
 почетный член Академии космонавтики им. К.Э. Циолковского.

ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА ВЕНТЦЕЛЬ ГЛАЗАМИ УЧЕНИКА

Писать стихи я не мастак:
 Кропать их мука, слушать скука.
 Но Вы – Учитель мой... Раз так,
 У Ваших ног стихи,
 В нагрузку к ним – наука.

(Надпись на книге Мудров В.И., Кушко В.Л. «Методы обработки измерений. Квазиправдоподобные оценки». Изд.2-е. М.: Радио и связь, 1983 г., подаренной Е.С. Вентцель авторами)

Ответ Елены Сергеевны выглядел так

17.2.84.
 Любезнейший
 Владимир Иванович!
 Получила Вашу книгу, сердечно благодарю.
 Книга, видимо, полезная и нужная; успела
 ее только поверхностно просмотреть. Рада
 была увидеть, что Ваша фантастическая при-
 ворненность к методу наименьших квадратов
 как будто (или я ошибаюсь?) уменьшилась.
 Мои отношения к математической статисти-
 стике восторжеские и не выхожу рада, особенно
 Вы знаете, и она не изменилась за пос-
 ледние десятилетия. Мне до сих пор пред-
 ставляется (или это мечта?) неприменима-
 тельность этих данных, хотя я не отрицаю по-
 лезности по ринкам.
 Мне много в существующие подходы к реше-
 ниям задачи зрения всегда нравилось, приме-
 нение «разнообразия» подходов к анализу, «дис-
 персион», а в скандинавских, отнюдь не исключая.
 В условиях «разнообразия» оценки, произведен-
 ные по разным методам, возникают своеобраз-
 ные «спор модели»; каждая отдельная
 оценка не должна вычислять так трудно-
 тошно. И, в конце концов, чем чем грозит
 применение одной оценки вместо другой, близкой
 к ней? Очень важным качеством является наибо-
 лее или, как правило, не различие, а
 тем что результат обработки, как бы он
 получился или не получился, все равно
 плох...
 Цитирую Вас (стр. 18): «Задача статистиче-
 ского анализа, позволяющая найти оценки
 наиболее вероятных значений, имеет вы-
 шее значение, когда обрабатываются данные
 измерений». Возражаю: когда вышло дело, как
 бы обработать – все равно будет плохо!
 Вы же свойства оценки (несмещенности, дис-

персионности и т.п.) провела тогда, когда ана-
 лизировали нашему измерению будет произвед-
 не лучше, такое предложение, так и в по-
 лном, то редко (жизнь течет, условия и задачи
 изменяются).
 Это я объяснил свою антипатию и задавал
 об обработке данных измерений. Вспомните, что я
 неправа. Вы, по-прежнему, после года задавал
 обработки и, наконец, «оценки», со мной,
 разумеется, не согласитесь.
 Так или иначе, спасибо Вам и Вашему
 Леонидовичу за книгу!
 Желаю Вам всего хорошего!
 Е. Вентцель

129164 Москва
 ул. Кибальнича д. 2 к 1 кв. 15
 Владимиру Ивановичу
 Мудрову

129164
 125167 Москва
 Ленинградский протон.
 Д. 44 кв. 29
 Е.С. Вентцель

Факсимильный способ воспроизведения ответа выбран потому, что мне очень хотелось, чтобы читатель мог вместе со мной насладиться еще раз самим видом ее почерка: разборчивого, красивого, уважительного по отношению к адресату (поскольку не требует усилий по однозначному восприятию букв, слов и фраз), с тщательно подобранными интервалами и местами переноса. Я всегда испытывал эстетическое удовольствие не только от безупречного стиля изложения порой весьма трудных для понимания научных текстов (как ее собственных, так и других авторов), но и от способа нанесения их на бумагу.

Поскольку я не литератор, а в силу полученного воспитания всегда был несколько глух к общественным проблемам (моральный кодекс, активная жизненная позиция, общечеловеческие ценности, права человека, и т. п.), то не мне давать развернутую оценку ее общественной деятельности и ее литературным произведениям. Я могу только восхищаться ее знанием жизни, педагогическим талантом, гуманизмом, чрезвычайно бережным отношением к русскому языку и присоединить свой голос к тем, кто причисляет Е.С. Вентцель к уникальным явлениям русской литературы второй половины XX века. А вышеприведенные факсимиле преследуют одну единственную цель – дать дополнительную информацию о неповторимом облике Е. С. Вентцель.

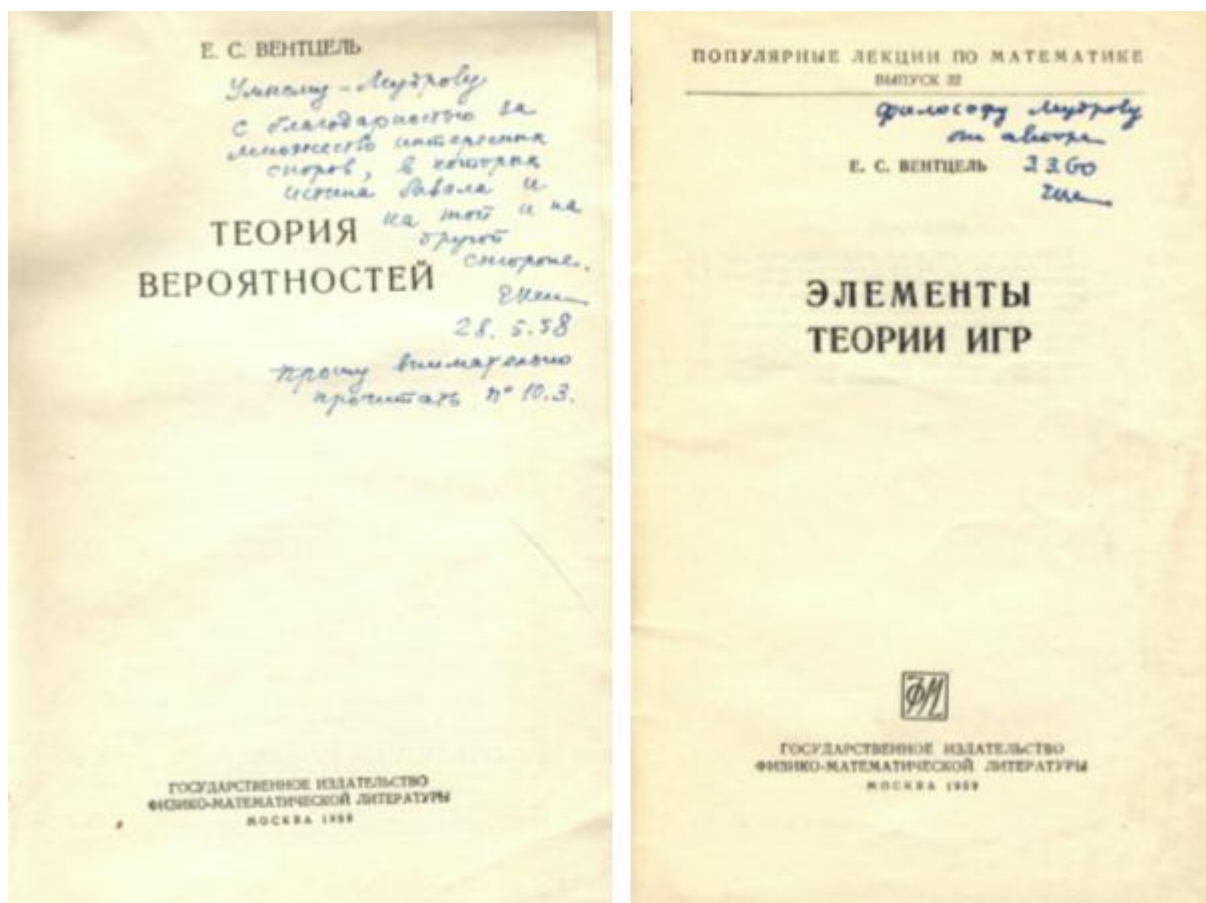
О Елене Сергеевне Вентцель написано немало восторженных слов. По ее повести «За проходной» писателем и бардом А. Галичем написана пьеса «Будни и праздники», поставленная филиалом МХАТ им. Горького с заслуженным артистом РСФСР Зиминым в роли Мегатонны. По ее повести «Кафедра» поставлен кинофильм с одноименным названием, в котором главную роль играет один из лучших актеров советского периода А. Попов, по повести «Хозяйка гостиницы» замечательным кинорежиссером А. Говорухиным поставлен художественный фильм под названием «Благословите женщину» с А. Балуховым и С. Ходченковой в главных ролях и т.д. и т.п. Она была, пожалуй, самым читаемым писателем и в какой-то степени «властителем дум» на протяжении 20-30 лет (с 1965 по 1990г.г.). В отличие от многих других писателей того времени у нее не было перекосов ни в сторону огульного отрицания всего хорошего, что связано с советской эпохой, ни в сторону стыдливого замалчивания многих мрачных и позорных страниц этого периода российской истории.

Недаром в одной из дискуссий, прошедшей в Московской писательской организации, дочь писателя К.И. Чуковского и сама писатель – Л.К. Чуковская назвала язык Е.С. Вентцель эталоном современного русского литературного языка.

Пусть это звучит несколько нескромно, но мне показалось, что я мимоходом попал в число некоторых второстепенных персонажей ряда ее литературных произведений. Об этом я сужу по двум эпизодам.

Первый эпизод. В повести «За проходной», в которой описывается деятельность одной из засекреченных лабораторий, присутствует некто Мегатонна, в котором угадывается начальник отдела исследования операций НИИ-2 ПВО Евгений Васильевич Золотов – мой непосредственный начальник в то далекое время. В лаборатории помимо прочих персонажей трудятся два Вовки: просто «Вовка» и «Вовка умный». Последний всем красотам литературного языка предпочитал четкий, лаконичный и по-своему образный математический слог. Эту слабость я за собой ощущал и тогда и ощущаю сейчас, что и дает мне право на столь смелое предположение.

Второй эпизод. У романа «Свежо предание» были неопубликованные предшественники. Один из них, посвященный вопросам ксенофобии и антисемитизма, назывался «Кривая Пеано». Кривой Пеано называют особым образом сконструированную линию, которая проходит через все точки пространства. Вопрос о том, каков порядок размерности этого геометрического образования: первый, второй или какой-нибудь еще более высокий, был решен намного позже конструирования самой кривой Пеано на базе топологических представлений о непрерывности. Елена Сергеевна познакомила меня с рукописью произведения, включавшего в себя некоторые главы из этого романа, которое называлось «Автоматы и люди». Поскольку я был редактором перевода книги К. Штейнбуха «Автомат и человек», а Е.С. Вентцель написала рецензию на эту книгу, то подозреваю, что выбор этого названия был неслучайным. Что такое кривая Пеано знают только специалисты, а что такое люди и автоматы, знают все. Так что изменение названия было вполне оправданным. А рассуждения про кривую Пеано, вложенные в уста одного из героев, напоминают мне наши разговоры.

Но, повторяю, ко мне как литературному критику Елена Сергеевна никогда не относилась серьезно, а то, что пишу сейчас по этому поводу – не больше, чем плод моего воображения. Ни одного экземпляра своих рассказов она мне не подарила, в своих литературных заметках ни разу не упомянула, в дискуссии не вступала.

Чуть больше, чем литературного оппонента, она ценила во мне некоторую математическую и общетехническую образованность и способность использовать ее в практических целях. В этой связи мне можно вспомнить намного больше интересных событий, подкрепленных документальными доказательствами (см. факсимиле).

Я был непосредственным наблюдателем и в какой-то степени соучастником ее научной деятельности в течение приблизительно двадцати лет. Е.С. Вентцель была оппонентом на защите моей кандидатской (1959 г.) и докторской (1965 г.) диссертаций. Другим оппонентом диссертаций был Н.П. Бусленко, чем я также безмерно горжусь. Третьим оппонентом при защите докторской диссертации был Я.М. Лихтеров (первый справа на снимке, открывающем статью, рядом с ним И.В. Худяков). Я постараюсь подробно описать обстоятельства, сопутствующие защите обеих диссертаций, и изложить содержание самих работ, поскольку они тесно связаны с именами вышеназванных дорогих мне людей. С той поры прошло ровно 50 лет и мои воспоминания, возможно, помогут молодым историкам понять существо проблем, волновавших в то время военную

науку и ту обстановку, в которой эти проблемы решались. Естественно, без частого упоминания имени как Е.С. Вентцель, так и моего собственного, здесь не обойтись.

Начнем с того, что в 1957 году, в марте месяце, я окончил реактивный факультет Артакадемии им.Ф.Э.Дзержинского и для прохождения службы был направлен в НИИ-2 ПВО, буквально за два месяца до этого передислоцированный из г. Евпатория в г. Калинин. В связи с появлением новой военной техники тематика научных исследований института значительно расширилась и вышла далеко за пределы использования зенитных артиллерийских орудий.

В институте был образован собственный Ученый совет. До этого все диссертации, подготовленные в НИИ-2, защищались в Ученом совете Академии артиллерийских наук, располагавшейся в г. Москве. В состав совета вошли – Ниловский С.Ф., Трегуб Я.И., Золотов Е.В., Павлов Б.А., Ульянов В.А., Журавлев В.Н., Семипядный К.П., Сергеев М.В. и др. (всего человек 10). Необходимый для функционирования совета докторский минимум обеспечивали Е.С. Вентцель (академия им. Жуковского), Н.И. Пчельников (НИИ-5), А.А. Свешников (Военно-морская инженерная академия). Совет, наряду с рассмотрением диссертационных работ, давал оценку качеству основных научно-исследовательских работ, выполняемых институтом.

Первой из таких НИР была так называемая тема № 1 – «Оценка перспектив развития основных средств ПВО и их влияния на оперативно-тактические формы построения системы ПВО». Научным руководителем темы был начальник института генерал-лейтенант С.Ф. Ниловский, заместителем научного руководителя – генерал Я.И. Трегуб, ответственным исполнителем И.В. Ерохин. Мне было поручено создать методику оценки потерь противника при различных вариантах поведения сторон. В то время в институте было всего два человека, получивших специальное образование в области управляемых снарядов: Любимов Ю.И. (впоследствии заместитель начальника этого института по НИР) и я. Поэтому спрос на наши познания в этой области был очень велик.

Задача, которую мне поручили решать, состояла в следующем: оценить математическое ожидание числа пораженных целей при преодолении авиацией противника огневого рубежа. Предполагалось, что стрельба ведется очередями зенитных управляемых ракет. Особенностью подвижных комплексов ЗУР является возможность перенацеливания выпущенной ракеты, если одна из ранее выпущенных ракет взорвалась вблизи цели. Мощность боевой части ЗУР такова, что вероятность уцелеть после такого взрыва практически равна нулю. Если взрыв состоялся, офицер наведения при помощи

специального рычага (кнюпеля) переводит перекрестие, определяющее дальнейший полет ракеты, на одну из непораженных целей.

Такая схема ведения огня в корне отличается от стрельбы неуправляемыми снарядами. Е.С. Вентцель совместно с Ю.А. Кочетковым написали учебник под названием «Лекции по воздушной стрельбе», в котором по понятным причинам совершенно не рассматривались особенности работы офицера наведения, офицера пуска и других лиц боевого расчета наземных комплексов ЗУР.

На Ученом совете Елене Сергеевне показались сомнительными мои расчеты и их обоснование. В завязавшейся дискуссии она упирала на нечеткость формулировок и неубедительность выводов. Я же доказывал противоположное, причем вошел в такой раж, что задел плечом огнетушитель кислотного типа. Эти огнетушители обычно никак не реагируют на удары по штоку, предназначенному для разбития капсулы с кислотой и приведения огнетушителя в действие. На этот раз все было иначе. Огнетушитель соскочил с кронштейна, ударился о пол и начал поливать довольно многочисленную аудиторию пеной, состоящей из серной кислоты и какого-то порошка. После этого дискутирующие стороны пошли отмываться, а дискуссия на этом оборвалась.

Далее события развивались следующим образом. Дело было под выходной, а по выходным я выезжал в Москву к семье, поскольку своей квартиры в г. Калинин я в то время не имел и проживал в общежитии. По приезде в Москву часов в 9 вечера меня позвали к телефону. Звонила Елена Сергеевна и сообщила мне следующее: «Дорогой Владимир Иванович, Вы, конечно же, во всем правы, а я стала жертвой Вашей манеры изложения: путанной, со множеством недомолвок и умолчаний. Если сможете, приезжайте ко мне сейчас же, отметим «мировую».

Я, естественно, был чрезвычайно польщен этим звонком и немедленно отбыл по назначенному адресу, захватив по дороге коробку конфет и коньяк из лучших сортов кукурузы (напомним, что это были времена хрущевской оттепели - 1958 год). Прибыв к месту назначения, я был очень радушно встречен Еленой Сергеевной и ее домашними. Сын Елены Сергеевны Александр Дмитриевич поинтересовался вкусовыми качествами этого ноу-хау и произнес всего одно слово: «Н-да...», не вдаваясь в подробности.

Дальнейшие наши встречи с Еленой Сергеевной носили более прозаичный характер.

На следующем заседании совета (примерно, через полгода) продолжалось обсуждение проблем эффективности, и возник вопрос о пригодности общепринятой формулы по оценке количества обстрелянных целей.

Общепринятая формула для подсчета вероятности обстрела цели имела вид

$$P_{обст} = \min \left(1, \frac{\mu}{\lambda} \right),$$

где λ - темп поступления целей в зону обстрела (плотность потока целей);

μ - темп стрельбы (скорострельность установки);

$P_{обст}$ - вероятность того, что цель будет обстреляна.

Считалось при этом, что

$$\mu = \frac{1}{T},$$

где T - продолжительность стрельбового цикла, так что

$$P_{обст} = \min \left(1, \frac{1}{\lambda T} \right). \quad (1)$$

Формула (1) предполагает, что налет носит массированный характер, и каждый раз после освобождения одного из каналов наведения офицер пуска имеет перед собой отметку появления очередной цели.

Очевидно, что после того как основная масса самолетов прошла ряд оборонительных рубежей, численность налета должна резко упасть, в боевых порядках авиации образуются бреши, и может возникнуть ситуация, когда в зоне пуска не окажется ни одной воздушной цели, что заставляет ко времени боевого цикла прибавить некоторую добавку, зависящую от времени ожидания очередной цели.

Я предложил при определении этой добавки использовать методы теории массового обслуживания и, опираясь на предельные теоремы Пальма и Такача, считать, что поток целей на заключительном этапе операции представляет собой поток Пуассона.

Формула, обобщающая формулу (1), выглядит так:

$$P_{обст} = \min \left(1, \frac{1}{\lambda T + e^{-\lambda t_{ож}}} \right),$$

где $t_{ож}$ – время пребывания воздушной цели в зоне пуска.

На этот раз Елена Сергеевна согласилась с моими доводами без особых возражений. Более того, она предложила мне представить все эти соображения в виде кандидатской диссертации и считать ее основным оппонентом при защите этой диссертационной работы. На мои возражения, что с момента окончания мною академии не прошло и двух лет, она решительно заявила, что это не имеет значения, и всю аргументацию в пользу такой форсированной защиты она берет на себя.

В своем отзыве на диссертацию она не преминула вновь обвинить меня в недостатках литературного свойства. В частности, она «придралась» к фразе: «*а* суть переменная второго порядка малости» и здесь же привела таблицу спряжения глагола «быти»:

Аз - есм	мы - есмы
Ты - еси	вы - есе
Он, она - есть	они, оне - суть;

откуда немедленно следует, что отглагольная форма «суть» применена неправильно. При этом мне было «строго указано», в том смысле, что если уж возжелал воспользоваться древнеславянским языком, то делай это грамотно. Я же по своей серости и не подозревал, что изъясняюсь на этом самом древнеславянском наречии.

На защите она вела себя как всегда категорично и агрессивно. Диссертация называлась «Пропускные способности огневых средств ПВО». В отзыве военно-научного отдела Главного штаба ПВО в качестве недостатка отмечалось не критичное отношение к терминологии. Говорилось о том, что задача огневых средств ПВО не «пропускать», а «сбивать воздушные цели». На это Елена Сергеевна вспомнила, что один из начальников факультета ВВИА им. Жуковского возражал против термина «событие поражения цели», считая, что сбитие цели должно быть не событием, а правилом.

В целом, защита прошла хорошо, а на послезащитном чаепитии, помимо Е. С. Вентцель и второго оппонента Николая Пантелеймоновича Бусленко, присутствовали такие будущие корифеи военной науки, как Иван Борисович Погожев, Олег Владимирович Сосюра, Иван Васильевич Ерохин, Евгений Сергеевич Сиротинин и др. Особенно выделялся своим остроумием тамада Анатолий Петрович Тронь из Военно-морской инженерной академии им. Крылова, который руководил застольем, используя исключительно военно-морскую терминологию (сигнал, крен, камбуз и т. д.). Память об этом вечере осталась у меня на всю жизнь.

Следующим незабываемым этапом нашей совместной научной деятельности явилось решение проблем построения территориальной системы ПРО и создание системы контроля космического пространства. Свои исследования в этом направлении я решил представить в виде докторской диссертации. Елена Сергеевна согласилась выступить в роли официального оппонента.

При решении многочисленных математических задач опять возникали длительные математические споры, связанные с проблемой равнопрочности. Наш постоянный (хотя и дружественный) оппонент в лице военно-научного отдела Главного штаба ПВО возражал против самого принципа равнопрочности в построении системы ПВО, упирая на Карла

Клаузевица, провозгласившего залогом успеха в операции сосредоточение максимального количества сил на решающем направлении. И здесь официальный оппонент Е. С. Вентцель заступилась за меня, сказав, что не представляет себе, как реализовать принцип Клаузевица в условиях крайне ограниченного ресурса времени и сил.

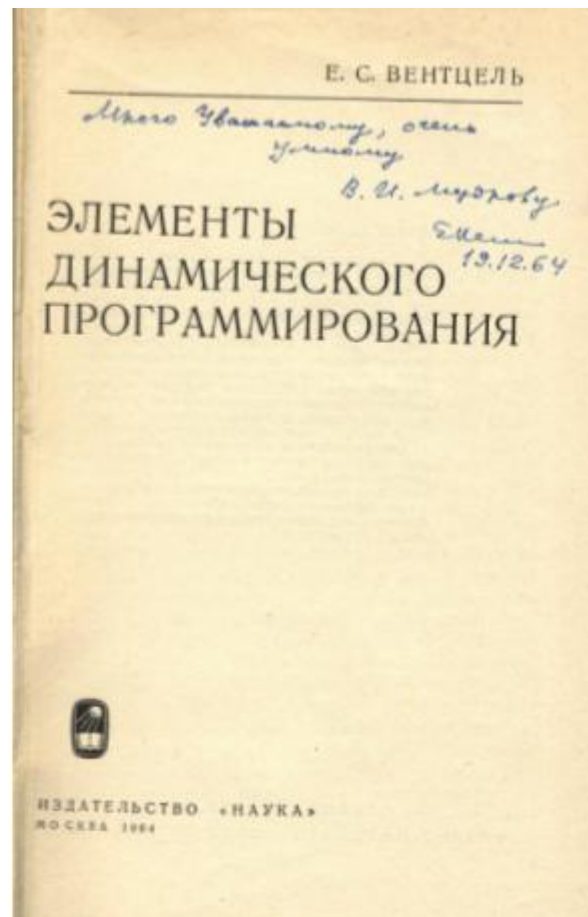
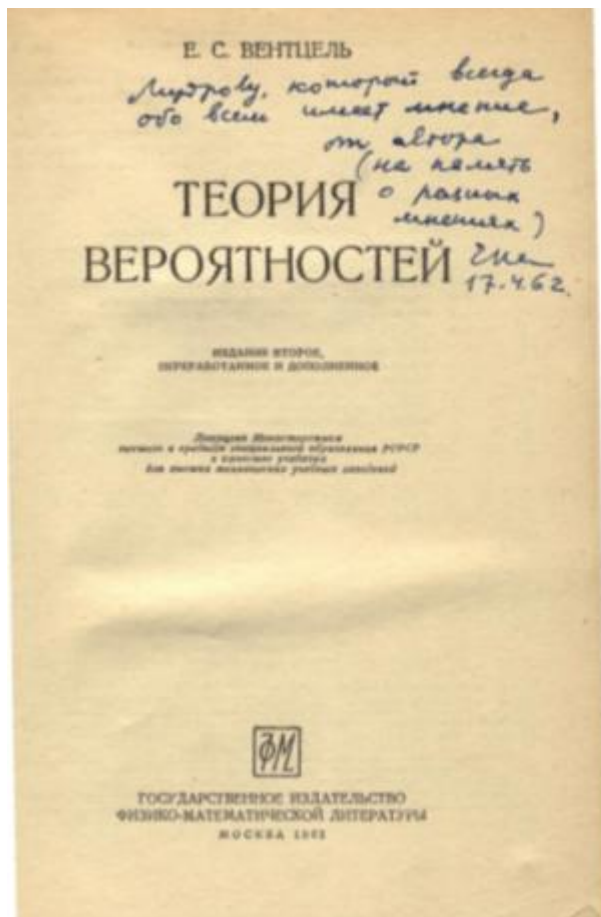
Защита докторской диссертации проходила на 2-м факультете ВВИА им. Жуковского. Один из членов Ученого совета был основным неофициальным оппонентом. Мои ответы на вопросы одного из неофициальных оппонентов – члена Ученого совета, его не удовлетворили, а поскольку они были выдержаны в стиле «критика на критику», то он отказался участвовать в голосовании, демонстративно порвав свой бюллетень. Возникла ситуация:

- роздано бюллетеней 19;
- в урну опущено 18.

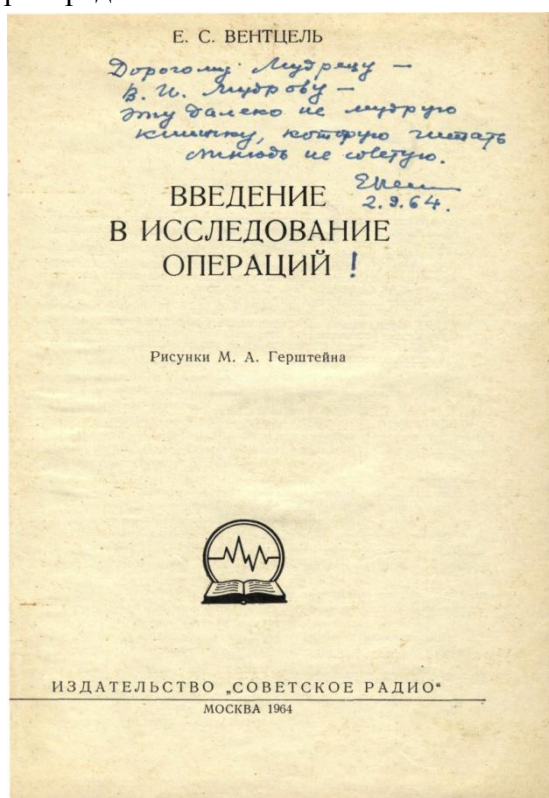
Отсюда вопрос: «Куда исчез один бюллетень?»

Решили, что в протоколе нужно записать, что одному из членов Ученого совета стало плохо, он отправился в санчасть, по ошибке захватив с собой бюллетень. Против такой формулировки решительно возразил мой официальный оппонент - Е.С. Вентцель, и мне пришлось три недели уговаривать ее согласиться с этой формулировкой, чтобы не тормозить дальнейшее продвижение работы на пути в ВАК.

Одновременно она критиковала меня за противопоставление метода наименьших модулей методу наименьших квадратов. Замечу при этом, что одна из первых ее публикаций - брошюра под названием «Элементы теории вероятностей и приближенных вычислений», написанная совместно с мужем Д.А. Вентцелем в конце 40-х годов, долгое время хранилась в моей библиотеке, пока не исчезла неизвестно куда. Я остаюсь до сих пор при своем мнении, что и тот, и другой методы не имеют достаточного обоснования при наличии ошибок модели, а они неизбежно присутствуют в любой сложной задаче, связанной с обработкой данных, но метод наименьших модулей менее чувствителен к методическим ошибкам и, прежде всего, к ошибкам модели.

Ошибки модели не есть результат сложения большого числа слагаемых, а явление совершенно особого рода — это «ошибки незнания», и, следовательно, законы распределения этих ошибок необходимо задавать с точки зрения априорной неопределенности как некоторое решающее правило.

При этом я ссылался на то, что мой опыт решения задач подготовки целеуказаний для стрельбы по космическим целям приводит к такому рецепту: надо искусственно вводить в модель дополнительную ошибку, заведомо большую, чем ошибка незнания, с известными статистическими характеристиками и обрабатывать результаты измерений в условиях теперь уже почти полного знания. Так поступили главные теоретики в области фильтрации данных наблюдения динамических систем: Р.Е. Калман, Р.С. Бьюси, А.Н. Ширяев,

В.Я. Катковник, А.И. Назаренко, А.М. Жандаров и многие другие.

Начертав эти строки, я мысленно возвращаюсь к дорогим для моего сердца воспоминаниям о беседах с Еленой Сергеевной, и единственная цель этих воспоминаний - воссоздать ее неповторимый образ настоящего ученого: эрудированного, внимательного к собеседнику, строгого по отношению к манере устного и письменного изложения автором своих мыслей, в меру самокритичного и безмерно преданного науке и русскому языку.

К ней в полной мере относятся строки Анны Ахматовой:

«И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово».

А все подозрения в нескромности, саморекламе и т.п. я прошу читателя решительно отбросить. Моя цель - донести до потомков многогранный образ моего Учителя.

В дальнейшем, по мере ослабления связей Е.С. Вентцель с военными организациями наши контакты стали значительно реже, хотя до конца никогда не прерывались (см. факсимиле). Наличие столь строгого принципиального критика являлось мощным стимулирующим и дисциплинирующим фактором в моей научно-прикладной деятельности. В этом отношении мне очень повезло, и я всегда буду благодарен этому замечательному человеку. Елена Сергеевна Вентцель сыграла в моей научной карьере решающую и неоценимо высокую роль.

5 декабря 2006г.

А.Д. Мышкис
Профессор, д.ф-м.н.

ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ

Я был знаком с Еленой Сергеевной Вентцель на протяжении около 50 лет, хотя и с перерывами. Наше знакомство произошло в экстремальной ситуации: началась Великая отечественная война, и большинство ребят нашего, четвертого курса мехмата МГУ мобилизовали. Нас, как и студентов-физиков, а также студентов ряда других университетов отправили в Свердловск учиться в эвакуированной туда Военной воздушной академии имени Н.Е. Жуковского. (В официальном названии добавлялось “профессора” – возможно, чтобы его не спутали с поэтом.) Мы прошли полный курс обучения за три года вместо нормальных пяти лет, для чего он был уплотнен и некоторые дисциплины, знакомые нам по университету, не повторялись.

ас, не спрашивая, распределили по факультетам; я с несколькими друзьями (из них самый близкий – Иосиф Ворович, впоследствии академик) попал на ФАВ – факультет авиационного вооружения. Как я уже сказал, нам математические курсы не читали, но было одно исключение – теория вероятностей. В силу особой важности этой теории для нашей специальности, у нас был как лекционный курс (лекции читал 30-летний профессор В.С. Пугачев, начальник кафедры воздушной стрельбы, позже академик), так и практические занятия, причем в нашем отделении (на штатском языке – в нашей академической группе) их вела Е.С. Вентцель.

Е.С. тогда было 34 года, она была женой известного генерала Д.А. Вентцеля, который позже читал нам лекции сначала по внутренней, и затем и по внешней баллистике. У нее еще не было ученой степени, но было трое детей, из которых двое стали математиками – Александр (он уже давно доктор наук и живет в США) и Татьяна (она кандидат наук – я был у нее одним из оппонентов – и после смерти Е.С. она уехала в Австралию). Насколько я помню, Е.С. из наших преподавателей была единственной женщиной – женщины были также среди преподавателей кафедр высшей математики и иностранных языков, но эти дисциплины у нас не изучались. При общении с ней сразу были видны ее интеллигентность, общая культурность, прекрасное владение языком, а также хорошо развитый здравый смысл. Слушатели (на штатском языке – студенты) ее уважали, несмотря на ее высокую требовательность к ним.

Еще во время нашей учебы Е.С. защитила кандидатскую диссертацию, а спустя несколько лет, и докторскую. Она написала несколько книг учебного характера (по теории вероятностей, исследованию операций, динамическому программированию и теории игр), пользующихся широкой популярностью.

У меня с Е.С. оказалось много общих взглядов на прикладную математику и на характер преподавания математики будущим инженерам. Это особенно ярко обнаружилось, когда я в начале 70-х годов переехал из Харькова в Москву, где поступил на работу в МИИТ на кафедру прикладной математики; туда незадолго до этого поступила и Е.С. Мы не раз обсуждали эти вопросы и несколько раз совместно выступали на эти темы в печати (см. далее приложения к этой статье). Е.С. активно поддержала книгу [“Механика и прикладная математика”] подробной рецензией в журнале “Наука и жизнь” и сделала нам целый ряд полезных замечаний.

Я (по-моему, дважды) был у Е.С. дома – по-видимому, в квартире ее дочери Татьяны и ее мужа, моего друга Юлия Шрейдера. Развлекались вчетвером сочинением коллективного стихотворения, в котором каждый из участников, по очереди, писал две строки, ориентируясь на две предыдущие, а затем еще две новые строки. О результате такого творчества можно судить по окончанию одного запомнившегося мне “стихотворения”: я написал: “За теоремой теорему / нагромождай на храм наук!”, а Е. С. завершила: “Потомок твой на эту тему / издаст один негромкий звук...” Е. С. тоже как-то была у меня на дне рождения; она подарила мне прищепку для бумаг, принадлежавшую еще Дмитрию Александровичу.

Широким слоям читателей Е.С. известна как писательница, выступающая под псевдонимом И. Грекова. (Этот псевдоним имеет математическое происхождение и должен напоминать о том, что латинскую букву “у” надо произносить с ударением на втором слоге, т. е. “и греческое”.) Литературное творчество Е.С. – несомненно, выдающееся явление. Сошлюсь на отзыв А.И. Солженицына о состоянии советской литературы в период, когда он находился еще в Вермонте. Он назвал только трех писателей, заслуживающих серьезного внимания: Ю. Трифонов, второго я забыл – и И. Грекова.

Интересно отметить, что, вопреки распространенному мнению, роман Е.С. “Кафедра” написан не о кафедре прикладной математики МИИТа, на которой она работала; все герои и события в этом романе не имеют прямых аналогий с реальной жизнью. Но ее роман “Пороги”, в котором описывается реакция отдела НИИ на серию анонимок – прямой слепок с реальной жизни упомянутой кафедры: так, Александр Маркович Фабрицкий довольно точно списан с заведующего кафедрой Л.Е. Садовского,

Максим Петрович Кротов – с меня (не этим ли объясняется близость фамилий?), Анна Кирилловна Дятлова – с самой Е.С. Елена Сергеевна подарила мне экземпляр этой книги с надписью: Дорогому Толе Мышкису – верному единомышленнику и соавтору статей, оставшихся, увы, без последствий. И. Грекова, 4.5.86.

У меня сохранилось два письма Е.С. Первое было написано, когда она работала в ВВИА имени Жуковского, а я – в Физико-техническом институте низких температур АН УССР:

Дорогой Анатолий Дмитриевич

От всей души благодарю Вас за присланную Вами книжку [“Лекции по высшей математике” – А. М.]. Мне пока что удалось лишь бегло просмотреть ее, но впечатление – исключительно хорошее. По-моему, это именно то, чего не хватало до сих пор нашей математической литературе. В книге найден точный и верный синтез практической направленности и интуитивизма с математической строгостью, которая нигде не оказывается самоцелью. Книга производит впечатление, как “айсберг”, у которого 9/10 объема лежит “под водой” – это глубокая математическая культура, которая проявляется во всей манере изложения, нигде не переходя в заумность.

Я думаю, что Вы сделали большое и полезное дело для всех наших инженеров, биологов, экономистов и проч., которых математика интересует не сама по себе, а с точки зрения ее приложений. Когда я ознакомлюсь с книгой более подробно, я, возможно, напишу Вам о моих более конкретных соображениях. А пока что – еще раз сердечно благодарю Вас за присланную книгу, очень нужную мне с самых разных точек зрения (между прочим, и с той, что мне, возможно, придется расстаться со своим теперешним местом работы и искать приложения в другой области).

Желаю Вам и Вашей семье всего самого лучшего!

Подпись (Е. Вентцель) 11.2.68

Второе письмо относится к периоду, когда мы работали в МИИТе:

Дорогой Толя! 16.12.87.

Посылаю Вам вариант статьи, написанной на основе ранее составленных материалов, в том числе Ваших “разрозненных заметок”, которые оказались очень кстати. Делайте с моим вариантом всё, что Вам будет угодно: вычеркивайте, кромсайте, если нужно - сокращайте. Впрочем, размер статьи (20 страниц) заказан мне журналом [забыл, каким – А. М.]. Дальнейшее – пересылку статьи в журнал, ее согласование с заказчиком и т.д., - прошу Вас взять на себя. У меня сейчас очень трудный период – я болею, сын тяжело болен, даже попросить отправить бандероль – некого, буду ждать первой okazji.

Желаю Вам и всей Вашей семье всего самого хорошего. Поздравляю с наступающим Новым годом!

Елена Сергеевна.

Р. С. Отправляю Вам обратно все материалы; в некоторых из черновиков перепутаны страницы; именно в таком виде я их получила. “Анкету” оставляю себе.

С этим журналом почему-то ничего не получилось, и сокращенный вариант статьи вышел в “Вестнике высшей школы”, 1988, No 10, с. 11 – 14. Некоторые из фрагментов, упомянутых Е.С., приведены ниже в Приложениях к этой статье.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. “Литературная газета” от 12.3.80, полоса 11. {От ред.: В ЛГ [No 43, 1979] были опубликованы полемические заметки профессора А. Китайгородского “Дело о разводе”. В них говорилось о необходимости отделения “чистой” математики от естествознания и техники. Иную точку зрения на данный вопрос высказали в своих статьях профессора М. Евграфов [“ЛГ”, No 49, 1979], М. Постников [No 5, 1980], а также авторы ряда писем, помещенных на страницах газеты. Сегодня, публикуя статью группы ученых-математиков, мы завершаем обсуждение.}

Е. Вентцель, проф., ДТН, Л. Гурин, ДТН, СНС,
А. Мышкис, проф., ДФМН, Л. Садовский проф., ДФМН.
Из статьи “Компьютер – это еще не всё!”

... Разберемся всё-таки, в чем же состоит “дело”. В качестве главного аргумента в пользу “развода” А. Китайгородский выдвигает наличие компьютеров (ЭВМ), которые, мол, делают излишним вмешательство математика в решение задач естествознания и техники. Удивительно, как можно высказывать всерьез такие мнения! По нашему убеждению, подтвержденному многолетней практикой, появление ЭВМ отнюдь не устраняет надобности в математике, а, наоборот, эту надобность многократно усиливает. В этом мы, математики, убеждаемся на деле, непосредственно и каждодневно. К нам постоянно обращаются за помощью многочисленные инженеры, работники промышленности, транспорта, сельского хозяйства, здравоохранения и т.д. Потому ли они это делают, что не располагают компьютерами? Вряд ли. Задачи, которые перед нами встают, отнюдь не могут быть непосредственно переданы вычислительной машине, они

требуют предварительной математической проработки, нередко на самом серьезном уровне. Сегодня в прикладных задачах применяются такие тонкие математические методы, которые лет сорок назад были известны лишь единицам среди “чистых” математиков, а то и никому не были известны – этих методов вообще не существовало, они возникли в ответ на требования практики. Наличие ЭВМ делает осуществимыми вычисления по этим методам, но самих методов не подменяет.

Опыт показывает, как часто математические построения, казавшиеся вначале абстрактными, в дальнейшем становились твердым фундаментом решения задач естествознания и техники. Типичный пример – комплексные числа. Возникшие и долгое время находившиеся в рамках чистой математики, они в конце концов после мучительных споров и сомнений вышли за ее пределы, и сейчас без применения комплексных чисел нельзя представить себе современные электротехнику, радиотехнику, гидродинамику, аэродинамику и т.д. Без создания в чистой математике тензорного анализа, и неевклидовой геометрии, без теории групп и теории операторов не было бы всей современной физики/ атомной энергетики, методов кодирования сообщений... Без теории многомерных метрических пространств невозможны современные методы решения задач оптимального планирования и управления – как отдельными предприятиями и отраслями, так и народным хозяйством в целом.

... Знаменитый математик Ф. Клейн писал: “Чисто логические концепции должны составить, так сказать, твердый скелет организма математики, сообщить ей устойчивость и достоверность. Но самая жизнь математики ... ее продуктивность относятся преимущественно к ее приложениям ... Изгнать приложения из математики – это то же, что искать живое существо с одной только костной основой, без мускулов, нервов и сосудов”.

– Позвольте! – скажет, может быть, наш оппонент, - Ведь все эти высказывания относятся к эпохе до ЭВМ! Теперь всё изменилось!

– Нет, напротив, – ответим мы. – Почитайте, например, совсем недавно вышедшую книгу члена-корреспондента АН СССР Н. Моисеева “Математика ставит эксперимент”. Первая глава этой книги так и называется: “О единстве математики абстрактной и прикладной”. Н. Моисеев, математик новой формации, превосходно знающий ЭВМ и прикладные задачи, отнюдь не отождествляет прикладную математику с вычислениями на ЭВМ, а, наоборот, подчеркивает необходимость высокой математической культуры для постановки и решения прикладных задач.

... А. Китайгородский прав в одном: появление ЭВМ существенно изменило характер взаимодействия между математикой и ее применением. Этого нельзя не

учитывать в деле преподавания математики – как в школе, так и в вузе. Преподавание должно стать более конкретным, теснее увязанным с потребностями практики, с возможностями ЭВМ, приобщение к которым должно производиться как можно раньше. Но из этого отнюдь не следует, что, имея в кармане компьютер, учащийся может обойтись без творческих усилий. Для того чтобы поставить задачу перед ЭВМ, нужно, прежде всего, ее осмыслить, правильно сформулировать, выбрать из всех имеющихся методов решения задачи наилучший, а если нужного метода нет – создать его. А для этого прежде всего нужно хорошо знать математику, арсенал ее методов, достоинства и недостатки каждого из них. Наличие ЭВМ (карманного или иного компьютера) только освобождает время и внимание учащихся от механических, трудоемких расчетов (типа “умножения столбиком” извлечения корня, вычисления интегралов и др.), но никак не освобождает их от необходимости мыслить, и мыслить на языке математики, который становится сегодня всё более универсальным способом описания явлений окружающего мира.

Одним словом, тезис А. Китайгородского о том, что сейчас “в карманах учащихся появились небольшие компьютеры, с помощью которых можно решить любую школьную задачу” и поэтому якобы “на уроках математики надо меньше решать задач”, не выдерживает критики. Не меньше, а больше надо решать задач, так как именно они развивают первичные навыки в приложениях математики, а эта сторона у большинства учащихся составляет самое слабое звено.

... Теперь остановимся вкратце на статье М. Евграфова, опубликованной в “ЛГ”, No 49 за 1979 год. Автор этой статьи, иронически озаглавленной “А был ли брак?”, полемизирует с А. Китайгородским. Отдавая должное ее литературным достоинствам, мы всё же не по всем пунктам можем согласиться с М. Евграфовым. Стоя на позициях “чистого математика”, он отстаивает свое право развивать свою наука как таковую, не заботясь о ее непосредственных приложениях и не будучи связанным жестким планом. В этом мы вполне согласны с автором; выше мы уже говорили о том, как не сразу (и не всегда) результаты, полученные чистыми математиками, находят свое практическое применение. Однако М. Евграфов, доводя до крайности эти справедливые положения, утверждает, что: 1) ни один результат чистой математики не получает никаких практических приложений раньше, чем через 50 лет после его получения; 2) около 99 процентов результатов, получаемых в чистой математике, бывают полностью забыты через 50 лет; 3) самый красивый математический результат доставляет эстетическое наслаждение не более чем ста современникам его получения. Первое утверждение не совсем правильно. Именно сейчас, когда многие разделы чистой математики усиленно развиваются в ответ на требования практики, эти сроки в ряде случаев значительно

сокращаются(примеры: линейное и динамическое программирования, новые разделы алгебры, принцип максимума, теория массового обслуживания и т.д.). Подобное ускорение процессов внедрения в практику новых научных открытий - вообще характерная черта нашего времени.

... Кроме того, нам кажется, что некоторые акценты в интересной и во многом справедливой статье М. Евградова расставлены не совсем верно. В частности, нам представляется не вполне правильной и во всяком случае недемократичной тенденция автора делить математиков на уровни “высший” и “средний” (так сказать, “белую и черную кость”). Интересно, к какой из этих категорий М. Евградов отнес бы П. Л. Чебышева, который, создавая исключительные по глубине теоретические результаты, в то же время не гнушался черчением географических карт, кройкой одежды и конструированием механизмов?

... Сходная с нашей точка зрения на предмет дискуссии изложена в интересной и глубокой статье профессора М. Постникова (“ЛГ”, No 5, 1980). Самое ценное в этой статье – указание на истинную роль математики в системе наук, а именно – на ее роль одной из важнейших форм социальной памяти человечества. Автор правильно подчеркивает, что школьное и вузовское преподавание должно непосредственно вводить учащихся в арсенал этой памяти, включая ее современные разделы.

... Если уж проводить какое-то условное разграничение между “прикладной” и “чистой” математикой, то можно сказать, что первая направлена на задачи практики непосредственно и явно, а вторая делает это менее заметным для публики способом (математика как **средство** и математика как **цель** – это главное различие).

Наконец, мы не согласны с положением М. Постникова, будто “господин компьютер” на общие принципы взаимоотношений математики и других наук никак не влияет и не имеет отношения к их “браку”. Влияет, да еще как! Прежде невозможное становится реальным. Так, например, знаменитая “задача о четырех красках” (доказательство возможности раскрасить любую географическую карту, пользуясь не более чем четырьмя красками, так, чтобы никакие два соседних государства не были окрашены одним цветом), не поддававшаяся усилиям математиков в течение многих десятилетий, совсем недавно была решена с помощью компьютера. Многочисленные факты показывают, что современная вычислительная техника существенно расширяет область взаимодействия “супругов”, помогает им найти общий язык и значительно облегчает деятельность, приводящую к появлению “детей” – содержательных результатов...

2. “Комсомольская правда” от 26.7.1981, полоса 2. {От ред.: 3 июня в “Комсомольской правде” были опубликованы полемические заметки Ю. Медведева и Р. Щербакова “При звании – призвание” о падении престижа инженерной профессии. Сегодня этот разговор продолжают ученые – преподаватели вуза.}

Е. Вентцель (профессор, ДТН), А. Мышкис (профессор, ДФМН)

Из статьи “Вниз по лестнице престижа?”

... Думается, что система втузовского образования должна быть более гибкой. Идея создания двухступенчатой системы, можно сказать, носится в воздухе. Народному хозяйству нужны как инженеры-практики, для которых образование в стенах института вовсе не должно быть столь обширным, так и инженеры-исследователи, для которых общенаучная и общеинженерная подготовка, причем не формальная, а по существу, имеет важнейшее значение. Во многих странах именно так и делается: например, в рамках единого технического института имеются потоки с двух-, четырех- и шестигодичным обучением. Оно может быть либо последовательным (после 4-летнего обучения часть наиболее успевающих студентов при желании остается еще на двухлетний срок), либо параллельным, с возможностью перехода с одного потока на другой (опять-таки в зависимости от успеваемости). Соответствующих специалистов можно было бы называть техниками, инженерами-практиками и дипломированными инженерами, как это принято в ряде стран. Интересна также система, действующая в некоторых странах: соответствующее образование дает лишь право на получение этих званий, а сами они присуждаются после определенного срока работы профессиональными комиссиями, не зависящими от институтов...

3. “Комсомольская правда” от 27.2.1988, полоса 2.

И. Грекова, профессор, А. Мышкис, профессор

Из статьи “Кто научит профессора, который должен научить студента?”

... Сегодня в вузе работают преподаватели разных типов.

Начнем с “преподавателя по призванию”. Разумеется, он должен хорошо знать предмет, за который берется. Но не меньшее значение имеют такие качества, как широкая культура, хорошая речь, умение говорить “без бумажки”, с ходу отвечать на непредвиденные вопросы.

Другой необходимый для вуза тип преподавателя – это “преподаватель - ученый”, который не просто читает лекции, а широко привлекает к собственным исследованиям студентов, аспирантов, других молодых сотрудников.

Конечно, лучше всего, если эти два типа объединяются в одном лице. К сожалению, это далеко не всегда так. Например, самый выдающийся лектор, которого нам приходилось слышать, был профессор А.П. Минаков. Он не был выдающимся ученым, что не помешало академику А.Ю. Ишлинскому, выступая с воспоминаниями, сказать о нем: “Среди нас жил гений”. Блистательным лектором, буквально завораживающим аудиторию, был ленинградский профессор Г.М. Фихтенгольц. Противоположный пример – знаменитый ученый, академик И.М. Виноградов. На первой лекции его слушатели с трудом разместились в большой аудитории. Однако уже после нескольких лекций осталось 2 – 3 энтузиаста. Покойный академик А.Н. Колмогоров, один из величайших математиков нашего столетия, далеко не всегда мог донести свои глубокие по содержанию лекции до понимания аудитории.

Не надо путать эти два типа. В частности, не стоит требовать, как это сейчас обычно делается, чтобы каждый доцент был в обязательном порядке кандидатом наук. Пусть он вместо вымученной узкоспециальной диссертации покажет пути совершенствования учебного процесса – для вуза эта работа была бы гораздо важнее. Кстати, такое исследование могло бы служить полноценной диссертацией в области педагогических наук, охватывающих ныне по непонятной причине лишь среднее образование.

Наряду с этими двумя основными типами необходимы также “преподаватели - организаторы”. И здесь наблюдается распространенное заблуждение, согласно которому таким руководителем может быть любой доктор наук. На самом деле организаторские способности – это особый дар, далеко не всегда совпадающий с научным талантом.

Имеется, наконец, прослойка преподавателей, о которой говорят гораздо меньше, но которая для вуза совершенно необходима. Это преподаватели “школьного типа”, ведущие по установившимся курсам практические, лабораторные занятия. Такие преподаватели находят пути к “среднему” студенту.

... Надо беречь время преподавателей, не допускать его разбазаривания на бесконечные заседания и совещания. Всячески стимулировать не массовые, обезличенные, а индивидуальные формы работы преподавателя со студентом. Для этого и тот, и другой должны иметь время. Ничто так не способствует росту будущего специалиста, как свободные, нестесненные беседы с наставником. А многих из наших вузовских преподавателей можно назвать “наставниками” студентов в полном смысле

слова? Обычно беседа протекает в условиях цейтнота: преподаватель и студент торопятся на очередное мероприятие...

4. Это, по-видимому, заготовки Е.С. к статье, о которой она мне пишет в письме от 16.12.87. Заготовки не редактировались, т. е. это высказывания Е.С. “в чистом виде”.

А. Высшую школу – на высший уровень

(название желательно было бы изменить, чтобы не повторять старого!) Начало можно было бы связать с проводимой в настоящее время реформой средней школы.

Например, так:

Мы являемся свидетелями протекающей на наших глазах реформы средней общеобразовательной школы. Основное ее содержание – решительно повернуть обучение к жизни и ее требованиям; деформализовать преподавание, приблизить его к современному уровню развития науки и техники; вооружить учащегося знаниями, которые действительно ему необходимы, а не перегружать его запоминанием малосущественных дат, фактов и подробностей.

Мы не сомневаемся, что сходные преобразования должны произойти и в высшей школе.

Б. Что здесь надо изменить? Прежде всего, содержание, объем и тематика вступительных экзаменов должны быть приведены в соответствие с теми знаниями, которые насущно необходимы абитуриенту в его дальнейшем обучении в вузе и в последующей практической деятельности. Вступительные экзамены нужно решительно деформализовать, а их результаты не сводить к простому подсчету баллов. По нашему убеждению, баллы, полученные на экзаменах за различные предметы, должны не просто суммироваться, а предварительно множиться на коэффициенты (“веса”), учитывающие значение данной дисциплины в системе знаний будущего специалиста. При этом одной из основных должна быть оценка, выставляемая после собеседования и учитывающая общее развитие и эрудицию абитуриента в избранной им области, его предшествующую работу по специальности, участие в кружках, олимпиадах и т.д.

При поступлении в технические вузы должны учитываться: общая техническая грамотность, знакомство с перспективами развития данной области техники, умение читать чертежи и описания приборов. По некоторым специальностям может принести пользу и психологическое тестирование, эффективные формы которого еще предстоит разработать.

При поступлении в технические вузы одним из труднейших оказывается экзамен по математике. Это связано не столько с тем, что математика сама по себе “трудная наука” и крайне необходима будущему инженеру, сколько с излишней переусложненностью выносимых на экзамен задач.

В. Говоря о “простительности” некоторых ошибок, надо учитывать, что правила правописания меняются во времени; например, одно и то же слово в разные времена писалось “придти”, затем “притти”, наконец, “прийти”; “повидимому” сравнительно недавно стало писаться “по-видимому” и т.п. Развитый абитуриент читает не только книги, изданные в самые последние годы, но и более ранние издания; тем не менее, отклонения от самых последних правил вменяются ему в ошибку. Нам, например, известен случай, когда абитуриенту снизили оценку по сочинению за то, что, приводя в нем цитату из М. Горького, он воспользовался правописанием книги, изданной в советское время, но несколько раньше последней орфографической реформы.

Заметим, что в понятие “грамотности” входит и умение, в случае надобности, пользоваться словарями и справочниками. Доступ к ним, по нашему мнению, во время экзамена должен быть открыт.

Кроме того, нам кажется целесообразным, чтобы абитуриенты технических вузов, взамен традиционных “литературных” сочинений писали “сочинения” на темы, непосредственно связанные со специальностью (например, “Современные транспортные средства” для поступающих в транспортные вузы или “Роль энергетики в народном хозяйстве” для будущих энергетиков, или “Перспективы развития авиации” для поступающих в авиационные вузы); разумеется, заглавия и темы должны широко варьироваться, чтобы избежать заранее подготовленных и “вызубренных” абитуриентом вариантов. Такие сочинения, помимо общей грамотности, позволят проверить степень раз- (окончание отсутствует)

Г. В настоящее время институт, выдав выпускнику диплом, фактически теряет с ним связь и, значит, снимает с себя всякую ответственность за качество своей продукции. Много говорится о необходимости выпускать “высококвалифицированных специалистов” для народного хозяйства, но насколько в самом деле “высока” квалификация наших выпускников – мы не знаем и не имеем способов узнать. “Рекламации” здесь не приняты, а жаль, они могли бы быть очень полезными при перестройке учебного процесса в сторону его большей целенаправленности. Необходимо установить постоянно действующие каналы связи между институтом и его бывшими выпускниками. Это дало

бы возможность выявить те области знаний, которых не хватает молодым инженерам в их повседневной работе, а также те разделы наук, которые для них практически бесполезны и, значит, могут быть потеснены в пользу более существенных. Кроме того, институт должен располагать данными о том, какой процент выпускников после окончания действительно работает по специальности, какой оседает на должностях канцелярских, снабженческих и т.п., вовсе не требующих инженерного образования, а какой вообще выбывает из числа работающих на производстве. Такая информация, если бы институты ею располагали, могла бы послужить исходным материалом для весьма важных научных работ, которые естественно должны выполняться педагогическими коллективами вузов – это их, и именно их, прямая обязанность. В настоящее время тематика научно-исследовательских работ преподавателей вузов очень редко относится к самому процессу обучения.

В.Н. Гастелло
Полковник, к.т.н.

ИСПЫТАНИЕ ДВАДЦАТЫМ ВЕКОМ

В середине пятидесятих годов теперь уже прошлого столетия на факультете вооружения Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского работала совершенно уникальная супружеская пара: он – начальник кафедры баллистики профессор, доктор технических наук, действительный член Академии артиллерийских наук, генерал-майор Дмитрий Александрович Вентцель, она – профессор, доктор технических наук Елена Сергеевна Вентцель.

Даже внешне это была удивительно красивая пара. Как говорится, “Бог их отметил”. Ему перевалило за пятьдесят, но это был стройный, подтянутый генерал хорошего среднего роста, с аккуратной ровной прической. Легко было представить его блистательным командиром одного из старинных гвардейских полков, Преображенского или Семеновского. Он был настоящим глубоким ученым.

Об остроумии Дмитрия Александровича ходили легенды. Например, такая. На госэкзаменах в качестве оппонента-эксперта присутствует доктор химических наук из Академии химической защиты. Почти каждому слушателю он нудно задает один и тот же вопрос: “А как вы будете дезактивировать эту деталь?..” Дмитрий Александрович долго не выдерживает и первым задает вопрос слушателю: “А как вы будете дезактивировать эту оптическую ось?..”

Однажды, в 1947 году, адъюнкт профессора Вентцеля сделал совершенно уникальную работу по газодинамике сжимающего взрыва. По рекомендации самого Д.А. Вентцеля адъюнкт Е.И. Забабахин поехал в Академию наук и открыто показал диссертацию академику Я.Б. Зельдовичу, возглавлявшему теоретические разработки по атомному проекту. Зельдович мгновенно все понял и, возможно, даже немного перепугался – над проблемами, решенными скромным адъюнктом, пока безрезультатно бились советские и американские ученые... Все было срочно изъято и засекречено, а молодой адъюнкт исчез, ушел в неведомое... Позднее доходили слухи, что Забабахин – академик, генерал, Герой Социалистического Труда и т.д. Что оказалось удивительной правдой. Это был, пожалуй, единственный случай, когда очередному адъюнкту маститого профессора не дали возможности защитить кандидатскую диссертацию. О какой защите могла идти речь, если через два года Е.И. Забабахин вместе с А.Д. Сахаровым были уже докторами наук...

К сожалению, Дмитрий Александрович в июле 1955 года преждевременно, на 57-м году, ушел из жизни.

Елена Сергеевна – в девичестве Долгинцева – была удивительно красива. Некрупные, очень приятные черты лица ее сразу привлекали внимание, она была очень похожа на Быстрицкую, а может быть, совсем наоборот – Быстрицкая похожа на нее.

Она была под стать своему блиставшему талантами супругу. Художественной литературой еще не занималась, но ее учебник “Теория вероятностей” был настольной книгой, практически, всех технических вузов страны, тираж ее научных книг если и уступал, то, пожалуй, только “Краткому курсу истории ВКП(б)”.

Среди преподавателей факультета Елена Сергеевна сияла звездой первой величины. Нам она на втором курсе читала годовой курс “Теории вероятностей” и, кроме того, на нашем первом отделении вела групповые занятия. Любое ее занятие включало в себя яркие юмористические вставки. Как-то мы обстоятельно обсуждали два понятия: практически достоверное и практически невозможное события. Елена Сергеевна посмотрела на нас внимательно и сказала: “Предположим, в аудитории сидит сто обезьян (какое совпадение – нас тоже было ровно сто). Все обезьяны беспорядочно колотят лапами по машинке... Какова вероятность, что к исходу дня они напишут Большую Советскую Энциклопедию?” Наступила пауза, все задумались. Елена Сергеевна продолжила: “К сожалению, то, что обезьяны совершат этот подвиг, событие почти невозможное, и вероятность его близка к нулю, с другой стороны, кто-нибудь из вас почти наверняка заснет на лекции, тут мы имеем дело с событием практически достоверным, и вероятность его близка к единице.”

Елена Сергеевна была большим оригиналом по части приема экзаменов и зачетов. Она разрешала совершенно свободно пользоваться справочной литературой, конспектами лекций и учебником. Так сказать, читайте, что хотите, штудируйте и изучайте учебник – все равно за полчаса подготовки всего не одолеть.

Тогда, во второй половине пятидесятых годов, у нас на факультете была совершенно изумительная стенная газета, большая, ватмана на четыре. И называлась она “РС”. Ее заголовок можно было читать двояко: “РС” – это разящая сатира или “РС” – это реактивный снаряд, главный предмет нашего факультетского изучения... Елена Сергеевна принимала в газете самое активное и горячее участие, ее стихи и фельетоны были великолепны.

Елена Сергеевна вырастила дочь и двух сыновей, преуспела в науке – стала доктором наук, профессором. Кажется, все уже состоялось, и вдруг уже в шестидесятых годах расцвело ее заложенное еще в детстве литературное дарование, и она явила миру

оригинальное и поистине незаурядное творчество. Без шутки прожить она не могла, а потому псевдоним взяла иронический и знаковый – И. Грекова, от игрека: Игрекова. Возможно, уже участвуя в РС, Елена Сергеевна подумала: “Конечно, я пишу для стенной газеты, получается неплохо, а почему бы не написать также неплохо для всей страны?” И вот, ее рассказы и повести публикуются в толстых литературных журналах. Заметным успехом стал ее рассказ “Дамский мастер”, признанный на радио самым популярным из прозвучавших в эфире рассказов.

В 1968 году выходит в печать ее знаменитая повесть “На испытаниях”.

Елена Сергеевна знала, о чем писала: она сама провела много времени на полигоне, повесть была почти автобиографичной. Появление ее в печати повергло прежде всего в полный шок ГлавПУР. В связи с кардинальным различием мироощущения этого органа и авторского мироощущения шум поднялся невообразимый и имел для автора (и не только для него) довольно печальные последствия.

Одним из главных героев повести был генерал Сиверс – фактически, его прототип Д.А. Вентцель, – человек высоко образованный, прямой и остроумный. Мгновенно среди военной интеллигенции стали крылатыми его едкие реплики: “А, самолет? А я думал, летучий мужской нужник”. Или “Кто вы? Лейтенант или Спаниэль?”. Вообще, и в авторском тексте сверкали жемчужины иронии, например, самая краткая убийственная рецензия: “тупо-вдохновенная кисть”.

Повесть имела громкий успех, но на беспартийную Елену Сергеевну завели чуть ли не персональное дело, факультет трясли и ломали, пытались организовать бурное обвинительное общественное мнение.

Сама Елена Сергеевна вскоре с блеском прошла профессорский конкурс, но буквально на другой день подала заявление об увольнении. Так, отработав тридцать три года в академии, она ушла на профессорскую должность в Московский институт инженеров железнодорожного транспорта (МИИТ).

С 1980 года вновь начинают печататься ее рассказы, повести и романы в толстых журналах и в отдельных изданиях.

Перечислять все произведения Елены Сергеевны – занятие долгое. Вспомним хотя бы прекрасные ее повести “Кафедра”, “Хозяйка гостиницы”, “Вдовый пароход”, “Хозяева жизни”.

Оказывается, еще в 1962 году сам Твардовский не рискнул напечатать ее роман “Свежо предание”, но уберег его от ареста, спрятав в редакционном сейфе “Нового мира”. Теперь и этот роман вышел в свет.

Совсем недавно переиздана повесть “Хозяйка гостиницы”. Вышел на экраны кинофильм Станислава Говорухина “Благословите женщину”, поставленный по мотивам этого произведения.

Порадуемся, что были русские интеллигенты, которые выдержали тяжкие испытания XX-го века, и среди них блистательная И. Грекова – Елена Сергеевна Вентцель.

НАША ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА

О существовании Елены Сергеевны Вентцель я узнал за много лет до того, как в первый раз увидел её в лицо, и ещё за большее количество лет до того, как познакомился с нею лично.

Я учился в лётном училище, и почти все преподаватели, обучавшие нас устройству самолётов, моторов, радиосвязи, аэродинамике, электрооборудованию и т.д., были выпускниками Академии им. Н.Е. Жуковского. И все они с большим удовольствием, кроме всего прочего, рассказывали нам о бренде «Жуковки» - легендарной семье Вентцелей, которая и в науке, и в системе преподавания, и в области культуры, эрудиции, остроумия (немаловажный фактор!) была, как говорится, «более чем»! Слава о Дмитрие Александровиче и Елене Сергеевне растеклась далеко за пределы академии.

Желание увидеть этот замечательный феномен своими глазами и услышать своими ушами было неодолимым, но исполнение казалось совершенно несбыточным.

И вдруг всё это произошло!

Поступив в академию Жуковского, я был полностью подготовлен к восторгу, с которым буду воспринимать это приобщение к святыне!..

Но с восторгом пришлось подождать.

Поступление нашего курса в академию совпало с кончиной Дмитрия Александровича Вентцеля, учёного, про которого говорили, что он знает ВСЁ. Рассказывали, что с ним невозможно было заговорить ни на одну тему, в которой он не ориентировался бы совершенно свободно! Один профессор, раздраженный таким его превосходством, пошел в Ленинку и досконально изучил жизнь некоего китайского императора. А на следующий день завёл разговор о нём с Д.А. Вентцелем. Каково же было изумление профессора, когда, выслушав его, Д.А. сказал: – Вы пользовались таким-то, таким-то и таким-то трудами, а в таком-то и в таком-то жизнь и взгляды этого императора изложены значительно интереснее и полнее!

Когда я ближе познакомился с Еленой Сергеевной, она мне рассказала, что ещё невестой Д.А. она была потрясена его необъятной эрудицией. И спросила его:

– Вы что же, знаете всё?

И Д.А., для которого шутливость общения была почти нормой, вдруг сделался серьёзным и ответил:

– Нет, не всё. Но три четверти всего – знаю.

Судя по интонации, с которой она мне это сообщила, всё именно так и было.

Сотрудник нашей Академии М. Герштейн нарисовал Дмитрия Александровича в виде средневекового рыцаря, а Елена Сергеевна написала на этом рисунке такое четверостишие.

Боец без страха и упрека,
Враг конъюнктуры и покоя,
Живя и чувствуя широко,
Любил он в жизни – все земное.

Первые встречи с Еленой Сергеевной меня немного разочаровали. При крайне редких пересечениях с ней в коридорах она производила впечатление человека не от мира сего своей глубокой погруженностью в какие-то свои вероятностные мысли и, казалось бы, отсутствием внимания к окружающим, которым рассеянно кивала в ответ на очередное «здрассте». Создавалось представление, что она, вообще, ничего не видит и никого не слышит в своей отрешенности от академической суеты.

Как же мы, встречающие, ошибались в восприятии этого удивительного человека! Когда стало известно, что автор научных трудов Е.С. ВЕНТЦЕЛЬ - ещё и писатель И. ГРЕКОВА, автор художественных произведений, читатели которых увидели в ней талантливую зоркую всевидящую и всеслышающую наблюдателя, чутко улавливающего разные веяния общества и увлекательно излагающего свои мысли как языком рафинированной интеллигенции, так и языком улицы. Часто это всевидение и всеслышание в совокупности с принципиальностью и традициями писателя школы русского критического реализма выходили ей боком. Во времена, в которых она жила, быть честным человеком и честно высказывать свои мысли, что она и делала всегда, было очень небезопасно. Но об этом – чуть позже.

Моё освобождение от представления о Е.С. как о человеке не от мира сего началось с сотрудничества в «ЭРЭСЕ», в настенной факультетской газете, название которой расшифровывалось как «Реактивный снаряд» или «Разящая сатира». В этой газете жизнь факультета изображалась юмористически и сатирически. Елена Сергеевна была очень увлеченным человеком и все свои увлечения она реализовала на высшем уровне.

Доктор технических наук, автор научных трудов (а хочется сказать: писатель – таким замечательным языком они написаны), не меньшее значение придавала она жизни человеческих душ в своих романах, повестях и рассказах, востребованных во всём мире! Драматург, в содружестве с Галичем создавшая пьесу, для МХАТа «Будни и праздники»,

детский сказочник, поэт, Елена Сергеевна Вентцель обожала эпиграммы! И читать (если хорошие), и писать (только хорошие!). Между нами возникла обоим нам нравившаяся эпиграмматическая перепалка. Начал её я:

Близка и вправду к гибели планета:
Не может же она существовать,
Когда такие женщины, как эта,
Нас учат не любить, а убивать!

Е.С. не любила эпиграмм с трафаретом и с сахаром, и, хоть в моей эпиграмме сахарок был (когда такие женщины, как эта!), он был смешан с довольно жгучим перчиком (нас учат не любить, а убивать). Мне кажется, что именно с этой эпиграммы у нас и установились дружеские отношения.

На эту эпиграмму Е.С. ответила тоже смесью сахара с перцем. Поводом для контрудара явилась моя двойка на экзамене по теории вероятностей, которую я получил от одного из сотрудников кафедры, мало любимого как преподавателями, так и слушателями за свою крайнюю недоброжелательность, по-моему, – ко всем. Этой недоброжелательности он не скрывал от окружающих и на том экзамене, в том числе и от слушателя, по фамилии Хмара-Миронов. Опрометчиво привыкший к участливому отношению к себе, я, под сверлящим взглядом экзаменатора был совершенно парализован и «хмарально», и физически. За свой ответ на экзаменационный вопрос сам себе я бы поставил единицу. Но получил, тем не менее, двойку!

На следующий день в зал курсового проектирования, где я что-то там выполнял, зашла Елена Сергеевна, вызвала меня в коридор и сказала: Ну, Хмара, теперь я хочу Вас испытать на чувство юмора! Разрешаете?» Я разрешил. Эпиграмма была такая:

В ком брызжет фонтан вдохновенного дара?
Наверное, то – не Миронов, а Хмара!
Кто тонкий ценитель научных законов?
Наверное, это не Хмара – Миронов!

Я был на седьмом небе, несмотря на перец.

Кстати, аналогичный случай на том же экзамене произошел с моим однокурсником Маратом Рогульченко, который сдавал экзамен Елене Сергеевне. Он хорошо знал предмет, но в волнении перед любимым профессором как следует «поплыл», отвечая на

экзаменационный вопрос. Добить его, как это сделал мой экзаменатор со мной, не стоило ни малейшего труда. Но как экзаменатор Вентцель не имела склонности к академическому садизму, но, наоборот, умела сеять доброту. Отлично просчитав ситуацию, она спросила «пловца»: - А как бы Вы сами оценили свой ответ? Не сомневаясь ни мгновения в своей правоте, слушатель сказал, что ответил он на четвёрку, но знал – на пять. В зачётку тут же была поставлена пятёрка, а ошарашенный Рогунченко уже в течение пятидесяти лет считает поступок Елены Сергеевны причиной всех своих добрых дел, которые он совершил в жизни после этого эпизода.

Надо сказать, что курс наш был влюблён в эту умную, добрую, благородную, красивую женщину, которая не только обучала нас наукам, но, терпеливо лепила нас «по образу и духу своему», в чем во многом преуспела и закрепила в нас любовь к себе навсегда.

Но Е.С. была доброй далеко не ко всем! Одного из руководителей, который однажды не отпустил с работы к тяжелобольной жене своего подчинённого, и жена умерла, не простившись с мужем, Елена Сергеевна ненавидела и в моём присутствии назвала его словом очень далёким от нормативной лексики, что в отдельных случаях умела делать мастерски.

Остроумием (то есть умением смешить других) и чувством юмора (то есть умением видеть себя со стороны в смешном свете) Елена Сергеевна обладала в полной мере. На её вполне серьёзных научных лекциях смех раздавался не реже, чем на выступлениях «Клуба 12 стульев» «Литературной газеты», в котором я двадцать пять с половиной лет проработал после завершения своей инженерной карьеры. Смехом она прогоняла усталость слушателей и возвращала их к полноценному восприятию учебного материала.

Однажды, говоря о вероятности очень маловероятного события, она попросила слушателей нашего курса представить себе, что вместо них в аудитории сидит сто обезьян со ста пишущими машинками перед ними. Каждая обезьяна произвольно тычет пальцами в клавиатуру своей машинки. Так вот, вероятность того, что обезьяны к исходу дня напечатают Большую советскую энциклопедию, равна вероятности того маловероятного события, о котором она говорила. Никогда, даже на концертах Райкина, я не слышал такого смеха, как на этой лекции! Лишь один слушатель, обиженный сравнением нас с обезьянами, проворчал: «Остряк-самоучка». Поскольку в то время ещё не умел видеть себя со стороны в смешном свете. Потом, впрочем, научился и раскаялся в своей угрюмости.

Елена Сергеевна знала закон релаксации, хотя к теории вероятностей он отношения не имел.

Кстати, когда я случайно узнал о том, что автором шутки с обезьянами был Норберт Винер, только печатали обезьяны у него не Большую советскую, а Британскую энциклопедию, я не вытерпел и намекнул Елене Сергеевне о своём этом знании. Она рассмеялась и сказала, что не претендует на авторство, но наш внезапно ставший засыпать курс нужно было разбудить любой ценой. Выбирать метод побудки не было времени: курс угрожал заснуть вечным сном!

Елена Сергеевна вела у нас курс теории вероятностей и теории эффективности, который сама и разработала. По этому поводу я написал такую эпигramму:

Шаржи её не содержат приятности,
Книги её – лишены примитивности.
Очень эффектна она в вероятности
И, вероятно, сильна в эффективности.

Реакция на этот опус была сдержанной: – Вы здесь неплохо поиграли словами, но желчи не доложили. А эпиграмма должна быть кусачей! Раздосадованный, я на следующий день показал ей более кусачую эпигramму:

Чистосердечно говоря,
Она бы ярче всех блистала,
Когда б раз в десять букву «Я»
В речах пореже применяла!

– Вот это другое дело, – сказала она, но мне показалось, что эпигramмы в свой адрес, совершенно лишённые сахара – не совсем в её вкусе.

Мои эпигramмы Елене Сергеевне нравились. Например, такая:

АКАДЕМИКУ БРУЕВИЧУ, АВТОРУ ТЕОРИИ ОШИБОК

Никто успешнее вояжа
В научный мир не совершал:
Бруевич на ошибках даже
Нажил научный капитал!

Или такая:

НАЧАЛЬНИКУ КАФЕДРЫ БОМБОДЕРЖАТЕЛЕЙ ГЕНЕРАЛУ БУХАЛЁВУ:

Пытаясь мамонта родить,
Мышь испытала б меньше муку,
Чем он, пытаясь протащить
Бомбодержатели в науку!

Смеялась и спрашивала: Ну откуда же, Хмара, Вы об этом знаете: Вы же не рожали!

Писать эпиграммы без сахара она умела очень хорошо. Даже на друзей. Однажды на её острый язык попался один из наших докторов, И.Е. Цибулевский, к которому она очень хорошо относилась как к человеку и как к учёному, но иронически как к заядлому яхтсмену:

Свои кораблики по луже
Пускает он не первый год!
Науке с этого не хуже:
Наука всё переживёт!

И.Е. Цибулевский очень обиделся! И в «ЭРЭСЕ» было опубликовано объявление с просьбой к нашедшему потерянное чувство юмора вернуть его на соответствующую кафедру. Тем не менее, дружба между Цибулевским и Еленой Сергеевной из-за этого инцидента не пострадала.

А вот ещё одна эпиграмма на меня. Елена Сергеевна всегда жалела яда в таких эпиграммах и приправляла их нейтрализующими яд приправами, что меня, естественно, всегда трогало:

Хоть в карьеру инженера
Он вложил усилий в меру,
Поэтического дара
Не зароет в землю Хмара!

Когда мы показывали друг другу свои стихотворные опусы, Елена Сергеевна, довольно часто делала мне замечания, отмечая неточную рифму, тяжеловатость фразы и т.д. И я набирался наглости поступать так же. В результате, в одной подаренной мне книге появилась надпись: «Павлу Хмаре, ученику и учителю». Я понял, что эта никак мной не заслуженная надпись была просто необыкновенно щедрым бесценным дружеским подарком. Я спросил: не откажется ли она когда-нибудь от написанного? И получил уверения в том, что не откажется никогда. К сожалению, этот почетный дар затерялся где-то в моём книжном хаосе и я не буду иметь возможности им пользоваться, пока книга не перестанет от меня прятаться.

А вот – ещё одна эпиграмма, которую я написал на Елену Сергеевну, как раз в это время только что опубликовавшую в «Новом мире» свою повесть «Дамский мастер». Эпиграмма, напечатанная в «Московском комсомольце», была сахарной, но претензий по её поводу ко мне не было:

Ей Гаусс – брат и сам Твардовский – друг!
Она живёт, как в собственной квартире
В научном мире – доктором наук
И дамской мастерицей – в «Новом мире».

Эпиграмма, кстати, сначала была опубликована в ЭРЭСЕ с шаржем Михаила Герштейна.

ЭРЭС у нас играл роль очень популярного, доброго факультетского капустника. В дни появления нового номера к нему было трудно подступить: читателей было, хоть отбавляй. Почитать его и посмотреть смешные картинки приходили со всех факультетов. Каждый номер состоял из блестящих дружеских шаржей талантливого, ценимого самими Кукрыниксами, художника Михаила Герштейна. Шаржи были не только очень похожими и остроумными, но и отражали сущность шаржируемых, род их деятельности, словом, были не только смешными, но и остро наблюдательными нашими зеркалами. Было много эпиграмм (в том числе и Елены Сергеевны, конечно), стихов и разных разностей на местные темы.

И здесь была совершена трагическая ошибка. Альманах послали в верха, чтобы и они отведали всеобщей радости и ласково погладили создателей по головке. То ли в главпур, то ли ещё куда.

Поскольку альманах в целом был весёлым и безобидным – ждали только хорошей реакции. Но, как говорил один старшина: – На каждом образцовом солдате на двадцать-то суток строгого ареста недостатков я всегда найду!

Нашли! В глаза бросился шарж на начальника факультета, генерала Славинского. Персонаж, одетый в строгую кожаную лётную куртку сидёл в лётном кресле перед штурвалом самолета и державно направлял его на нужный курс. Такой рисунок в те времена можно было сделать только о первом лице государства, а уж никак не о рядовом генерале, начальнике факультета военной академии!

И тогда разразился грандиознейший скандал. Альманах был признан идейно порочным. Партком факультета, вынужденный прислушиваться больше не к своим впечатлениям, а к указаниям свыше, принял решение уничтожить альманах. Владельцам его, которые, вроде меня, по разным причинам стали уже недоступны парткому, были разосланы письма с требованием возвратить альманахи. Каждому из бывших владельцев были возвращены 6 рублей, за которые альманах был ими куплен. Мне эти деньги были присланы почтой. Я их почтой же возвратил, а книгу оставил себе.

После возврата опальных альманахов они были собраны в одну кучу и сожжены. Этого современного аутодафе мне не удалось увидеть: я в это время уже окончил академию и работал в отдалённом от академии месте, но и опосредованно был потрясён: ведь наш любимый ЭРЭС стал последней книгой на Руси, подвергнутой средневековому сожжению!

Михаил Герштейн не перенёс испытаний. Через несколько лет он умер. Говорят, что перед смертью он сошел с ума.

УВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ
Хмара-Миронов П.Ф.!

Просим Вас в кратчайший срок вернуть по адресу:
Москва А-167, ул. Серегина, 3/5, 2 факультет, партком
альбом "Улыбнитесь" / 1 экз./, который в соответствии
с решением парткома подлежит уничтожению.

Одновременно с этим письмом высылаем Вам 6 руб.,
уплаченные Вами за 1 экз. альбома.

СЕКРЕТАРЬ ПАРТИЙНОГО КОМИТЕТА
2-го ФАКУЛЬТЕТА
" // " *м.г.б.* апреля 1970 г. *В.И.* /ПОЛОВИННО/

Д.А. Вентцель (1949)

Е.С. Вентцель (1959)

Шаржи М. Герштейна

В это время цепные псы главпура уже крепко вцепились своими клыками в писателя И. Грекову.

Вообще – когда профессор Е.С. Вентцель неожиданно для всех стала еще и популярным автором «Нового мира» А.Т. Твардовского И. Грековой, произведения которой были переведены на семнадцать языков, эта метаморфоза была встречена ликованием многих, но далеко не всех. Жизнь писательницы И. Грековой и профессора Е.С. ВЕНТЦЕЛЬ в связи с публикацией её рассказов и повестей «За проходной», «Дамский мастер», «Скрипка Ротшильда», «Хозяйка гостиницы», «Фазан», «Кафедра», «Маленький Гарусов», «Летом в городе», «Под фонарём», «Хозяева жизни», и других, которые раздражали главпур, сильно осложнилась. Но особенно – взбеленила его повесть «На испытаниях», без прикрас изображавшая жизнь одного из армейских полигонов во время испытаний, в которых принимала участие героиня, во многих чертах списанная И. Грековой с Елены Сергеевны Вентцель.

Поскольку произведения писательницы не укладывались в прокрустово ложе соцреализма, а были ближе к реализму критическому, последователи отца стандартизации Прокруста (и еще очень памятного отца народов) принялись за вытяжку и обрубание. В газетах и журналах появились инициированные службами, охраняющими узаконенный творческий метод, оскорбительные статьи с названиями типа «Проза с запахом», «По эту сторону от проходной», «Где же настоящие герои» и др. Публикации тормозились во всех возможных случаях. Активизировались нападки на беспартийную Елену Сергеевну со стороны политотдела, от которого не отставала и администрация академии.

И.Б. Погожев

И.Е. Цибулевский

В.И. Мудров

П. Ф. Хмара

На вечере памяти А. Галича

И. Грекова и Фазиль Искандер на вечере памяти А. Галича

Задумано было организовать обсуждение повести в академии. Но Елена Сергеевна твёрдо от этого отказалась, сказав, что в академии работает профессор Е. Вентцель, а писателя И. Грекову нужно искать в союзе писателей. Явившаяся на обсуждение в Союз писателей боевая группа политработников из академии потерпела блистательное поражение поскольку ей противостояли не только прогрессивная часть писателей, но и другая группа военных, энергично поддерживавшая И. Грекову.

Тем не менее, в результате успешных атак превосходящих сил противника Елена Сергеевна решила уйти из академии им. Жуковского, в которой проработала более тридцати лет и завоевала репутацию легендарного преподавателя. Но ушла она не просто, а с блеском пройдя через профессорский конкурс, устроенный администрацией специально для неё. После этого она написала заявление об увольнении и ушла из академии с высоко поднятой головой, хотя многие друзья уговаривали её остаться. Им она отвечала, что больше не может дышать этим воздухом даже вместе с ними.

Репутацию легендарного писателя Елена Сергеевна обрела тоже, работая в академии. Хотя в то время ещё никто, кроме близких друзей, не читал один из её лучших романов «Свежо предание», осуждающий государственный антисемитизм тех времён. Когда я читал его в 1964 году, он мне понравился больше, чем аналогичные романы Фейхтвангера, хотя бы потому, что «Свежо предание» было написано русским автором. Недавно я убедился в том, что был не одинок в таком взгляде на роман.

В своё время «Свежо предание» не смог опубликовать даже Твардовский. Роман увидел свет только в 1997 году, больше, чем через тридцать лет после его создания! Как пел близкий друг Е.С. Александр Галич – «А взрослому мне не нужен взрослый велосипед»!

После того, как я окончил академию, встречи наши сильно поредели, но не прекратились. То Елена Сергеевна звала меня на празднование какого-то факультетского торжества, куда допускались в основном, преподаватели, то приглашала взглянуть на свою новорождённую внучку, то знакомила меня с очень симпатичными сыном Мишей и невесткой Ритой и давала мне вволю похвастаться моим путешествием на Камчатку в Долину гейзеров. Словом, я вошёл в её окружение, чему был несказанно рад.

Один раз мы обедали в ЦДЛ, и она спросила меня: – Хмара, когда Вы будете выглядеть на свой возраст? (Я по непонятным мне причинам довольно долго выглядел лет на десять моложе положенного). Решив пошутить, я ответил, что очень поздно стал развиваться интеллектуально, и интеллект ещё не успел наложить на меня свой отпечаток.

– Вы знаете, это и сейчас заметно! – был молниеносный улыбчивый и совсем необидный ответ.

Но в основном, общение наше стало телефонным. Звонила обычно она: мне было трудно начинать, да и продолжать разговор по причине мощного комплекса неполноценности, который я испытывал в таких случаях. Проще говоря, я в разговоре с ней чувствовал себя полным дураком! К моему удивлению, из её слов я выяснил, что и у неё был человек, в разговоре с которым она чувствовала себя также некомфортно. Это был тот самый Цибулевский, про кораблики которого она писала в своей эпиграмме. Мне было слышать про это странно: с руководителем моего дипломного проектирования И.Е. Цибулевским у меня отношения были совершенно неотягощённые никакими комплексами.

Когда разговор с Еленой Сергеевной начинался, ей удавалось меня разговорить, а мне – что-то сказать из того, что ей было не противно слушать.

Позвонил один раз я, когда хотел узнать: дошла ли до неё моя книжка, посланная по почте. Подошла к телефону Рита и сказала, что Елена Сергеевна больна и не сможет подойти к телефону. А книжка дошла, и передана по назначению.

В последний раз я увидел Елену Сергеевну уже неживой, когда пришел «слезу пролить над скорбной урной».

Память о Елене Сергеевне Вентцель – одна из самых дорогих в моей жизни.

В. И. Адамышев

полковника, к.т.н.

Слушатель ВВИА с 1941 г. по 1944 г.

Судьба свела с Еленой Сергеевной Вентцель меня и моих однокашников по мехмату и физфаку МГУ, а также физматов многих других городов осенью 1941 года. В августе правительством было принято решение о направлении студентов наборов 1937 и 1938 годов в ВУЗы Наркомата обороны для прохождения краткосрочной подготовки. Так мы оказались в Свердловске, куда была эвакуирована Академия им. Н. Е. Жуковского. Около 200 человек из нас были определены на факультет авиавооружения.

На первом построении было объявлено, что ускоренное обучение – изучение оснований устройства и проектирования средств авиавооружения, внутренней и внешней баллистики, теории вероятностей, теории воздушной стрельбы и бомбометания – рассчитано на один год, после чего мы будем назначены в действующие части на должность инженера полка по вооружению.

Лекции по теории вероятностей читал начальник кафедры Воздушной стрельбы профессор В. С. Пугачев, а практические занятия вела Е. С. Вентцель.

К началу первого занятия в дверях аудитории появилась миловидная женщина лет тридцати в строгом сером костюме. Вообще-то, студентов трудно было удивить появлением женщины на высоком преподавательском посту; достаточно сказать, что в МГУ основополагающий курс математического анализа читала Нина Карловна Бари. Но Е. С. тогда на фоне казарменной обстановки, “кирзачей” и обмоток, застированного хаки казалась нам существом из другого мира, рухнувшего воскресным июньским днем.

Занятие началось без раскочки – ознакомление со слушателями Е. С. совместила с решением задачи (насколько я помню, это была простенькая задача на применение теоремы Байеса). Первому, вызванному по алфавитному списку, было предложено сформировать исходные данные, следующему – сделать первый шаг в решении и т.д. К концу занятия без внимания не остался ни один из тридцати человек. На дальнейших занятиях система совершенствовалась в том смысле, что наибольшее внимание Е. С. уделяла менее преуспевающим слушателям, остальные же получали для самостоятельной работы более сложные задания.

Вообще, методистом Е. С. была отменным. Вся обстановка на ее занятиях была подчинена одной цели – плодотворному усвоению материала. Этой главной цели способствовало все – ровный спокойный голос, бесконечно терпеливое растолковывание сложностей тем, кто в этом нуждался, своевременное использование шутки (никогда не

переходившее в насмешку), безупречный внешний вид (легко себе представить, чего это стоило в условиях эвакуации). Знакомством с логарифмической линейкой большинство из нас также обязано Е. С.

Обучение затянулось – первоначальный срок превратился сначала в два, а затем и в три года. Причина стала ясна, когда в сентябре 1944 года мы, группа выпускников Академии, прибыли в район Каунаса, где располагался отдел кадров Первой воздушной армии. ...На фронте нас не ждали.

После войны я еще два года прослужил в строевой части, а в 1947 году получил назначение в НИИ ВВС. В пятидесятых-шестидесятых годах мы встречались с Е. С., в основном, в Академии, а также на полигоне НИП-4 в знаменитой Владимировке (ныне г. Ахтубинск). Е. С. активно и весьма плодотворно участвовала в работе комплексной бригады, проводившей на базе НИП-4 обширный эксперимент в области законов поражения воздушных целей.

В шестидесятые-семидесятые годы регулярно встречались на заседаниях Ученого совета ЦНИИ ВВС, постоянным членом которого была Е. С.

...Нельзя не упомянуть о своеобразном заочном творческом общении. Я имею в виду написанный Еленой Сергеевной в пятидесятых годах толковый учебник по теории вероятностей, являвшийся настольной книгой практически каждого специалиста-вооруженца (равно, как и написанное в соавторстве с супругом профессором Д. А. Вентцелем учебное пособие по факультативному курсу приближенных вычислений).

С. Н. Самохвалов

полковник, слушатель ВВИА с 1948 по 1954 г.

Это было уже на третьем или четвертом курсе. У нас начала читать теорию вероятностей дама уже в годах (нам – молодым так казалось), но живая и обаятельная. Это была Елена Сергеевна Вентцель. К этому времени мы уже знали многих преподавателей, их манеру преподавать, но Елена Сергеевна поразила нас всех методикой преподавания. Изучение и применение на практике теории вероятностей требуют не только знания ее законов и правил, но и в большей мере, чем другие дисциплины, способности логично мыслить. И этому она уделяла много времени и на лекциях, и на практических занятиях. Даже на экзаменах она позволяла слушателям пользоваться учебником, поскольку, следя за ходом рассуждений, она всегда могла определить глубину знаний слушателя.

После окончания Академии я был оставлен работать на одной из кафедр. Мне как-то было поручено написать главу научно-исследовательского отчета по материалам исследования одного из диссертантов, о котором мне было известно, что диссертацию он не защитил.

Обнаружив в этой работе ряд несуразностей, я обратился за разъяснениями к Елене Сергеевне, поскольку ее имя как научного руководителя значилось на титульном листе диссертации. Она встретила меня буквально “в штyki”: “Вы в состоянии разобраться сами, а мне не напоминайте ни этой работы, ни имени ее исполнителя, я не хочу о нем слышать!” В этом была вся она с ее нетерпимостью к дилетантству, к небрежности в научной работе. Мне приходилось присутствовать на заседаниях кафедры, когда обсуждались постановки новых НИР, этапов и результатов их выполнения. И меня всегда поражали ясность и четкость ее выступлений, способность лучше других увидеть ошибки, умение выделить главные и определить необходимые дополнительные пути исследований. И хотя Елена Сергеевна была на кафедре единственным гражданским преподавателем, она, на мой взгляд, обладала непререкаемым авторитетом. Иногда Елена Сергеевна сравнительно подолгу отсутствовала на работе. Как мне стало потом известно, она, по указанию высшего командования, работала на полигонах, разрабатывала методики расчета боевой эффективности, законы поражения воздушных целей и т.п.

Кроме того, она неоднократно проводила научные конференции для работников НИИ и практиков Министерства обороны по теории вероятности, по методикам расчета боевой эффективности, по исследованию боевых операций. Все это свидетельствовало о ее значимости в этих областях науки.

Елена Сергеевна была “мучителем” адъюнктов, в диссертационных работах которых имелись разделы с использованием теории вероятностей. В процессе подготовки адъюнктов она давала для решения сложные задачи, а когда они приходили к ней с полученными решениями и с сознанием исполненного долга, она заявляла им, что это только начало и давала еще более трудные задачи. Такая практика приводила к тому, что из этих адъюнктов получались хорошие научные работники.

Елена Сергеевна всегда вела себя нелюбезно при критике недостатков и ошибок в работе, при выступлениях на защитах диссертаций (она была членом факультетского и академического ученых советов) Так, выступая на защите докторской диссертации, она по поводу отзыва одного из высоких представителей ВВС заявила, что он со своим отзывом “сел в лужу”.

Елене Сергеевне в работе помогал и природный юмор. Однажды сподвижник ее по работе В. Б. Соколовский, срочно уезжая в командировку, поручил мне отпечатать

написанное им письмо в Центр авиационных испытаний и подписать это письмо у заместителя начальника Академии. Когда я пришел к последнему, он прочитал письмо, возвратил его мне и пообещал дать взыскание, если я еще раз приду к нему с неграмотным документом. Мы не знали, что делать. Выручила Елена Сергеевна. Встретив заместителя начальника Академии, она спросила у него, в какой части письма искать ошибку, поскольку кафедра в поисках этой ошибки уже три дня не работает...

В.В.Брыскин

капитана первого ранга, к.т.н.

Из воспоминаний “И ЕЩЕ ТРЕТЬ ВЕКА”

...Я только спустя множество лет начинаю осознавать как много для моей жизненной «траектории» значили и значат многие замечательные люди, рядом с которыми довелось работать в Академгородке. я назову трёх своих кумиров в новом для меня “кибернетическом” сообществе – это Алексей Андреевич Ляпунов, Игорь Андреевич Полетаев и Иван Борисович Погожев...

...Иван Борисович на Войне уцелел и после её окончания попал на учёбу в Артиллерийскую академию.

В академии Иван Борисович познакомился с преподавателем, а затем и профессором А.А.Ляпуновым. Будущему «деду российской кибернетики» было в это время всего тридцать шесть лет, а усы он носил по распространённой тогда привычке бывших фронтовиков. В непринуждённой атмосфере домашних диспутов (официально кибернетика была объявлена буржуазной лженаукой), вместе с И.А.Полетаевым, Н.П.Бусленко, С.Я.Вилениным, С.В.Яблонским, М.Д.Кисликом, А.И.Китовым, Р.И.Подловченко и другими будущими знаменитостями научного и военно-научного мира обсуждались идеи Винера и многое другое, что стало впоследствии носить имена тогда мало кому известных спорщиков. А на Ивана Борисовича я смотрел как на необычайного и полномочного посла этой невидимой, но весьма уважаемой державы.

Запомнилось, как «посол» подарил мне однажды книжку «Нового мира» с личной надписью автора повести “На испытаниях” И.Грековой. Так Елена Сергеевна Вентцель стала для меня не только источником доступных знаний по теории вероятностей, но и одним из любимых и уважаемых писателей-“шестидесятников”, которые помогли устоять нашему поколению в не совсем здоровой атмосфере так называемого “застоя”.

И ещё из повести Елены Сергеевны я впервые узнал о жизни и делах Дмитрия Александровича Вентцеля (простите – генерала Сиверса). Перед тем, как писать эти

строки, я нарочно заглянул в тома Советской энциклопедии, Вентцель с такими инициалами там не упоминается. А ведь он, по оценке многих людей, – предтеча отечественного системного анализа и исследования операций в военном деле. И не зная таких людей, мы, действительно, можем превратиться в Иванов, не помнящих родства.

Не думаю, что верительные грамоты, которые вручают официальные послы, имеют похожее значение для получающих эти бумаги президентов...

В.И. Цымбал

полковник, д.т.н.

Из книги “СКВОЗЬ ПРОЗУ БУДНЕЙ”

... Кстати, правомочен вопрос: не запоздал ли я в этой жизни с выходом на публику?

Но вспоминая в качестве примера замечательнейшую женщину – доктора технических наук Елену Сергеевну Вентцель, отвечаю: нет!

... Лично меня в свое время Елена Сергеевна воодушевила, причем во многих смыслах. 30 декабря 1965 года я защищал кандидатскую диссертацию. Такой выбор даты защиты был крайне неудобен для всех. Причина была, можно сказать, анекдотической, но, по тем временам и политическим реалиям, непреодолимой. Заканчивался не только отчетный год, но и “пятилетка”. И от моей защиты зависело (так получилось), будет ли выполнен план Военно-воздушных Сил СССР по показателю количества подготовленных диссертаций...

Мне упираться было бессмысленно. Члены диссертационного совета собрались без желания. Сама защита началась с задержкой из-за того, что я и другие участники заседания, ехавшие на него в Москву из подмосковного Чкаловского военного городка, попали в автомобильную пробку.

После моего доклада посыпались острые вопросы маститых членов совета, в том числе и Елены Сергеевны. А у меня волнение пропало еще в пробке. И я на все вопросы находил не только точные, но и краткие ответы. За это меня позже похвалил мой научный руководитель. Когда я ответил на последний вопрос Елены Сергеевны, и следующим прозвучал вопрос профессора Худякова Ивана Васильевича – она вдруг оборвала его: “Иван, ты что не слышал, как этот парень мне отвечал? Тебе, что не все еще ясно?” И далее обратилась уже ко мне с какими-то ободряющими, теплыми словами. Мне очень жаль, что я их не запомнил.

Не буквально, конечно, и не догматически, но все последующие годы моей жизни я следовал примеру и напутствию уважаемого мной человека, стараясь при этом сочетать рутину со спасительной выдумкой...

Б.И. Козлов

Профессор АГС при Президенте РФ, д.ф.н., к.т.н.

По книгам Елены Сергеевны я осваивал после ухода на гражданку теорию вероятностей, методы исследования операций. Под влиянием ее трудов вышел на идеи, положенные в основу кандидатской диссертации "Оценка технической эффективности систем контроля и измерения параметров физических полей АПЛ на этапе их проектирования". Восхищался и восхищаюсь ее беллетристикой... Вечная память удивительному таланту Земли Русской – Елене Сергеевне.

Н.В. Лапцевич

Капитан второго ранга, сотрудник военно-морского НИИ

...Я бы к трём ее талантам, отмеченным у Ивана Борисовича, добавил еще несомненных два: Женщина и Гражданин. Завидую белой завистью тем, кому посчастливилось ее знать, и вдвойне тем, кого она удостаивала своим вниманием

О ЕЛЕНЕ СЕРГЕЕВНЕ

Я счастлив тем, что в молодом возрасте, между 19 и 34 годами, в очень важный период формирования и расцвета человеческой личности, мне повезло довольно много общаться с Еленой Сергеевной. Елена Сергеевна была выдающейся личностью во многих отношениях. Она была человеком невероятных душевных и моральных качеств, интеллекта, таланта, культуры, работоспособности и самодисциплины. Ещё при жизни её имя стало легендарным, и мне доводилось слышать от разных людей множество историй, связанных с ней, большая часть которых была либо выдумкой, либо искаженной реальностью. Поэтому в этих заметках я постараюсь ограничиться только личными воспоминаниями о Елене Сергеевне, которые относятся к периоду между 1973 и 1988 годами. Добавлю только, что я всегда думал о Елене Сергеевне как о человеке выдающихся достижений в трёх сферах деятельности: она родила и воспитала трёх прекрасных детей, была выдающимся учёным и педагогом-математиком и замечательным писателем.

Моё знакомство с Еленой Сергеевной началось с работы в СКБ – Студенческом Консультационном Бюро. Это была созданная Еленой Сергеевной уникальная научно-техническая организация, работавшая при кафедре «Прикладная математика» Московского института инженеров железнодорожного транспорта (МИИТ) на общественных началах.

Большое количество инженеров, практиков и преподавателей со всей страны приезжали к Елене Сергеевне на консультации. У неё был уникальный дар быстрого и глубокого понимания прикладных задач. Она выслушивала визитёров, быстро понимала суть задач, формулировала математические проблемы и намечала методы их исследования. В редких случаях такие консультации приводили к задачам, представляющим интерес для неё и её учеников. Иногда были и странные визитёры. Например, один человек приходил с изложением стратегии, как выиграть в спортлото – была такая лотерея.

Особенностью было то, что Елена Сергеевна проводила консультации в присутствии студентов, которые таким образом у неё учились работать над практическими задачами.

Это был уникальный учебный процесс. Некоторые студенты работали в СКБ по несколько лет и со временем становились серьёзными исследователями.

Каждый студент начинал с того, что слушал, как Елена Сергеевна беседовала с посетителем. Когда консультация заканчивалась, она давала студентам свои комментарии, объясняла профессиональные тонкости, указывала ссылки на литературу и выслушивала мнения студентов. Через некоторое время студент уже мог сам проводить консультации, и в разных концах аудитории беседовали две-три группы, состоящие из консультируемых и консультантов. Елена Сергеевна вела одну из консультаций, а другие консультации вели студенты. Например, где-то к четвёртому курсу я уже мог проинтервьюировать посетителя, составить модель и определить метод решения. После этого всё докладывалось Елене Сергеевне в присутствии консультируемого, и консультации либо продолжалась уже с ней, либо заканчивалась – смотря по обстоятельствам.

Я должен сказать, что Елена Сергеевна всегда очень тепло ко мне относилась. Изначальная причина такого отношения состояла в том, что мой старший брат Миша был её учеником. Елена Сергеевна была руководителем его кандидатской диссертации. Добавлю, что на многих книгах, которые она ему дарила, Елена Сергеевна писала «любимому ученику». Моим руководителем по основной научной работе был профессор Александр Адольфович Юшкевич. Елена Сергеевна называла меня своим «побочным учеником».

Как и все участники СКБ, я необычайно многому научился у Елены Сергеевны. Этот опыт мне пригодился как во время работы в МИИТе над различными проектами, так и потом. Например, в начале моей работы в университете Стони Брук в Нью-Йорке местная электрическая и газовая компания объявила конкурс на научно-исследовательские проекты, которые могут ей быть полезны. Участники конкурса должны были прослушать доклады руководства компании, встретиться и побеседовать с её работниками, понять задачи, сформулировать их и составить план работ. Я этот конкурс выиграл и работаю с этой компанией уже более 10 лет.

Елена Сергеевна очень нежно относилась к своим ученикам и боролась за них, включая и меня, побочного, когда это было нужно. Я вспоминаю такой эпизод. Во время работы в СКБ, Елена Сергеевна беседовала с визитёром, а я сидел напротив неё. Вдруг лицо Елены Сергеевны озарилось широкой улыбкой, как будто она увидела кого-то родного. Она сказала: «Здравствуй, Лёничка». Я обернулся и увидел Лёню Богуславского, ученика Елены Сергеевны, работавшего в ИПУ (Институт Проблем Управления). Лёня тоже широко улыбнулся Елене Сергеевне.

Елена Сергеевна сыграла решающую роль в трёх ключевых событиях моей жизни: публикации первой статьи, распределению в МИИТ и защите кандидатской диссертации. Со статьей была следующая история. Начиная с третьего курса, я начал заниматься научной работой с Александром Адольфовичем Юшкевичем. Я получил кое-какие результаты, которые докладывал весной на студенческой научной конференции. Елена Сергеевна была на докладе. В конце доклада она задала вопрос, но не мне, а Александру Адольфовичу: «Где Вы планируете опубликовать эту работу?» Тот ответил, что мы это с ним ещё не обсуждали, но он, несомненно, готов порекомендовать статью в кафедральный сборник. Елена Сергеевна сказала: «Эта статья должна быть послана в «Теорию вероятностей и её применения». Немедленно после доклада Александр Адольфович сказал мне: «Женя, готовьте статью в Теорию вероятностей». Статья была принята и через полтора года опубликована. Это событие придало мне уверенность в своих силах – я был единственным автором статьи.

С распределением на кафедру «Прикладная математика» МИИТа была следующая история. Примерно за год до моего окончания МИИТа, в СКБ пришёл пожилой начальник сектора тракторного института по фамилии Левыкин. Он обрисовал следующую проблему. Трактора в СССР выпускались всё более мощными, а производительность их становилась всё хуже и хуже. У них было огромное количество данных, и он хотел заказать хоздоговорную работу, которая позволила бы их институту обосновать изменение направления в советском тракторостроении – на производство менее мощных тракторов.

Елена Сергеевна сказала, что она не имеет времени на такой проект, но наша кафедра может такую работу выполнить. После некоторых переговоров, было решено, что Александр Адольфович будет руководителем темы, я буду «ответственным исполнителем» и буду заниматься статистической обработкой данных, а Владимир Семёнович Антоненко и Виктор Григорьевич Эвентов будут обосновывать оптимальные статистические параметры факторов.

Был составлен и подписан двухлетний договор, который к моему окончанию института предусматривал ставку младшего научного сотрудника. Елена Сергеевна с самого начала сказала мне, что всё это очень хорошо, но, учитывая мою национальность, этого недостаточно, чтобы распределить меня на кафедру для выполнения этой работы. Она добавила, что одна из железнодорожных работ, которые я вёл по линии СКБ, может привести к тому, что влиятельные силы в министерстве, заинтересованные в её результатах, попросят ректора меня оставить. Так оно и получилось.

С диссертацией произошло следующее. С самого начала моей работы под руководством Александра Адольфовича, он сформулировал мне задачу, и на пятом курсе я её решил. Через год после окончания института, кандидатская диссертация и соответствующие статьи были практически готовы. Встал вопрос: где защищаться и возможно ли это вообще после значительных изменений в математическом ВАКе в начале 70-годов, когда там большое влияние получили антисемиты. Достаточно вспомнить историю Владимира Лившица, ученика нашего заведующего кафедрой, Леонида Ефимовича Садовского. В 1974 Лифшиц защитил кандидатскую диссертацию по физико-математическим наукам, которая не была утверждена ВАКом.

Елена Сергеевна показала мои статьи своему сыну, выдающемуся математику-вероятностнику, Александру Дмитриевичу Вентцелю, который работал в МГУ. Тот ответил, что всё выглядит интересно, и он посоветуется со своим коллегой по кафедре, профессором Альбертом Николаевичем Ширяевым – крупнейшим специалистом в области управляемых случайных процессов – темы моей диссертации. В результате их разговора оказалось, что Альберт Николаевич знаком с моими статьями, выразил удивление, что автор молод и не кандидат, и пригласил меня сделать доклад на своём семинаре. Если доклад пройдёт хорошо, то он, добавил Ширяев в разговоре с Вентцелем, порекомендует диссертацию к защите в Вильнюсе. Доклад действительно прошёл хорошо, Альберт Николаевич связался с литовскими коллегами, и через полтора года состоялась защита моей кандидатской диссертации.

Из рассказов Елены Сергеевны о себе, у меня сохранились воспоминания, что она родилась в интеллигентной семье. Детство её прошло в Таллинне, где она свободно говорила на двух языках: русском и немецком. Училась она в Ленинградском (тогда это был Ленинградский, но Елена Сергеевна тут же поправила себя: в Петроградском) университете.

Из математиков того времени, Елена Сергеевна с очень большим уважением говорила об Андрее Николаевиче Колмогорове. Она как-то упомянула, что он был оппонентом на защите её докторской диссертации. Елена Сергеевна также упомянула, что она опубликовала более 300 научных статей, подавляющее большинство которых в то время были закрытыми. Она никогда не рассказывала о своей научной работе в Академии Жуковского. Колмогоров, как известно, среди многих своих гениальных открытий, был ещё и основоположником вероятностной теории стрельбы.

Среди многих талантов, Елена Сергеевна была ещё и замечательным статистиком. У неё просто было какое-то необычайное чутьё на анализ реальных данных. Я в этом убедился по работе в СКБ и в последующей работе над тракторным проектом. Например,

она могла посмотреть толстый труд или прослушать доклад и очень быстро определить, что либо анализ неправилен, либо данные подтасованы. Я всю жизнь буду помнить её объяснения, когда и какими статистическими тестами надо пользоваться. До сих пор, когда я слышу, что статистические данные соответствуют гипотезе с достоверностью 99,9%, я вспоминаю её слова: это означает, что-либо данные подтасованы, либо был применён неправильный тест.

Елена Сергеевна часто напоминала, что понятие вероятности имеет смысл только в применении к задачам, где возможно повторение экспериментов, а уникальные явления не имеют вероятностей. Так, после какого-то учёного совета, где она прослушала соответствующий доклад, она мне сказала, что бессмысленно говорить о вероятности построения БАМа (Байкало-Амурской Магистрали – была такая стройка века) к такому-то времени, так как этот проект уникален. Она очень высоко ценила попытки фон Мизеса и Колмогорова построить аксиоматику теории вероятностей, основанную на определении вероятности через частоту, и сожалела, что к полному успеху такой подход не привёл.

Моё общение с Еленой Сергеевной происходило в поздний период её жизни, когда она была более активна как литератор, чем как математик и инженер. Я пишу, инженер, потому что, как я уже написал ранее на примере работы СКБ, математический талант Елены Сергеевны сочетался с необыкновенной способностью применять его к реальным задачам. Мне запомнился один эпизод, относящийся к последним годам работы Елены Сергеевны в МИИТе, когда я внезапно убедился, насколько высок был её уровень мышления с профессиональной точки зрения.

В течение нескольких лет по МИИТу ходила задача вероятностного описания передвижения поезда по участку пути. Дело в том, что если поезд едет из точки А в точку Б, то локомотивы при этом, как правило, меняются, так как каждый локомотив приписан к определённому депо. Задача состояла в следующем. Имеется участок пути, обслуживаемый одним или несколькими локомотивами. На оба конца участка прибывают поезда. Локомотивы перевозят поезда с одного конца на другой и обратно. Если локомотив приезжает, а встречного поезда нет, он ждёт прибытия этого поезда и едет назад, когда тот приходит.

Одни люди моделировали эту задачу на ЭВМ, другие пытались решить аналитически. Я был ответственным за выпуск кафедрального сборника научных трудов, когда один студент принёс статью с формулой для среднего числа поездов, ожидающих отправления. Хотя эта статья получила чью-то положительную рецензию, она мне не понравилась, так как эта формула занимала полстраницы.

Я задумался и через какое-то время понял, что из-за случайностей в точках прихода поездов, это среднее число равно бесконечности. Чтобы избежать огромных очередей, надо время от времени перегонять пустые локомотивы. Я спросил знакомого железнодорожника, и тот подтвердил, что они так и делают. Мне всё это показалось интересным, и я решил рассказать об этой задаче Елене Сергеевне. В самом начале рассказа, она мне ответила: «Я об этой задаче думала несколько лет назад и, по-моему, даже написала отчет». Разговор был на кафедре. Елена Сергеевна порылась в шкафу и протянула мне папку.

Её отчет был разработкой теории о том, когда надо перегонять пустые локомотивы. Я спросил: «А что будет, если их не перегонять?» Елена Сергеевна ответила: «Тогда будет бесконечная очередь». Я спросил: «Елена Сергеевна, а почему Вы об этом не написали в отчёте?». Ответ был: «Мне это было очевидным».

Елена Сергеевна пользовалась необычайно высоким моральным авторитетом. Само её пребывание на кафедре переводило кафедру в какое-то другое, более высокое измерение. Кафедра была очень сильной. Многолетний заведующий, Леонид Ефимович Садовский, старался набрать как можно более сильный состав. При этом он не боялся приглашать ни докторов наук, которые потенциально могли претендовать на заведование, ни талантливых людей с плохими анкетами. Таких руководителей в Москве в брежневское время было мало, а среди евреев (а Садовский им был) я просто не знаю. Взять хотя бы моего научного руководителя, Александра Адольфовича Юшкевича. Мало того, что Юшкевич был таким, так ещё его дед был тем самым философом Юшкевичем, которого Ленин поносил почти на каждой странице своего «Материализма и эмпириокритицизма». Почему-то эту ленинскую работу вся страна, от школьников и до пенсионеров, штудировала каждый год, ругая Юшкевича и Базарова. Я всё это пишу потому, что Елена Сергеевна всегда оказывала Садовскому моральную поддержку, а он, в свою очередь, всегда в важных вопросах спрашивал её мнение.

К концу работы в МИИТе Елена Сергеевна перешла на полставки и бывала в институте два раза в неделю. Я часто её провожал домой, особенно зимой, когда было скользко.

Времена наступили тяжёлые, и Садовский подолгу советовался с Еленой Сергеевной о насущных делах перед её уходом домой у себя в кабинете – так он называл участок коридора перед кафедрой. Всё это происходило на фоне того, что предыдущий многолетний ректор МИИТа, Фёдор Петрович Кочнев, стремился привлекать крупных учёных к работе в институте. Следующий ректор уже ни к чему не стремился и был

типичным представителем брежневского застоя. Тогда-то Елена Сергеевна и ушла на пенсию окончательно.

Излишне писать, что лучшие годы жизни Елены Сергеевны прошли в очень тяжёлые времена — одни войны и всевозможные чистки чего только стоили. Елена Сергеевна как-то сказала мне, что всю свою жизнь при Сталине она и её муж прекрасно понимали, кем он был. Ни в каких партиях (а тогда была только одна) Елена Сергеевна не состояла. У неё было, я бы сказал обостренное чувство любви к России. Она мне несколько раз говорила, что не могла бы себя представить в эмиграции. Жить она сознательно старалась так, чтобы, по возможности, изменить жизнь окружающих к лучшему.

Она как-то сказала мне в начале 80-х годов, что очень надеется, что я не стану спешить с эмиграцией и что, быть может, произойдёт чудо и обстановка в стране изменится.

Жизнь у Елены Сергеевны была очень нелёгкая.

В восьмидесятые годы её жизнь была омрачена тяжёлой болезнью сердца её младшего сына Михаила, приведшей к его безвременной смерти.

В последние годы работы в МИИТе интересы Елены Сергеевны всё больше склонялись в сторону литературы. Это невозможно было видеть по её поведению на кафедре — то время, что она была там, она работала как учёный и педагог. Одно за другим появлялись её новые литературные произведения. Её часто спрашивали: «Когда Вы всё это успеваете?». И она всегда отвечала: «Я не успеваю, большую часть того, что я хочу сделать, я не успеваю сделать».

Летнее время Елена Сергеевна стремилась проводить в Малеевке, в доме творчества писателей. Там ей очень хорошо работалось. Она много лет подряд подавала заявки на путёвку, и каждый раз волновалась — дадут ли? И каждый раз ей не только давали путёвку, но ещё и селили в одной и той же комнате. Я как-то отвозил её в Малеевку и был приятно обрадован, с какой любовью и уважением простые люди из обслуживающего персонала пансионата встречали её.

Я вообще должен заметить, что простые люди, особенно женщины, с которыми общалась Елена Сергеевна, просто боготворили её. Достаточно вспомнить улыбку гардеробщицы в МИИТе.

В восьмидесятые годы прошёл литературный вечер Елены Сергеевны в Доме Учёных. Большой зал был переполнен.

Как-то в начале восьмидесятых годов, Елена Сергеевна предложила мне прочитать роман «Свежо предание». Она рассказала мне, что когда писала этот роман, то надеялась,

что он будет опубликован, но хрущёвская оттепель оказалась недостаточно тёплой, чтобы опубликовать роман, события которого развиваются на фоне сталинского антисемитизма. Я был потрясён прочитанным. Как хорошо, что этот роман был опубликован ещё при жизни Елены Сергеевны.

Михаил Файнберг
ИЗ ИНТЕРВЬЮ РУССКОЙ РЕДАКЦИИ РАДИОСТАНЦИИ BBC
вскоре после выхода в свет романа И. Грековой «Свежо предание»
в 1995 году в США.

BBC: *Как бы вы охарактеризовали Грекову в науке – как ученого или как преподавателя?*

МФ: Елена Сергеевна - выдающийся преподаватель. На ее лекции ходили даже самые отъявленные лентяи, которые другие занятия не посещали.

По поводу ее математических талантов говорилось очень много. Но когда мы с ней познакомились, она преподавала в Московском институте инженеров транспорта, а ее научные работы были написаны в Академии Жуковского, и были там засекречены. Елена Сергеевна во время ее работы в МИИТе писала уже не математические статьи, а математические книги. Причем, писала она их одну за другой, и каждая сразу же становилась бестселлером. «Теория вероятностей», «Исследование операций» - все эти книги пользовались огромной популярностью в стране и переводились на иностранные языки. Это блестящие книги, и я до сих пор ими пользуюсь. Когда мне нужна справка по теории вероятностей, я обращаюсь к книгам Елены Сергеевны.

Хотя мне не довелось читать математических статей Елены Сергеевны, могу, тем не менее, утверждать, что неоднократно был свидетелем демонстрации ее яркого математического таланта. Это случалось во время презентаций работ других математиков. Елене Сергеевне всегда было достаточно нескольких минут, чтобы схватить суть любой самой сложной работы.

Из многочисленных талантов Елены Сергеевны особенно хочется упомянуть ее чувство юмора. Юмор Елены Сергеевны соответствует классическому определению: это умение иронизировать над самим собой. Никогда я не слышал шуток Елены Сергеевны по поводу других людей, а вот ее шуток в свой же собственный адрес слышал очень много. К тому же, рассказчик она превосходный. Вот одна из таких историй.

Дело было в Академии Жуковского, где на заседании кафедры ругали молодого талантливого профессора – назовем его Иванов – за то, что студенты его не понимают и в результате получают на экзаменах много двоек. Как пример приводили лекции Елены Сергеевны, где все понятно, и успеваемость у студентов высокая. После заседания Елена Сергеевна подошла к Иванову, который стоял, понурившись, в коридоре. Ей было неловко за то, что ее имя использовали для критики Иванова, и она сказала ему:

- Не расстраивайтесь. Вы человек талантливый, яркий, вам все легко дается, поэтому вам кажется, что и студенты вас должны легко понять, а они не понимают. А меня студенты понимают, потому что я сама не без труда вникаю в новый материал и мне приходится долго сидеть над лекциями, чтобы разобраться и придумать, как это рассказывать.

- Да, - говорит Иванов, не поднимая головы, – это еще Чехов заметил

- А что Чехов заметил?

- Чехов сказал, что давно замечено: чем глупее мужик, тем лучше его понимает лошадь.

ВВС: *Что было новым в книгах Грековой?*

МФ: Я думаю, что Елена Сергеевна первая принесла в литературу романтику точных наук.

Во-первых, у нее была такая возможность – она жила в гуще этих людей.

Во-вторых, другие писатели считали, видимо, что эта тема неинтересна, а Елена Сергеевна увидела ее другими глазами. Я помню, как читал «За проходной», и мне ужасно нравился этот язык. Я даже завидовал героям, которые жили своей наукой. Казалось: вот там люди не врут. Подкупало то, что хотя бы в точных науках люди говорили то, что думали, и в этом чувствовали себя свободными.

ВВС: *Какие книги Грековой вам нравятся больше всего?*

МФ: «На испытаниях», «Дамский мастер», воспоминания НН в «Кафедре» .

ВВС: *Что вы можете сказать по поводу только что вышедшего романа «Свежо предание»?*

МФ: Первый раз я читал рукопись этого романа в 1970 году, а потом еще раз перечитывал его примерно через 10 лет, то есть где-то году в 80-м. Я попросил рукопись у Елены Сергеевны, и у меня было тайное опасение, что роман мне уже не так понравится, потому что я стал старше, и какие-то собственные жизненные впечатления уже появились к тому времени. Но во второй раз роман на меня произвел такое же сильное впечатление, как и в первый. Я читал много самиздата, многое мне давала читать Елена Сергеевна, читал и ее книги, и для меня чтение такого рода было не в новинку. Но этот роман меня ошпарил своим глубоким проникновением не только в то время, но и в умы людей, в их отношения.

Поразило то, что Елена Сергеевна писала о евреях, о еврейском вопросе, не будучи сама еврейкой, причем вторгалась в болезненную для евреев область антисемитизма и делала это совершенно естественно. Это способность очень сильного писателя войти в чужую душу.

ВВС: *Была ли Грекова диссидентом?*

МФ: В обычном понимании – нет. Ни в каких инакомыслящих организациях Елена Сергеевна не состояла и публичных антисоветских заявлений не делала. Но своих взглядов не скрывала и не стеснялась говорить то, что думала. Никогда не видел, чтобы Елена Сергеевна чего-то боялась.

Когда моя семья в семидесятых годах подала заявление на эмиграцию и получила отказ, мне надо было числиться на какой-то работе, чтобы не загреметь за тунеядство. Елена Сергеевна сама предложила оформить меня своим секретарем – как член Союза писателей она имела на это право. Насколько безопасно это было? Судите сами: за восемь лет отказа меня много раз вызывали по разным поводам на допросы в разные органы – от прокуратуры до Отдела по борьбе с хищением социалистической собственности (ОБХСС). Это, не считая бесед в ОВИРе. Конечно, каждый раз начиналось с вопроса, где я работаю, и мне каждый раз приходилось называть место работы – секретарь писателя Грековой. Неоднократно товарищи из органов вслух комментировали то, что они думали по поводу моей работы и по поводу писателя. К счастью, никаких последствий для писателя не было – времена были уже не такие страшные.

Но кто же мог заранее это знать?

ДОЛГОЖДАННАЯ ВСТРЕЧА ⁵⁹

Имя И. Грековой хорошо знакомо русскому, или как теперь принято выражаться, русскоязычному читателю. С самого первого рассказа — «За проходной», — опубликованного в «Новом мире» в достославном 1962 году, это имя радостно запомнилось всем, для кого литература была воздухом жизни. Оттепель была уже на исходе, это чувствовалось, но настоящая духота еще не наступила, и все читали «Новый мир», и каждый номер обсуждался с жаром, и многое, конечно, прочитывали между строк, и ликовали по поводу того, что удалось «протащить» тому или иному автору, но и чисто художественные удачи тоже никогда не оставались незамеченными.

И. Грекову заметили сразу.

Блестящее искусство рассказа, легкий, веселый, интимный даже тон («мы ведь с вами, читатель, все понимаем!»), но притом и совершенно новый материал, так весело и непринужденно вводимый в литературный оборот. На двадцати страницах рассказано о жизни некой лаборатории номер десять — одного из всем памятных таинственных «ящичков», куда, как в святилище, не мог проникнуть непосвященный. И вот с какими словами автор вводит туда своего читателя: «В литературе дозволены условности, и я проведу вас в лабораторию номер 10, хотя вам и не выписан пропуск. Как говорили в девятнадцатом веке — пойдем со мною, любезный читатель. Я прослежу за тем, чтобы вы не увидели, чего не положено. Я буду вашим сопровождающим».

И мы так и не увидели ничего неположенного. Мы даже не узнали, чем, собственно, занимается лаборатория номер 10. Возможно — запуском спутников? Читатель шестидесятых годов мог сколько угодно догадываться об этом — но не рассчитывал, что ему все покажут. Он хорошо знал, что такое секретность.

Ну и Бог с ней, с секретностью! Главное — читатель побыл среди «таких людей»; тех самых, которые делают ракеты и перекрывают Енисей! Услышал их разговоры — те самые разговоры, которые он и его друзья вели на своих кухнях, — физики и лирики, ветка сирени в космосе, инженер Полетаев, Эренбург... И даже те читатели «Нового мира» — а их было немало! — которые смутно представляли себе, что такое бином Ньютона, почувствовали себя в этой повести равными среди равных... Эмэнэсы, с трудом отсиживавшие в скучном НИИ свои часы, снисходительно улыбались, читая, как сотрудники лаборатории номер десять борются за десятичасовой рабочий день! Что вы

⁵⁹ Послесловие к первой публикации романа «Свежо предание».

хотите! Элита! А все-таки похоже, *как у нас на работе, и даже шутки те же*. О тряпках, правда, не разговаривают — так и женщин там всего ничего, только две... А главное, все веселые! И автор — веселый человек.

И. Грекова — это псевдоним Елены Сергеевны Вентцель. Дочь известного в Петербурге учителя математики Сергея Федоровича Долгинцева, Елена Сергеевна и сама стала математиком, профессором в Академии им. Жуковского, автором знаменитого учебника по теории вероятностей. И псевдоним ее следовало понимать как математическую шутку: если убрать точку после «И», получается «Игрекова».

Следующий ее рассказ — «Дамский мастер» — появился через год в том же «Новом мире» и закрепил ее литературный успех. Она продолжала преподавать в Академии Жуковского, совмещая эту работу с литературным трудом. В 1966-м году выходит ее первая книжка «Под фонарем», куда вошли и «За проходной», и «Дамский мастер», и еще три рассказа.

Не вошел туда рассказ «Хозяева жизни», написанный еще в 1960 году. Это был рассказ-монолог человека, отсидевшего срок, скрывавшегося под чужой фамилией, словом — не палубного даже, а трюмного пассажира на корабле Советской державы. И. Грекова вовсе не собиралась хранить этот рассказ в столе — оттепель ведь! После успеха «За проходной» она искренне надеялась его напечатать. «Но даже Твардовский сказал, что печатать невозможно», — вспоминала она впоследствии. Рассказ лег в ящик стола и стал дожидаться лучших времен. И дождался: не прошло и тридцати лет, как была объявлена Гласность и «Хозяева жизни» в конце концов появились в журнале «Октябрь», который к тому времени, под руководством Ананьева, стал прогрессивным.

Вероятно, этот рассказ был неожиданностью для Твардовского — после ликующего социального оптимизма, царившего «за проходной».

Но в том же шестьдесят втором году, когда был напечатан рассказ «За проходной», такой благополучный, такой утешительный, который сама И. Грекова позднее называла «лакировочным», был написан роман «Свежо предание», впервые предлагаемый сейчас читателю.

Существовал тогда у советских писателей такой обычай: одну вещь в редакцию, другую — в стол. Не у всех, конечно. Я когда-то рекомендовала именно этот способ литературной жизни молодым авторам, подающим надежды. Возможность посылать свои произведения за рубеж появилась позже — и далеко не для всех.

«Хозяева жизни» появились в печати через двадцать восемь лет после того, как были написаны. Но роман, написанный в 1962 году, дожидался встречи с читателем сказочный, былинный срок — тридцать лет и три года. Он тоже не был запланирован на то, чтобы лечь в

стол. Хотя, прочитав — теперь только! — в частном письме, что И. Грекова все-таки отнесла его Твардовскому в «Новый мир» на предмет публикации, я просто не могла поверить своим глазам.

Что это было? Наивность? Простодушие? Вызов?

Пожалуй, скорее всего — вызов. Давайте, мол, Александр Трифонович, мы с вами — русские люди, не евреи, не сионисты — покажем всем, что не боимся ничего, и напечатаем это! А что тут все правда, что так оно и было — доказывать нечего. Было, но больше не будет никогда. Как говорит в романе жена героя-еврея Надюша: «А когда-нибудь про наше время скажут: свежо предание...»

Напоминаю тем, кто запомнил. Целиком у Грибоедова эта фраза звучит так: «свежо предание, а верится с трудом».

Верила ли И. Грекова, что эти слова в шестьдесят втором году прозвучат актуально? Не знаю. Во всяком случае — хотела верить. Как мы все.

Я не буду пересказывать содержание романа — вероятно, вы, как и я, прочли его не отрываясь. Такой старомодный фокус знает И. Грекова — она пишет увлекательно. Я просто попробую объяснить, как случилось, что именно это произведение И. Грековой так долго ждало своего часа.

Конечно, роман произвел огромное впечатление на всю редакцию «Нового мира». Редакционный шкаф в свое время уже был забит рукописями о тридцать седьмом годе, о страшных ночах, когда люди просыпались от звука шагов на лестнице, о лагерях... После того как там был напечатан «Один день Ивана Денисовича», а «Известия» — «Известия»! — немедленно подхватили новый курс и напечатали лагерный, но «положительный» рассказ «Самородок», бывшие зэки поверили, что и впрямь открывается новая эра. Больше того: редакции других московских журналов — даже софроневский «Огонек» — насторожились и стали охотиться за невиданным прежде материалом. Ася Берзер, редактор новомирской прозы, посмеивалась: «Я могу им что-нибудь уступить из этого шкафчика».

Это продолжалось очень недолго — но все-таки был такой удивительный момент в советской периодике.

Однако на еврейскую тему даже в самые розовые времена хрущевской оттепели было наложено табу. Что-то в этой теме было, видимо, особенно болезненное. Что-то вроде стыда возникало у Хрущева, простодушного партийца первых лет революции, от разговоров о советском антисемитизме. Он еще помнил, что «этого нет, потому что не может быть никогда». Во всяком случае, в своей знаменитой речи на Двадцатом съезде он ни слова не сказал о недавнем сравнительно «Деле врачей» и только потом, в своих записанных на

магнитофонную пленку мемуарах, сквозь зубы признал, что Сталин был подвержен этому позорному явлению.

Так или иначе, об эпохе еле прикрытого послевоенного антисемитизма вспоминать было не принято. Врачей выпустили? Выпустили. Реабилитировали? Реабилитировали. Слово «космополит» вышло из употребления? Бывшие антипартийные критики опять пишут? Псевдонимы не раскрываются?.. Какого же рожна? Мимо, читатель.

Правда, в середине пятидесятых годов начался антисиионизм — но разве это то же самое? Сионисты — это агрессоры и союзники американцев, и вообще, «мы хотим любить египтяночек, а агрессии мы не хотим!».

И вдруг — роман о таком, запретном и постыдном, чего вроде как и не было.

О том, чтобы такое печатать, не могло быть и речи. Вообще, даже существование этой рукописи было для автора опасно. А вдруг она какими-нибудь таинственными путями проникнет в самиздат или — еще того страшнее — попадет за рубеж?

И Твардовский сделал все, что мог: разрешил держать рукопись в ⁶⁰редакционном сейфе. В том самом, где до 14 февраля 1961 года — дня своего ареста — хранился роман Гроссмана «Жизнь и судьба»².

Роман «Свежо предание» не был арестован. Он и в самиздат не пошел. Его читали только близкие друзья — литераторы. Горевали, что читатель увидит его нескоро — может быть, и впрямь только тогда, когда материал его станет преданием, которому верится с трудом. Когда? Может — через двести-триста лет. Этими чеховскими словами товарищ Суслов обозначил время, когда можно будет напечатать роман Гроссмана. Это пророчество партийного идеолога было широко известно в литературных кругах.

Литературная жизнь И. Грековой не прервалась. Дарование ее крепло, она пробовала себя в разных жанрах — например, в драматургии: Написала с Александром Галичем пьесу «Будни и праздники» (на основе рассказа «За проходной»). Пьеса пошла во МХАТе и шла ровно полгода — до исключения Галича из Союза писателей. В «Новом мире» в 1967 году была напечатана ее великолепная повесть «На испытаниях». В ней рассказывалось об испытаниях вооружения на секретном полигоне в некой русской глубинке (действие происходит в 1952 году) Повесть имела большой успех и у русского, и у западного читателя (ее почти сразу перевели на несколько языков). Все туг было, чем силен замечательный талант И. Грековой, — динамика повествования, изумительные по точности и юмору

⁶⁰ Рукопись романа «Жизнь и судьба» была в свое время отправлена редакцией журнала «Знамя» в Отдел культуры ЦК КПСС. Там роману был вынесен приговор: «антисоветский». Агенты КГБ явились к Гроссману домой, конфисковали все материалы, связанные с романом, и заставили указать места, где хранились другие экземпляры рукописи. Тогда-то рукопись и была забрана в КГБ из сейфа «Нового мира».

речевые характеристики персонажей, их взаимоотношения, характеристика самого нехарактерного для советского общества тонкого слоя людей, которые на вопрос «чем мы живы?» отвечают: «скорее всего, работой», «работа плюс чувство юмора!».

Работа в охотку — это то, что с самым большим вкусом описывает И. Грекова. И здесь она дала себе волю. Ни тяжелейшие бытовые условия, ни сорокаградусная жара, ни сварливые жены (и все это она тоже описывает со вкусом и беспощадностью), ни даже политические доносы — ничто не может переделать этих странных людей. Повестью зачитывались, ею восхищались — особенно за подлинность, за отсутствие лакировки. Но именно эта подлинность вызвала в родной Москве нешуточный скандал.

Академия Жуковского возмутилась. Устроено было публичное осуждение повести. Гнев академического начальства вызвало и изображение бытовых условий жизни военных, и самый сюжет повести — неудача испытаний! — и даже факт ее публикации в «Новом мире», который давно уже стоял у начальства поперек горла. Какое право имел профессор академии опубликовать такую «очернительскую» вещь? «Где вы видели пьяного офицера?» — кричал на автора замполит.

Вся эта история, в несколько преобразенном виде, получила литературное воплощение в небольшом рассказе «Без улыбок».

Героиня рассказа, которую «подхватил железный поток проработки», сидит в Большом зале Совета, слушает, как один из выступающих кричит: «Она, она...» и думает: «Про меня до сих пор никто не говорил «она». Говорили «М.М.» или, чаще, «уважаемая М.М.», или, еще чаще, «наша уважаемая М.М.». Откуда им знать, как себя чувствует женщина, про которую говорят, про которую кричат просто «она», словно ее вывели для телесного наказания на площадь перед кабаком... Может быть, никто из них не понимает?». Отметим, и не только для феминисток, что М.М., «Она» — единственная женщина в зале.

Потом М.М. размышляет: «Сколько я помню, мне всегда сопутствовал Успех... Еще бы: женщина-ученый, автор трудов, переведена на языки, и прочая, и прочая... (И позже): Коварная вещь, этот успех. Он одаряет, он же и грабит. Смотришь — ты уже нищий. Хотела ли бы я, чтобы он ко мне вернулся? Нет. Препним я его уже не приму.».

Проработка закончилась благополучно для героини и в рассказе, и в жизни. Нам неизвестно, что сделала М.М., когда все снова стали ей улыбаться, но Елена Сергеевна Вентцель — она же И. Грекова — подала заявление об уходе из Академии. И стала преподавать математику в Московском институте инженеров железнодорожного транспорта.

Рассказ «Без улыбок», написанный в 1975 году, тоже пролежал в столе (11 лет, пока его не напечатал тот же «Октябрь» в 1986 году). За это время И. Грекова опубликовала

более десяти рассказов и повестей, в том числе такие замечательные, как «Вдовый пароход», «Перелом», «Фазан», «Скрипка Ротшильда»...

А заветный роман лежал без движения и не появился даже в перестройку.

Продолжалось табу?

Не думаю. Документальные и мемуарные книги о времени, которое, по удачному определению Раисы Орловой, так и осталось непрошедшим, стали выходить почти беспрепятственно. О деле врачей, о деле еврейского антифашистского комитета, об убийстве Михоэlsa... Какое уж тут табу! Но... но...

Документы, с большим или меньшим трудом, извлекаются из архивов. Документы есть документы. В очередной раз пересматривается история, «та самая, которая — ни столько, ни пол столько не совет». Помните песенку?

А признание, подписанное подследственным, — документ? Документ. И мы будем ему верить или поостережемся? Это, конечно, крайний случай. Хотя и тут бывало по-разному.

Должна ли художественная литература дожидаться, пока все уложится, определится, прояснится и все документы будут обработаны и оценены по достоинству? Философия не средних века считалась прислужницей богословия — не больше и не меньше. Должна ли литература принять статус прислужницы истории? Пусть даже с правом ее толкования, поскольку сегодня на дворе гласность?

Юрий Тынянов писал: «Там, где кончается документ, там я начинаю». Литература начинает свою пахоту там, где документ уже взрыхлил почву. И берет глубже.

Скажу даже: я не уверена, что в мемуарах «процент правды больше», чем в художественной литературе. Мы когда-то заимствовали эту сентенцию у грековского персонажа. Художник видит шире, чем мемуарист. И слышит некую, ему только внятную, странную музыку времени. Или безобразный шум, который тоже вроде как музыка. И заставит вас тоже его услышать и пережить и эмоционально откликнуться и... Словом, как у Пушкина: «Над вымыслом слезами обольюсь...»

События, о которых знают все, о которых написано столько статей, мемуаров и документальных повестей, в их литературном преображении пугают редакторов и издателей. История фиксирует, литература шевелит, сдвигает понемногу какие-то пласты в сознании и подсознании.

И. Грековой говорили: это все так давно прошло... Люди жадны на современность.

Или: о том времени столько интересных документов! Читателю разве может быть интересна беллетристика?

Может. Да еще как! Особенно если книга так хорошо написана, как «Свежо предание». И если вы любите этого автора. Потому что при встрече с ним вы испытаете радость узнавания — одну из радостей, которые изредка доставляет нам современная литература. Вы найдете здесь все, что вы любите у этого автора: мастерство диалога, острые ситуации, яркие характеры, и опять, и снова, как всегда у И. Грековой, когда она описывает талантливых людей, — вкусное описание их работы.

Но есть в книге и другое, не сформулированное. Она зовет, она толкает к поступкам. Каким? Что, собственно, мы должны сделать? Облиться слезами? Раскаяться? А в чем, собственно, мы виновны? Искать врагов? Мстить? Не поможет.

Не будем смотреть по сторонам. Заглянем в себя, дорогой читатель. Вот к этому и зовет книга, которая у вас в руках.

*СВЕЖЕСТЬ ПРЕДАНИЯ*⁶¹

С Еленой Сергеевной Вентцель однажды — совсем по касательной — в раннем детстве свела меня судьба. Подробности несущественны. Осталось воспоминание: дождь, подмосковная деревня, грязь до горизонта, и затрудненный, чуть задыхающийся голос, читающий нам — внучке Анюте и мне, лет шести от роду, — пушкинское: «Играй, Адель, Не знай печали...»

Осень по-прежнему дождлива. Анюта давно в Америке. Оттуда, из Америки, прислали мне только что вышедший в издательстве «Эрмитаж» роман Елены Сергеевны — И. Грековой — «Свежо предание».

Роман написан в 1962 году. Тридцать три года прошло, названные автором послесловия Руфью Зерновой «былинными». Грековская проза все это время жила своей жизнью, становясь словно бы плотнее и жестче, перерастая свои шестидесятнические истоки, — и все-таки, в полном соответствии с былинным канонem, эта книга не меркнет на фоне «Вдовьего парохода», а предстает как будто еще добравшей сил. Теперь она уже дважды исторична, воскрешая перед читателем сразу две эпохи: сталинскую, о которой повествует, и оттепельную — из которой сама.

Предметно-библиографическое описание фиксирует — с культивируемым Библиотекой Конгресса педантизмом: «Евреи Советский Союз Репрессии...» Все так. Но вернее было бы обозначить главные темы романа как «становление личности» и — незаменимым пушкинским словом «самостоянье». Главный герой грековского «предания» замечателен своей цельностью, исконным внутренним светом, и зовут его недаром — Константин Левин: подобно толстовскому персонажу, он олицетворение России. От тезки его отличает отчество. Отличие оказывается роковым. Но сюжет этот в романе — не ради того, чтобы заклеить послевоенный всплеск сталинского антисемитизма, а ради выстраданного: «Россия — это не гусли и не частушки... не благочиние пополам с грязью...» Россия настоящая — это внутренний свет самостояния, люди, которых нельзя сломать или погасить, разве только уничтожить, как это происходит в итоге с Константином. И как не случайно имя главного героя, латинское «постоянный» — а для Елены Сергеевны Вентцель, крупного математика, из математики взявшей и литературный псевдоним, наверняка еще и «константа», постоянная величина российской

⁶¹ Книжное обозрение, 1995, №49 (5 декабря)

жизни, без которой что-то в ней ломается и летит под откос, — так же не случайна и его национальность. В России XX века нет ничего более русского, чем русский еврей. Даже вековая еврейская мудрость — «горькая такая, спокойная... с юмором», не без зависти говорит в романе старый русский интеллигент профессор Пospelов, — даже она уступает место совершенно иному мирозерцанию, бестрепетной вере в лучшее, вплоть до пресечения дыхания, вере, не устающей черпать силы в русской культуре, в Тютчеве и Фете, в приходящем на ум Константину Левину в самые трудные минуты Герцене, наконец, в пушкинском «...не знай печали...»... И это уже история. Этого больше нет. Эпоха сменилась еще раз. Люди кто за морем, кто за океаном. За океаном, увы, и книги о них.

Роман не стремится быть современным. И. Грекова не работает с внутрилитературными задачами: языковыми, жанровыми и т.д. Она рассказывает историю, повесть, предание, обходясь при этом без обличений и без дидактики. Потому и веришь без труда этому преданию, свежему, как осенний воздух после дождя.

И.Грекова.

ИЗ ПИСЕМ РИЖСКИМ ЛИТЕРАТУРОВЕДАМ (1969 – 1978 г.).

В 1998 г. журнал «Вопросы литературы» (№ 4) опубликовал отрывки из переписки И.Грековой с двумя рижскими литературоведами Л.Левитан и Л.Цилевичем под названием «Диалог с писателем». Мы предлагаем читателям нашего сборника избранные отрывки из писем только И.Грековой, сгруппировав их по темам. Эти письма дают редкую возможность узнать, что думала Елена Сергеевна как о своих произведениях, так и о литературе вообще – не в чьем-то пересказе, а от неё самой, как бы услышать её собственный неповторимый голос.

О «Дамском мастере».

Очень меня порадовало то, что Вы пишете о развязке: “Из всех возможных вариантов она избрала наиболее правдивый, социально характерный”. Как правило, даже друзья на меня нападали именно за конец рассказа. Многим он казался слишком благонамеренным, казенно-оптимистичным, уходит, мол, парень на завод, так и нужно, и счастливого ему пути! Вы из всех критиков первые обратили внимание на то, что “счастливого пути” — не обобщение, не резюме, а “формула вежливости”. От себя прибавлю, что эта формула в данном случае прикрывает трагедию, и не только Виталия, но и многих других, одаренных, не могущих проявить себя в царстве “вала”. Это я попыталась выразить одним штрихом — а именно когда героиня, отойдя от телефона, “разглядывает свои ладони”. Видимо, я переоценила тонкость своих читателей — большинство увидело в конце только казенное благополучие, которого там нет и следа.

Интересно, что даже в редакции журнала, где печатался рассказ, — а Вы знаете, что эта редакция — не из самых тупых, — даже там были, в общем, смущены и недовольны концом, считая его слишком уж в лоб казенным. Они меня просили “еще раз подумать над концом”. Нельзя ли кончить как-нибудь иначе? Я ответила: “Виталий написан с живого человека, и в жизни конец был именно такой — он ушел на завод, учеником слесаря. Но это был не совсем “окончательный конец”, дальше было еще кое-что. Хотите, я вам напишу другой конец, продолженный, как это и было в жизни?” — “Очень хотим”, — ответили они (разумеется, по принципу “правду, одну правду и ничего, кроме правды”). — “Извольте, — сказала я, — в жизни было вот как. Виталий (точнее, его прообраз) действительно ушел на завод, но через полгода вернулся в парикмахерскую.

Оказалось, что на заводе мастер брал с него взятки. Хотите такой конец?” — “Боже упаси, — ответили правдолюбцы, — уж лучше все пусть остается как было”. И вот, рассказ появился со своим теперешним концом — очень казенным, если смотреть вполглаза, и очень трагичным, если смотреть глубже. Вы посмотрели глубже, и за это автор Вам очень благодарен.

С чем я не вполне согласна в Вашей статье — так это с Вашим суждением о сыновьях — они в Вашей трактовке просто бездельники, балбесы, их поведение кажется Вам просто шутовством, и Вы не заметили, какая любовь друг к другу связывает их всех троих — мать и сыновей, какое это счастье. Помню, на одной читательской конференции какой-то болван выступал и поносил сыновей Марьи Владимировны — как, мол, они смеют так обращаться с матерью? И после него выступил другой читатель. Он сказал: нет, мне в рассказе больше всего как раз понравились отношения матери и сыновей. И затем, обращаясь прямо ко мне, спросил: “У вас, простите, тоже двое сыновей?” — “Двое”, — ответила я, умолчав о том, что у меня еще и дочь. — “И, простите, ваши отношения с сыновьями такие, как в рассказе? Это с натуры списано?” — “Да, примерно...” — “Тогда я вам завидую от всей души”, — сказал он.

Вы в своей статье судите о мальчиках не так уж осудительно, как первый выступавший, но так же, как и он, не замечаете счастья и необыкновенности в отношениях всей троицы, а это есть в рассказе и входило в замысел автора.

14 декабря 1969 года.

О «За проходной».

Прочла <...> с интересом статью про И. Грекову. Ей-богу, никогда не думала, что по поводу моего довольно незатейливого рассказа “За проходной” можно высказать столько соображений! Читаю, как будто речь идет о ком-то другом... Тем не менее приятно. Возражений никаких не имею. Разве только то, что автор статьи слишком уж решительно отождествляет автора-рассказчика с Женькой-лириком. И, кроме того, зря Вы обосновываете, что в последней решительной сцене присутствуют не все, — это сделано просто для того, чтобы не было тоски перечисления. Вокруг приемника стоят *все*, и именно все, без исключения, сотрудники лаборатории, кроме Чифа, который “всегда особняком”. Кстати, о Чифе. Он именно загадочен — для всех, в том числе и для автора. Может быть, ближе всех к его пониманию подошел, как это ни парадоксально, глупый корреспондент, когда он заметил, что перед ним сидит “очень немолодой, очень несчастливый человек”, — не помню, как там это сформулировано, “цитирую по памяти”.

И корреспондент, в сущности, не глуп. Он кое-что видит и понимает, но это заслонено от него *правилами*, как надо писать<...> Зря Вы не обратили внимания на фразу, ключевую для корреспондента: “он танцевал”.

Кстати, во МХАТе эта сцена была обыграна именно так — на вихревом, головокружительном танце, который прерывался выкриками стандартных фраз. Вообще, мне непонятно — видели ли Вы постановку? Потому что, если бы видели, Вы не назвали бы ее “инсценировкой” рассказа “За проходной”, — там сохранены от рассказа главные герои и кое-какие сюжетные связи, но введено очень много нового, например, на сцене Мегатонна *защищает диссертацию* с плакатами, вопросами, отзывами оппонентов, голосованием и прочими атрибутами настоящей защиты. Поставлено это было, по-моему, артистически. И мне жаль этот убитый спектакль, как живого человека. Но... Он был снят после истории с моим соавтором. Кстати, вряд ли Вам пропустят ссылку на инсценировку.

И вообще, мое, например, имя вряд ли может способствовать тому, чтобы Ваша статья увидела свет. Впрочем, не знаю. Категорического указания о том, чтобы обо мне не писать ничего, кроме хулы, кажется, не было. Отношение ко мне определяется полным фактическим умалчиванием и совершенной невозможностью что бы то ни было напечатать, — но последнее ведь явно не приписывается каким-то “указаниям” <...> В общем, можно считать, что из числа действующих писателей я фактически выбыла. Меня это не слишком огорчает, потому что у меня есть другой род деятельности. В этом году выходит из печати моя большая монография “Исследование операций” (35 печ. л.), и, ей-богу, у меня есть чем заняться.

3 июня 1972 года.

В Вашем разборе моего рассказа “За проходной” было для меня много интересного. Все это — возможно как трактовка авторского замысла, если бы он существовал (его попросту не было...). Против одного только в Вашем разборе я должна возразить: Вы слишком вообще “осерьезнили” автора и произведение. В моей повести много так называемого “трёпа”, очень характерного как раз для таких закрытых учреждений, где живут замкнуто и одержимо, варятся в собственном соку и привыкли понимать друг друга с полуслова, а то и без слов. Женька-лирик с его стихами (стихи-то слабые!) — мишень для иронии, и вовсе незачем считать эти стихи какой-то “кульминацией”. Автор, как и сотрудники, относится к ним иронически. Что-то в этих стихах все же есть, как и отмечает Зинка при обсуждении. Некий эмбрион художественности. Когда Женька научится писать по-настоящему, он таких стихов уже не

создаст, и слава Богу, что не создаст, но и жаль немножко, как всегда жаль дилетанта, умершего в художнике.

6 ноября 1973 года.

О художественном замысле.

<...> Правильна ли Ваша концепция — сказать не могу. У меня при написании этой вещи — да и всех остальных! — вовсе не было никакого замысла. Это у меня происходит так: под влиянием жизненных впечатлений образуется некий внутренний шум, который, шумя-шумя, постепенно кристаллизуется, из него выделяются некие формы — картины, разговоры, людские лица, людские отношения... И все эти формы, однажды выделившись из шума, становятся, если можно так сказать, “императивными”. Повлиять на них, изменить их я уже не могу. Никогда не могу сказать, *почему* пишу так или иначе, но безошибочно чувствую: *так надо*. Потому так и сопротивляюсь любому редактированию: мои герои сами себя редактируют, свои характеры, слова и судьбу — переделать я в них ничего не могу. Если, путем долгих измышательства, меня все же вынудят на кой-какие переделки, то изувеченное таким образом произведение становится мне ненавистно — зачастую я не могу его прочесть напечатанным, как случилось, скажем, с повестью “Маленький Гарусов”.

Последние полтора года я пытаюсь напечатать новую свою повесть под названием “Вдовый пароход” — и безуспешно. Несколько журналов совсем было ее “взяли”, но, как только заходила речь о “переработке”, я говорила “этого я не могу”, брала под мышку свое детище и уходила, даже с чувством облегчения — слава Богу, не придется резать, кромсать по живому. Конечно, если бы я жила на литературные гонорары, я была бы сговорчивее...

6 ноября 1973 года.

Я <...> чрезвычайно болезненно отношусь к навязыванию “концепции” автору. Вот, например, я когда-то писала не любимого Вами (но это неважно!) “Маленького Гарусова”. Кстати, люди, плохо относящиеся к “Хозяйке гостиницы”, обычно любят именно Гарусова, с его неустроенностью, киданиями в разные стороны, с его органическим неблагополучием. Но это неважно — о вкусах, как известно, не спорят. Повесть “Маленький Гарусов” у меня все не писалась, не складывалась, пока ее прототип (мой ученик) не пришел однажды ко мне, обритый наголо, и не сказал мне, что сделал это из жалости к парикмахерше, которой хотелось заработать, и она вымыла ему голову *два раза*

<...> Без этих “двух раз” — не было бы повести. Какой критик и когда (и нужно ли это?) распознает в готовой повести этот тайный механизм, приведший в действие решение автора, приведший в соответствие систему образов?

19 декабря 1976 года.

[По поводу статьи В. С. Белькинда “Принцип циклизации в “Повестях Белкина” А. С. Пушкина”:] Это все тот же наш с Вами давнишний разговор — мне неприятно навязывание обязательности, задуманности — стихийному, необязательному. То, что в цикл объединены именно эти, а не другие вещи, связано с тем, что Пушкин, в силу разных обстоятельств (в частности, вынужденное сиденье в одном месте долгое время), осуществил, может быть, давно уже у него копившиеся замыслы, а объединил их просто потому, что так, к случаю пришлось... Если бы, скажем, ему в это время пришло бы в голову включить в “Повести Белкина” — “Историю села Горюхина”, — какой-нибудь литературовед, спустя полтора века, глубокомысленно доказывал бы, что именно это было необходимо, что без “Села Горюхина” неполны и “Метель”, и “Выстрел”, и “Барышня-крестьянка”, уже не говоря о “Гробовщике”<...>

Подобного рода “доказывания” всегда вызывают у меня внутренний протест. Дайте, ради Бога, право автору быть непреднамеренным, объединять в циклы любые (может быть, вовсе и не связанные между собой) вещи. Не связанные ничем, кроме личности автора, его манеры (которая иной раз может намеренно резко меняться от вещи к вещи), кроме примерного времени их написания! Не навязывайте автору глубокой продуманности каждого слова, каждого звука! Дайте ему просто “побряцать рукой рассеянной” — ей-богу, неплохо у него получалась именно эта “рассеянность”! Знал бы Пушкин, в какие рамки будут втискивать “Повести Белкина” спустя полтора века, — он, простите, обалдел бы!

По-моему (я, еще раз подчеркиваю, глубоко неквалифицированный в вопросах литературоведения человек), “тайна сия велика есть” — почему писателю вздумалось изобразить именно то, а не другое? Замысел может возникнуть из ничего — из случайного слова, услышанного на улице, из крика ласточки, из человеческого лица, мелькнувшего в окне экипажа, из воспоминания о чем-то, из запаха, наконец. Не отказывайте “божественно-случайному” именно в случайности — она его неперенный элемент! “Музыку я разъял, как труп” — ведь это и про Вашего брата, литературоведа, сказано!

Уподобление — если Вы любящему человеку будете истолковывать, почему и как он прикасается к любимой тем, а не другим местом, — куда денется любовь? Вы скажете,

что Вы это не Пушкину истолковываете, он же давно помер. Тем более — грех валить на мертвого!

Вся эта полусерьезная критика адресована не Вам лично, а всему Вашему клану<...>

Все статьи о поэзии в обоих сборниках мне мало интересны, вероятно, потому, что я прозаик и отчасти придерживаюсь на поэзию взгляда Толстого (“пахать и за сохой танцевать”). Впрочем, для меня есть произведения поэзии (немногие!), без которых я не могла бы жить.

Все мои замечания о “случайности” и “навязанной преднамеренности” еще в большей степени, чем к прозе, относятся к поэзии. Членение стихотворения по строкам, словам и даже буквам мне кажется кощунственным. Это все равно как на юбилее взрезали бы живот человеку (юбиляру) и показали всем его кишки, к тому же перепутанные<...>

Еще раз прошу прощения за крайнюю некомпетентность моих суждений. Так или иначе, когда будут еще сборники, присылайте!

О «Хозяйке гостиницы».

Насчет “Хозяйки” могу рассказать Вам историю ее возникновения. Перед нею я написала очень горькую, очень трудную вещь — “Вдовый пароход”, которая до сих пор не напечатана. Несколько журналов брали эту повесть — и под теми или другими предлогами возвращали ее. “Хозяйка” была написана вскоре после “Вдовьего парохода”, для меня самой, чтобы разрушить тот трудный и страшный мир, который во мне самой был создан предыдущей повестью. Именно отсюда — некий “воинствующий оптимизм” моей “Хозяйки”, и понять ее полностью нельзя, не читав “Парохода”. Я все-таки думаю, что, несмотря на все мытарства, после моей смерти “Пароход” будет опубликован.

<...> Очень Вам благодарна за то, что Вы поразительно точно подметили “многослойность” конца повести, в котором некоторые увидели только “фанфары”. Здесь сочетание не только юбилея с открытостью (“уедет? не уедет?”), как Вы совершенно верно подметили, а и относительного счастья с тревожностью, ограниченностью будущего...

24 октября 1976 г.

Вы к нему [Шунечке] несколько несправедливы — ненависть заслоняет объективность, вовсе он не так уж плох, и “принаряженный отставник” искренне плачет

по нем, его наивная похвала (кстати, такую формулировку, насчет “отличника [боевой и политической подготовки]” со слезами, я сама слышала на похоронах одного полковника)<...> Письмо Л.С. — очень для меня интересное и лестное — прочла с благодарностью. Поблагодарите ее за него. Ненависть к Шунечке (“ну и типчик!”) в этом письме относится к той же категории, что и Ваша, — отношу ее за счет своего неумения создать образ. У меня в душе Шунечка куда более положительный, чем в восприятии большинства читателей. Любопытно, что только одно из многих писем, которые я получила по поводу “Хозяйки”, — письмо одного отставника, — ни словом не упоминает о Верочке и все посвящено апологии Шунечки — “в заслугу автору надо поставить создание образа советского офицера, безгранично преданного...” и т. д. Автор письма прославляет Шунечку за то, что он требовал от Верочки безоговорочного служения ему: “Мы все, офицеры, нуждаемся в таком внимании со стороны жен, но не всем удастся этого достигнуть”. Ну и “типчик”!

<...> Отвечаю на Ваш вопрос о Ф. Г. Раневской. Разумеется, кое-какие ее черты в образе Маргариты Антоновны есть. Все это было согласовано с прототипом (я, например, употребив какую-нибудь ее фразу, спрашивала разрешения и, только получив его, оставляла фразу в тексте). Но образ не буквально списан с прототипа, а несколько видоизменен. Сама Ф. Г. говорила: “Ваша Маргарита Антоновна — счастливая, а я — несчастная”<...> Вторым прототипом Маргариты Антоновны была для меня другая актриса, которой Вы, вероятно, не знаете”.

<...> А вот с “Хозяйкой” было так. Повесть давно бродила у меня в сознании, неясна была композиция. [Далее следует рассказ об эпизоде, который Елена Сергеевна увидела на одном празднестве: пожилой человек подошел к молодой женщине с бокалом вина, прикоснулся своим бокалом к ее бокалу и тихо сказал: “Нет слов”.] И тут я почувствовала, что моя повесть будет, что ее последние слова будут именно “нет слов”. Этого эпизода вполне могло бы не произойти, и что же, повесть была бы, но она была бы совсем другой... Кто знает? “Зачем арапа своего младая любит Дездемона?” <...> Пишу только для того, чтобы подчеркнуть необязательность, волшебную случайность возникновения замысла, образной системы произведения.

19 декабря 1977 года.

О Чехове.

<...> Разумеется, мне очень лестно Ваше — хотя бы отдаленное! — сближение меня с Чеховым. Это — один из любимейших моих писателей. Его “непрямая” манера говорить о жизни, так хорошо прослеженная Вами в книжке, кажется мне недостижимым образцом. Сметь писать как бы “ни о чем”, а на самом деле — обо всем сразу!

У Чехова я люблю почти все, кроме некоторых ранних вещей (“Цветы запоздалые” и т. п.) и всех пьес. В пьесах меня царапают пошловатые высокопарности типа “неба в алмазах”, речевой сор (например, слово “мерехлюндия” в устах Маши или, скажем, “дивная, роскошная женщина!” Так и вспоминаешь ремарку Панферова в пьесе “Когда мы красивы”: “Бурно ласкает ее всю”). Однако, несмотря на эти “огрехи”, Чехова целиком я люблю безмерно. Жаль, что в Вашей книге почти не отражены такие великолепные, любимейшие у меня чеховские вещи, как “Моя жизнь”, “Три года”, “Рассказ неизвестного человека” и, особенно, “В овраге”.

Из прославляемых Вами произведений я резко не люблю рассказ “Невеста”. Мне кажется, в нем Чехов изменил себе, пойдя на поводу у требований публики (помните, у Тригорина жалобы на то, что у него требуют “гражданственности”, а он умеет писать только пейзаж, а во всем остальном фальшив и беспомощен?). Так вот, рассказ “Невеста”, жеваный-пережеванный, мусолёный-размусолённый нашей советской критикой, как раз кажется мне фальшивым. Не фальшивы в нем только “домовые пейзажи” — интерьеры и бытовые подробности.

Мне вообще кажется, что дух и стиль обобщенного “пейзажа” характерны для лучшего, любимейшего мной Чехова. Его рассказы — это “пейзажи душ”. И знаменитое “горлышко от разбитой бутылки, сверкающее на плотине”, в рассказах о людях тоже сверкает — вот этим внезапным “прозрением”, о котором хорошо пишете Вы.

25 сентября 1976 года.

<...> Ваша защита пьес Чехова, доведенная до крайности, могла бы полностью выхолостить авторское лицо из любой пьесы. Автор все-таки *любит* некоторых своих героев, и для меня (непрофессионала) совершенно ясно, что он любит трех сестер, любит ими, и, когда Маша говорит “Дорогие мои сестры! Томится душа моя! Хочу исповедоваться...” или что-то в этом роде, он и в мыслях не имеет ее карикатурить или высмеивать. Ее дешевые “духи” (в разговоре) его (автора) чаруют без малейшей иронии. И, уверяю Вас, иной раз сам Чехов (буквально от своего лица) высказывает что-то в этом роде, этакую пошлятинку типа “Дуся моя! Лошадка моя!” и т. д. Тут Вы меня не переубедите. Чехов — потрясающе гениальный писатель, один из любимейших моих во всей мировой литературе, но кое-что от своего мещанского воспитания он так и не

преодолел, и именно это меня раздражает в его пьесах. Тургенев, куда более слабый писатель, но сохраняет во всех своих вещах повадки “барина”, — а на Чехове — родимые пятна мелочной лавки... К счастью, я не литературовед, а то меня раздраконили бы собраты за такие еретические мысли.

<...> Рассказ “Невеста” я по-прежнему считаю вымученным (здесь Чехов — не Чехов), а что он не угодил своим современникам — это более чем естественно, так всегда происходит, когда писатель, вопреки своему таланту, отвечает на “социальный заказ”.

24 октября 1976 года.

Больше всего в сборнике мне понравилась статья Л.С. Левитан, в самом деле по-новому повернувшая тему, на которую уже много писали. Полное развенчание молодой пары — Ани и Трофимова — очень мне по душе. Интуитивно они были мне всегда противны. Впрочем, мне вообще противны “положительные образы” в пьесах Чехова с их пышнословием (“небо в алмазах...”). Идея автора статьи, что ряд героев пьесы — “ниже любви”, очень верна, но, по-моему, может быть отнесена и к многочисленным героям других пьес Чехова, где, по мнению самого Антона Павловича, “пять пудов любви”. Но любовь ли то, что измеряется пудами? Вообще, в статье Л. С. Левитан мне понравился замах на “якобы-прекрасное” в драматургии Чехова. Вот так же бы ударить по всем этим Тузенбахам с их предчувствием “огромной бури”, с их дурацкими порывами в будущее, “тоской по труду”, по всем этим поэтическим “сестрам”, “дивным, изящным женщинам”... “Забытый Фирс” — это гвоздь, заколоченный в лирически-возвышенный образ Ани. Возражаю только против того, что Трофимов — “труженик, студент”. Вернее было бы написать — “бездельник, вечный студент”.

2 мая 1978 года.

О повести Валентина Катаева «Святой колодец».

Статья Н.Т.Нефедова посвящена очень для меня внутренне важному произведению “Святой колодец” <...> хотя я в ряде случаев спорила с автором. Если бы я об этой вещи писала сама (чего, разумеется, мне никто не позволит!), я бы больше выделила “бредовую” композицию и правду бреда, пронизывающую всю вещь. В сущности, повесть о том, как плохой человек, на грани смерти, в наркотическом бреду общей анестезии, вспоминает свою подло прожитую жизнь, оставаясь, в сущности, тем же подлецом, только чуть-чуть прозревая, и каким символом всей этой подлости становятся в повести эти

навязчивые, непрерывно присутствующие “мокасины” и деньги, нужные на чистку обуви... Мелкая, скарредная, но божественно-талантливая душонка все время озабочена этими мокалинами, пылью на их блестящей поверхности, которую надо бы удалить, но жалко платить за них деньги, к тому же — в валюте, которая для нашего обывателя всегда священна<...> Вещь Катаева — резкое противоречие тезису Пушкина — Моцарта “гений и злодейство — две вещи несовместные”...

19 декабря 1976 года.

О деталях в художественном произведении.

Вообще, по моему профессиональному впечатлению (“писателя”, а не критика!), Вы иногда слишком настаиваете на обдуманности и значимости ряда подробностей. Когда Вы, например, писали обо мне<...> я-то знала, что замысла *во всех подробностях* не было, что могло что-то сложиться и не так, как сложилось. Ваша позиция, состоящая в том, что каждая подробность существенна, кажется мне чрезмерно преувеличивающей значение этих подробностей (они могут сложиться случайно!). Именно в этой комбинации случайного с организованным, по-моему, одна из прелестей искусства вообще. Вы же возводите каждую подробность, как выражался Гоголь, “в перл создания”. В частности, Ваши разговоры о значимости цвета животного (*белая* лошадь, *белый* шпиз, *белый* кот) представляются мне преувеличенными. Впрочем, прошу извинить за суждение профана.

25 сентября 1976 года.

О применении терминологии и методов точных наук в гуманитарных, в частности, в литературоведении.

График на стр. 64 мне, как я уже говорила, представляется наивным и не несущим информации. Что в нем сказано, кроме того, что нечто — неизвестно что? — достигает максимума где-то возле 13-й главы. Это с тем же успехом можно было бы выразить словами, и даже лучше, потому что словами Вам бы не удалось избежать уточнения того, *что именно* откладывается по оси ординат? Простите за откровенность — мне такие графики и формулы, заимствованные из области точных наук, но не снабженные даже упоминанием о том, какие именно величины рассматриваются, — кажутся лишними. Чувство вроде того, как, помните, в “Анне Карениной” испытывал художник, глядя на дилетантские упражнения Вронского. Как будто при влюбленном кто-то, сделавший себе резиновую куклу, ласкает и целует ее так, как влюбленный — свою возлюбленную.

Боюсь, что неточно, но что-то в этом роде, рассказываю по памяти. Так вот, для меня формулы и графики — это, в каком-то смысле, “возлюбленная”, и я очень не люблю, когда чуждые этому миру люди начинают чему-то в этом роде подражать. Не люблю псевдонаучную терминологию, которую поверхностно усваивают и употребляют некоторые литераторы. Не люблю, когда, например, “энтузиазм умножается на идейность”, какое-нибудь качество “возводится в квадрат” и т. п. Но это — только реакция на все подобные фокусы со стороны специалиста в области точных наук (и я в этом отношении не одинока). Что касается самих гуманитариев, то они часто испытывают при виде формул и графиков какое-то чувство сладострастия, слышат какие-то обертоны, которые нам, специалистам, уже не слышны.

14 декабря 1969 года.

Дискуссии о смысле понятий “сюжет” и “фабула”, по-видимому (насколько я понимаю), принадлежат к насущным в Вашей области. Но, хотите Вы этого или нет, в широких кругах читающих непрофессионалов эти термины будут примерно однозначными. Вообще, влияние профессиональной речи на речь человеческой массы ничтожно. Ваше уподобление: “фабула — это своего рода координатная сетка сюжета” кажется мне (как раз специалисту по точным наукам!) неубедительным и неточным. Вы с этой “координатной сеткой” связываете, если я правильно Вас понимаю, нечто конкретное, тогда как она — сама абстракция, сама схема. Вообще, я не очень-то люблю термины и аналогии из области точных наук в литературоведении. Их любят употреблять как раз люди, которые судят о них “понаслышке” в буквальном смысле слова и не чувствуют душу этих слов, а ведь у них есть душа! Помню, как я бранилась со своей подругой, критиком Т. Хмельницкой, за ее любовь к термину “сопротивление материала”, — это царапает слух тому, кто и в самом деле учил и сдавал конкретную науку “Сопротивление материалов”, или запросто “Сопромат”. Аналогии здесь нет — одно только на слух воспринятое звучание, “глухое звучание”, если можно так выразиться<...>

Я совсем не против того, чтобы в литературоведении применялась настоящая математика по своему прямому назначению — скажем, подсчитывались какие-либо частоты словесных форм, все это табулировалось, даже изображалось в виде графиков — пожалуйста, сколько угодно! Но это должно быть сделано в духе самой математики, ее средствами, в ее амплуа. Если же аналогии и термины из точных наук употребляются для заманчивого “современного” звучания — я органически ошетиливаюсь. Например, я очень не люблю, когда употребляется такой термин, как “запрограммированность”,

“робот”, “кибернетика”, — тут я сразу настораживаюсь и... не люблю. Может быть, я и неправа<...>

Поскольку книги по литературоведению только очень редко читаются “математиками” в широком смысле слова, может быть, не стоит и учитывать их реакцию. Однако такая реакция есть, и я проверяла ее не на себе одной. К счастью, Ваша книга почти совсем свободна от этой, неорганичной для литературы, терминологии. Написана она широко, свободно, художественно (а последнее — самое главное, по-моему, в литературоведении!). Нет ничего хуже, чем когда о литературе пишут сугубо научным языком, сдержанно и сухо, внелично. Вероятно, Вы читали книгу Л. Я. Гинзбург “О лирике”. Я очень люблю этого автора, но “О лирике” как раз не люблю. Как можно ухитриться писать о поэзии так непоэтично! В Вашей же книге есть та доля поэтической “распущенности”, которая необходима<...> Не знаю, читали ли Вы мою статью в 7-м номере “Нового мира” за этот год под заглавием “Полемика и ее издержки” (кстати, заглавие не мое, а редакции). Там кое-что сказано о неодинаковости смысла слов для представителей разных культур. Вполне возможно, что для меня смыслы гуманитарных терминов столь же сбивчивы и неадекватны, как для гуманитария — “робот” и “программирование”.

6 ноября 1973 года

[По поводу книги Л. М. Цилевича “Сюжет чеховского рассказа”:] В Вашей книжке, к моей радости, нет графиков и вообще математического орнамента<...> У меня, математика-профессионала, от таких вещей делается неладно внутри. Кстати, по вопросу о применении математики в “гуманитарных” областях — посылаю Вам оттиск своей статьи, опубликованной в “Вопросах философии” № 6 за 1976 год.

25 сентября 1976 года.

*ОТВЕТЫ И.ГРЕКОВОЙ НА ВОПРОСЫ АНКЕТЫ
ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР*

Глубокоуважаемая Елена Сергеевна!

Сектор культуры речи Института русского языка АН СССР занимается изучением стилистики современного русского языка. Для нас очень важны наблюдения писателей над современным состоянием и развитием русского языка, писательская оценка различных речевых явлений.

В связи с этим мы задумали составить анкету, которая даст нам возможность ознакомиться с мнением писателей по интересующим нас вопросам. Предполагается, что отвечать можно не на все вопросы, а выборочно, по желанию. Мы рассчитываем напечатать ответы с согласия авторов в сборниках "Вопросы культуры речи".

Мы просим Вас ответить на вопросы, а также сообщить нам, понравился ли Вам проект анкеты, не нуждается ли он в уточнениях формулировок и т.п.

Мы будем благодарны за все Ваши замечания,

С уважением

Заведующий сектором профессор

(С.И.Ожегов)

Глубокоуважаемый Сергей Иванович!

Попытаюсь, как смогу, ответить на вопросы Вашей анкеты.

Общее впечатление от вопросов: они составлены интересно и достаточно полны, но в некоторых случаях носят, на мой взгляд, слишком широкий и общий характер, например, вопросы №№ 1 и 2. Ответом на такой вопрос должно было бы быть специальное исследование, требующее несравненно большей квалификации и большего кругозора, чем те, которыми располагаю я.

Тем не менее, на ряд вопросов мне захотелось дать если не ответы, то некоторые "соображения по поводу". Рада буду, если они хоть в малой мере окажутся Вам полезными.

И. Грекова

Если Вам придет в голову что-либо из моих заметок опубликовать (чего я не думаю), то очень прошу учесть, что мой литературный псевдоним “И. Грекова”, а не “Е.С. Грекова”, как написано на конверте, в котором Вы прислали мне анкету.

АНКЕТА

1. Какие, по Вашему мнению, произошли изменения в русском литературном языке в советский период? Как Вы оцениваете эти изменения?

2. Какие из новых слов и выражений, по Вашему мнению, обогащают русский язык, какие – засоряют?

Какие из этих слов Вы считаете возможным употреблять в авторской речи, какие – только для речевой характеристики персонажей?

3. Какие слова и обороты разговорной и книжной речи являются приметами времени, связаны с различными периодами в истории нашей страны?

4. Какие слова и обороты обиходной речи Вы считаете наиболее характерными для людей, принадлежащих к разным профессиям, социальным прослойкам, к разным поколениям?

5. В чем Вы видите характерные признаки языка современной молодежи? Как Вы относитесь к его отражению в художественной литературе?

6. Что Вы понимаете под современным народным языком, народной речью? Как Вы относитесь к мнению А.К. Югова, что "весь язык русского народа литературен" и "нормативная лексикография – пережиток"? (см. книгу "Судьбы родного слова", М., 1962. с. 62-64).

7. В каких случаях и с какой целью прибегаете Вы к помощи словарей русского языка, какие из них Вы считаете наиболее ценными для своей работы? Сопоставляете ли Вы со словарями собственные языковые наблюдения?

8. Кого из русских писателей – классиков Вы считаете своим учителем в области языка и в чем именно?

8. Язык какого советского писателя старшего поколения Вы считаете образцовым? Почему?

10. Язык какого из молодых писателей наиболее отвечает Вашим вкусам?

11. В чем, по Вашему мнению, заключается "современный стиль" в литературе? Чем принципиально отличается, на Ваш взгляд, русская проза и русский стих XX века от прозы и стиха XIX в.?

Разделяете ли Вы мнение о том, что “в XX веке происходит реформа прозы” (Ср., например, Э.Казакевич “Вопросы литературы”, 1963 № 6, с. 165)? Что Вы думаете о содержании и причинах этой реформы?

12. Чем для Вас ценны книги писателей о русском языке (“Живой как жизнь” К.И. Чуковского, “Судьбы родного слова” А.К. Югова, “Правильно ли мы говорим” Б.Д. Тимофеева, “Путь слова” Л.Я. Борового и др.)? Какие проблемы, выдвинутые этими писателями, представляются Вам особенно актуальными? Как Вы относитесь к их рекомендациям?

13. Что, по Вашему мнению, необходимо для повышения русской речевой культуры?

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ

1. Мне кажется, что в развитии современного русского литературного языка можно отметить две тенденции.

С одной стороны, для этого языка, по сравнению с языком дореволюционной России, характерна большая свобода, большее слияние с просторечием, большая пестрота языковых слоев, привлекаемых в литературу. Разностильность характерна не только для различных произведений, но зачастую наблюдается в одном произведении.

Такую тенденцию я считаю прогрессивной и идущей в одном русле с основным развитием русской литературы, которая, начиная с Пушкина, смело шла на сближение с просторечием. Попытки противодействовать этой тенденции, возрождая церемонную речь далекого прошлого, я считаю ненужными и бесперспективными.

Наряду с этой, прогрессивной тенденцией можно отметить вторую – огромное распространение худших образцов дореволюционного официального стиля – то, что К.И. Чуковский метко назвал “канцеляритом”. Распускаясь пышным цветом на страницах официальной переписки и периодической печати, этот стиль, несомненно, оказывает влияние и на художественную литературу, порождая тяжелые, замысловатые, покойницкие обороты, способные умертвить любую, даже правильную и передовую мысль.

2. Развитие литературного языка всегда сопровождается появлением неологизмов. Неологизмы, вообще, можно приветствовать, но только при условии, что они сформированы в согласии с духом языка, а не в разрез с ним.

Так, например, мне представляется совершенно законным и удачным новое слово “прилуниться”, родившееся в естественной форме по аналогии с русским словом

“приземлиться” и обслуживающее новое понятие, для которого раньше не было слова, а понадобилось – и стало.

Вместе с тем, я нахожу безобразным ублюдком словцо “ординарный”, образовавшееся из “ординарный” при помощи обыкновенной неграмотности, чуждое русскому языку по своей структуре и звучанию. Никакие ссылки на то, что это слово теперь легализовано и помещается в словарях, не заставят меня им пользоваться. Оно вызывает во мне ощущение, напоминающее царапанье ножом по стеклу.

Очень травмируют меня такие распространенные обороты, как: “контроль за” чем~нибудь или “замечания в адрес” кого-либо. Вместе с тем, описывая в своем рассказе или повести какое-нибудь заседание или совещание, я не могу, не погрешив против жизненной правды, заставить своих героев выражаться иначе (если только они не престарелые профессора).

3. Характерным для современной русской речи, как мне кажется, является ее упрощение, освобождение от лишних подробностей. В частности, любопытно проследить, как на наших глазах из речи исчезают дополнения.

Возьмем, например, такую фразу:

“Она взяла книгу и положила на стол”.

Лично мне такая фраза кажется вполне грамотной и даже литературной. Однако, у некоторых людей она вызывает мурашки на спине. Они бы переделали ее так:

“Она взяла книгу и положила ее на стол”.

Языковое чутье таких людей требует после “положила” прямого дополнения “ее”.
Мое языковое чутье уже мирится с отсутствием дополнения.

Всегда ли? Нет, не всегда. Возьмем, к примеру, другую фразу:

“Ее бросил муж, и она очень переживает”.

Здесь уже мое языковое чувство протестует. Мне хочется дополнения после “переживает”... Объективно ли это? Вероятно, нет. По-видимому, процесс утраты дополнений – закономерен, и, рано или поздно, нам придется примириться с глаголом “переживать” без прямого дополнения...

Вот с чем, мне кажется, следует бороться, так это с варварской, убийственной расстановкой ударений. Часто ударения в обиходной речи переносятся на места, где они, по духу русского языка, никак не могут находиться. Например, сейчас почти все говорят:

“приведены, проведены, перенесены”

вместо правильных:

“приведены, проведены, перенесены”.

Такого рода перестановки ударений, по-моему, возникают не в результате естественного развития языка, а в результате преобладания письменной культуры над устной. Очень часто человек употребляет слово, которое, главным образом, знакомо ему по книгам. Не обладая достаточной культурой устной речи, чувством музыки языка, он ставит в этом слове ударение “где придется”, а иногда – “где легче”. Думаю, что с таким поруганием языка можно и нужно бороться, главным образом, в средней школе, но можно и в высшей.

Лично я, будучи преподавателем высшей школы, по мере сил стараюсь бороться с неправильностями языка студентов, выступаю как. ярый поборник речи точной, нормативной, правильной, может быть, даже несколько старомодной. Отчасти это связано с тем, что я преподаю точные науки, где дисциплина речи очень существенна.

Что касается художественной литературы, то здесь я придерживаюсь другой позиции. Я – против излишней регламентации литературного языка. Чисто-нормативный язык в литературе мною воспринимается как архаизм и стилизация. О нашей современной жизни нельзя говорить языком 19-го века. А именно к языку 19-го века стремятся подогнать язык современной литературы многие наши редакторы.

Сразу оговоримся: редактор должен поправить писателя, если писатель отклоняется от нормативов языка по незнанию. Но он не должен поправлять писателя, если он отклоняется от этих нормативов сознательно, если он употребляет такую неправильность речи как художественный прием (всё равно, авторская это речь или речь персонажей).

Следовало бы помнить, что и правила-то речи не извечны, а созданы коллективным опытом таких же писателей, которые, прежде чем попасть в классики, тоже ведь нарушали “правила” тех времен!

В качестве курьеза могу привести случай из моей писательской практики. В моем рассказе имя героини “Марья” было стараниями корректора всюду заменено на “Мария”, в результате чего появилась такая, например, фраза”.

– Эх, Мария, язык-то у тебя впереди разума рыщет!

– Ничего не поделаешь – сказали мне – такие правила. По правилам везде вместо “Марья” надо писать “Мария”.

– Да вы поймите, вся фраза уже не та!

– Такие правила.

К счастью, редактор в этом споре принял сторону мою, а не корректора. А ведь могло быть и не так...

Я считаю, что писателю не нужно запрещать пользование теми и именно теми словами, которые он сочтет нужным. Той и именно той пунктуацией, которая ему в данном случае нужна. Считаю, что писателю должно быть предоставлено право нести на страницы журналов и книг современный разговорный русский язык со всей его живой неправильностью, со всей помесью “французского с нижегородским”.

Я думаю, что не существует резкой грани между теми языковыми средствами, которыми можно пользоваться в авторской речи и теми, которые применяются для речевой характеристики персонажей. Более того, я считаю совершенно естественным, чтобы язык автора принимал некоторую окраску языка персонажей. Особенно просто это получается, если автор любит своих героев.

4. В современном разговорном и литературном языке можно заметить довольно резкую разницу в языке между теми группами людей, которые по роду деятельности связаны с техникой, и теми, которые к технике не имеют отношения. Первые говорят на своеобразном языке, насквозь пронизанном технической терминологией, причем термины часто применяются не в буквальном, а в образном или в метафорическом смысле. Это вполне законно. Мне неизвестно, как, не впадая в многословие, можно передать образную нагрузку, связанную с такими, например, ходячими выражениями, как “пойти вразнос”, “остаточная деформация”, “предел текучести”, “запрограммировать”, “сработало реле”, “система без обратной связи”, сппошь и рядом встречающихся в разговорной речи. Каждое из таких выражений тянет за собой целую цепь ассоциаций, целый ореол образов и суждений.

Мне кажется, что такие языковые средства могут – конечно, при наличии у писателя такта и таланта – найти применение и в художественной литературе. Примеры пока редки. Редакторы и критики, люди, как правило, от техники далекие, воспринимают такую фразеологию, как разновидность “канцелярита”. Я думаю, что они неправы, и что такими средствами создается новая образность, органически свойственная нашему времени. Я думаю, что не надо запрещать писателю пользоваться теми красками, которые ему нужны. Я думаю, что писатель, если это ему нужно, имеет право написать “в центре стола” без того, чтобы ему это выправили на “посередине стола”. Мне кажется, что в ткань художественного произведения могут органически войти таблицы, формулы, даже графики.

5. По моим наблюдениям, для языка современной молодежи характерна известная языковая раскованность, которая хороша, покуда не переходит в разболтанность.

Последняя угроза вполне реальна, так как вопросы культуры речи не пользуются в среде молодежи заметным вниманием.

Можно отметить еще одну характерную черту: повышенное отвращение к пышным словам, торжественным речениям и, вообще, всем высокопарным штампам. Мысль, облеченная в такую форму, молодежью обычно вообще не воспринимается. Чтобы привлечь внимание молодежи, с ней нужно разговаривать попросту, по-свойски.

Отвращение к штампам совершенно законно, однако его обратной стороной является изобилие в речи молодежи “штампов наизнанку” – тех ходячих выражений, которые, возникнув в протесте против стандартности языка, сами быстро изнашиваются и становятся стандартными.

Отражение языка молодежи в художественной литературе, как и всякое отражение жизни, если оно талантливо, можно только приветствовать. Нечего бояться, что молодые читатели “испортят свой язык”, читая художественную литературу.

6. Современный народный язык очень разнообразен и чрезвычайно быстро меняется. Пестрота словарного состава поразительна.

В одной фразе колхозника могут встретиться бок о бок “автоматизация” и “вчера”. Произошло грандиозное смешение языковых слоев. Вместо двух резко различных форм языка: “язык народа” и “язык интеллигенции” теперь имеется один бурлящий языковой массив, в котором взаимопроникновение и взаимовлияние слоев очень существенны. На этой почве часто возникают своеобразные языковые курьезы.⁶²

В процессе таких сдвигов и перемешивания, такого стирания границ на наших глазах формируется новый народный язык, все теснее сближающийся с литературным. Всевозможные “ревнители” и “охранители” вряд ли смогут помешать этому естественному процессу.

7. К помощи словарей русского языка я прибегаю нечасто, главным образом тогда, когда я не уверена в том, как произносится слово, встречавшееся мне только в книгах, или тогда, когда мне нужно доказать собеседнику, что он говорит неверно, а я – верно.

Обычно я пользуюсь словарем С. И. Ожегова и справочником “Русское литературное произношение и ударение”. Мои собственные языковые наблюдения расходятся с указаниями “Справочника” в том отношении, что мне почти не случается

⁶² Наблюдение: старушка-няня, почти совсем неграмотная (еле-еле подписывает свое имя) на вопрос: “Ну, как поел Сережа?” отвечает “Обед прошел в теплой и дружественной обстановке”.

встречать людей, говорящих по рекомендуемой там норме. В частности, всё больше отходит в прошлое традиционное московское произношение, требующее смягчения согласных перед мягкими согласными. Такое произношение встречается только на сцене Малого Театра и у отдельных москвичей преклонного возраста.

8. В отношении языка из русских писателей-классиков считаю наиболее достойными восхищения (не смею их назвать своими учителями) двух: Достоевского и Герцена. Как тот, так и другой писали языком крайне неправильным, но потрясающе выразительным. Оба они очень вольно обращались с "нормативами", создавая себе собственные обороты речи под каждую встретившуюся им надобность.

У Достоевского можно, например, прочесть такую фразу:

"Я очень поцеловал его". Воображаю, как отнесся бы к этому "очень поцеловал" современный редактор-нормировщик!

9. Из советских писателей старшего поколения по мощи и силе языка особенно отмечаю Андрея Платонова – ныне почти неизвестного широкой читающей публике.

10. Вопрос касается молодых писателей. Учитывая, что сейчас "молодыми" считаются все, которых раньше не печатали, отвечаю: язык А. Солженицына.

11. Современный стиль в литературе, по-моему, определяется следующими чертами.

1) Лаконизм, то есть большая плотность информации на единицу печатного текста (кстати, лаконичными могут быть и произведения большого объёма).

2) Достижение желаемого эмоционального эффекта главным образом косвенными, а не прямыми методами.

3) Доверие к читателю.

4) Неожиданные сближения несоединимых, на первый взгляд, элементов.

5) Энергичное начало, отсутствие "постепенности" в экспозиции. Первая же фраза берет читателя, как быка за рога.

в) занимательность, достигаемая не за счет композиционной сложности сюжета, а за счет, так сказать, "упругости фактуры" произведения.

Остается добавить, что, по-моему, известный прием игры со временем – перенос прошлого в настоящее, воспоминаний и фантазий – в реальную действительность, конца

романа в его начало – не имеет прямого отношения к чертам современного стиля и скорее похож на моду.

12. Книги писателей о русском языке я читаю всегда с большим интересом, так как являюсь в этом вопросе “болельщиком”. Эти книги ценны для меня как своим предметом, о котором я могу читать без конца, так и живой, страстной интонацией их авторов.

Вместе с тем, я не всегда соглашаюсь с их выводами и рекомендациями. Часто они кажутся мне недостаточно объективными, чрезмерно обусловленными возрастом авторов, их привычками, воспитанием и личными вкусами.

13. Для повышения русской речевой культуры, по моему мнению, прежде всего нужна реформа преподавания русского языка и литературы в средней школе. Об этом уже много говорили и писали, “а воз и ныне там”. У учащихся необходимо развивать не умение нанизывать одно за другим стандартные чужие слова, а вкус к языку, чутье языка, уважение к языку, как средству передачи информации. Нужно развивать умение не только правильно писать, но и правильно, свободно и толково говорить, причем обязательно своими словами, а не “по бумажке”. Между тем в школе, при сложившейся традиции преподавания литературы, часто культивируется штампованное, высокопарное пустословие. Научившись кое-как нескольким приемам фабрикации этого пустословия, ребята кончают школу, не получив самого важного: умения грамотно, правильно и, главное, кратко изложить свои мысли, то есть не подготовленными к своей будущей производственной деятельности. Надо учесть, что лишь немногим из них предстоит будущее литературных критиков, а владение правильной и свободной устной и письменной речью необходимо всем.

Для того, чтобы языковое воспитание шло успешно, не надо делать его задачей одних только учителей русского языка и литературы. Нет, заниматься вопросами культуры речи должны все преподаватели: физики и историки, географы и математики. Для этого они сами должны этой культурой владеть, а значит, вопросам культуры речи должно уделяться достаточное внимание в педагогических институтах, готовящих учителей. Мне кажется, что был бы не бесполезен специальный курс “культура речи”, обязательный наряду с “педагогикой” и “дидактикой”.

Разумеется, всё это само собой не сделается, так как инерция сложившихся форм огромна.

Существует мнение, что лучше всего может выразить сегодняшний день художник, находящийся меж двух стихий — художественного творчества и научно-технической деятельности. Каково ваше мнение?

Не знаю, где такое мнение «существует», но, во всяком случае, его не разделяю. Напротив, наиболее важные, интересные произведения о современности написаны авторами, не находящимися меж этих двух стихий.

Считаете ли вы случайным для себя такое вот «раздвоение» ?

Случайным в той же мере, как все случайно в жизни. Я стала математиком, следуя по стопам отца, человека этой профессии. В нашей семье традиционным был и интерес к литературе, все мы что-то писали. Писать я начала очень рано, печататься — поздно. Думаю, популярность моих учебников и монографий связана с тем, что они написаны, так сказать, «пером романиста». «Раздвоения» как такового я не чувствую; скорее это два аспекта одной и той же деятельности (как, скажем, проза и стихи для некоторых писателей).

В вашей профессии (или профессиях) помогает или мешает то, что вы женщина?

Безусловно, мешает, потому что именно на женщину падает у нас самая большая, часто непереносимая нагрузка,

Вы — писатель, ученый, педагог... Но вы женщина, мать. Не стоит и спрашивать, трудно ли это сочетать. Но как удается?

Очень просто,— не удастся. Еще Козьма Прутков говорил: «Никто не обнимет необъятного». Я не верю в реальность плакатного образа женщины, которой удастся все: она и активная общественница, и передовик производства, и в театры-то она ходит, и на выставки, и много читает, и дома-то у нее ни пылинки — чистота и порядок, и дети-то отлично воспитаны... Может быть, такие женщины и есть, но я лично таких не встречала и сама к ним отнюдь не принадлежу. По-моему, в попытках «объять необъятное» непременно что-нибудь страдает —или работа; или дом, или то и другое вместе. У меня лично страдал дом. То, что мои дети выросли порядочными людьми, я себе в заслугу не ставлю. Просто обстоятельства сложились так, что было кому мне помогать — бабушки, няни (ныне последняя категория почти «вымерла»).

⁶³ ДУБНА Наука. Содружество. Прогресс. № 10. 6 марта 1983 г.

На ваш взгляд, изменилась ли сегодня, в век НТР, роль женщины в обществе?

Безусловно, и не к лучшему. На нее стали взваливать самые тяжелые физические работы. Стоит посмотреть, как таскают тяжести или ворочают шпалы женщины, а мужчина стоит себе, командует.

Положительные и отрицательные стороны такого изменения?

Вижу куда больше отрицательных, чем положительных. В частности, угрожающей стала «феминизация» многих профессий (врачи, учителя школы почти сплошь женщины). Это не может не сказываться на постановке дела здравоохранения и на воспитании детей. Сплошь женские коллективы зачастую нервозны, взвинчены, озабочены (каждая из женщин несет, кроме трудовой, еще и бытовую «повинность» и не успевает «объять необъятное»). Плохо, по-моему, создавшееся положение, когда фактически главой семьи оказывается не муж, а жена. Пресловутая «женская эмансипация», открыв женщине в принципе дорогу к любой профессии, не сделала ничего, чтобы освободить ее от тягостей быта.

Положительные черты прокладывают себе дорогу медленно и вяло. Та же служба быта очень плохо приспособляется к истинным нуждам женщины. В дошкольных учреждениях (детские сады, особенно ясли) дети часто болеют, матери пропускают работу. Кое-что в деле улучшения всех этих видов обслуживания делается, но, ох, как медленно и, ох, как не везде!

Я, разумеется, далека от того, чтобы подвергать сомнению женские способности, женские права. Любая может выбрать себе тот путь в жизни, который ей больше по душе. Любой путь, но не все пути сразу. К сожалению, сегодня у нас положение «просто женщины» — хозяйки дома, матери, воспитательницы детей — не престижно. А надо бы сделать его престижным. Пора, наконец, понять, что это — тоже работа, и очень важная, что ее нужно уметь делать, что для этого требуются выучка, настойчивость и напряжение сил не меньше, чем для овладения любой профессией.

Существует ли «женская» и «мужская» проза?

Существует хорошая и плохая проза, и образцов той и другой немало в творчестве представителей обоих полов. Однако есть некоторые оттенки. Мне кажется, философическая проза свойственна больше мужчинам; что касается женщин, то им лучше удастся воспроизвести тонкие оттенки чувств, преимущественно женских. И о детях женщины пишут, как правило, лучше мужчин. Но на этих положениях я не настаиваю. Между прочим, я не люблю, когда мужчина-писатель пишет от лица женщины или женщина — от лица мужчины. Единственный плохой роман Л. Толстого — это «Семейное счастье», написанный от лица женщины.

Какой женщине на свете вы завидуете?

Худой.

А какие качества, на ваш взгляд, обеспечивают человеку успех в достижении цели?

Успех бывает разный — внешний и внутренний. Для достижения внешнего успеха важно уметь ловить конъюнктуру, понимать, что сейчас нужно, уметь «пробивать» дела. Для внутреннего успеха важнее всего лошадиное терпение, умение работать, не щадя себя.

Ставили ли вы перед собой в молодости определенную цель? Удалось ли вам осуществить задуманное?

Выбирая профессию математика, я прекрасно оценивала свои возможности и никогда не мечтала быть крупным ученым. Но о выборе этой специальности не жалею. Писать я начала без определенной цели, просто по внутренней потребности, и тоже знала, что крупным писателем я не стану. И то, и другое оказалось верным. Я более чем скромно оцениваю свои достижения как в той, так и в другой области. Считаю, что мне досталось известности и там, и тут больше, чем я того объективно заслуживаю.

ПИСЬМО ВЕНИАМИНА КАВЕРИНА

Дорогая Елена Сергеевна!

Позвольте мне прежде всего извиниться – нездоровье помешало мне прийти на Ваш вечер.

Мне кажется, что на свете существует некий "дух разлуки", который занимается главным образом тем, что мешает людям встречаться друг с другом. Уж не о нём ли написал Мандельштам:

Я изучил науку расставанья

В простоволосых жалобах ночных.

Так или иначе, я подозреваю его в том, что он мешает нам, когда сговариваясь о встрече – по телефону или даже лично – мы так редко видим друг друга. А если видим – только среди множества людей, которые не имеют никакого понятия о том, как много мы могли бы сказать – Вы – мне, а я – Вам. Ничего другого не остаётся, как попытаться вообразить эту встречу – ведь мы, взяв в руки перо, сталкиваемся прежде всего с воображением. Итак, если бы мы встретились, наконец, что сказали бы мы друг другу. Я думаю, что ради приличия мы прежде всего спросили бы о здоровье. Впрочем, может быть, не только ради приличия. Стрелки часов неумолимо бегут по кругу циферблата, поэтому вопрос о здоровье имел бы свой, особенный, я бы сказал профессиональный смысл. Он означал бы нечто вроде: "Как Вам пишется? Не мешает ли нездоровье?" И я сказал бы, что работаю почти каждый день, иногда, к сожалению, не без труда справляясь с головной болью. Так незаметно мы перешли бы к тому, что равно интересует и Вас и меня: к нашим книгам. И я не стал бы спрашивать Вас о том, какой волшебный мост соединяет Вашу прозу с Вашей наукой. Знаете ли Вы, что при Академии Наук существует комиссия, которая много лет занимается этим вопросом? Чтение Ваших книг, мне кажется, помогло бы делу. Что касается меня, то я – верный ученик Юрия Тынянова – ясно представляю себе, как наука помогает превращать знание в сознание. Опираясь на воображение, она ясно видит то, чего ещё никто не видел. Она способна превратить невообразимо-странное в неотразимо-обыденное, мало отличающееся от воздуха, которым мы дышим. Не на Вашей, так уж, без сомнения, на моей памяти появилось чудо радио, телевизора, космических полётов. И всё это, трудно поверить, тесно связано с нашей воображаемой встречей.

Я спросил бы Вас, над чем Вы сейчас работаете, причём это был бы, так сказать, личный, персональный вопрос, потому что в нашей литературе не много писателей,

которые так убедительно ставили бы знак равенства между своими книгами и своей личностью, как это делаете Вы. Волей-неволей Вы как бы вкладываете себя в каждую страницу, убедительно доказывая, что быть мужественным – интереснее, чем трусом, заниматься своим делом с любовью интереснее, чем преодолевая равнодушие, беспечность, традиционную русскую лень.

Вы рассказываете о своих героях, и они становятся похожими на потерянную и вдруг с радостью найденную любимую вещь. Множество нераскрытых, смутно знакомых людей толпятся вокруг нас. Вы заставляете читателя узнать и оценить их. Дамские мастера, вдовы, наказанные судьбой справедливо или несправедливо, офицеры, глядящие прямо в глаза грядущим испытаниям, рабочие, учёные – подлинные и мнимые, о которых рассказано в повести "Кафедра". Вы заставляете читателя задуматься над ними и следовательно – над собой. Пожалуй, можно сказать, что эта черта всегда была характерна для русской литературы. Вы присоединили к ней острое чувство современности, о которой Вы пишете с проницательным знанием дела, и, мне кажется, этому помогает не только Ваша природная наблюдательность, но и необходимость быть наравне с эпохой. А ведь это, как раз, неотъемлемая особенность науки. Науке не суждена вечная молодость, граница между вчерашним и сегодняшним днём всегда остаётся для неё роковой, неизбежной.

Может быть, здесь и таится загадка волшебного моста, связывающего Ваши книги с Вашей наукой. Подлинная литература берёт пример с подлинной науки. Высокий уровень второй подсказан высоким уровнем первой.

Но вернёмся к нашему воображаемому разговору. Вы рассказали бы мне о своих новых замыслах и спросили бы: "Ну, а Вы? Над чем работаете в эту затянувшуюся пору наших "невстреч"? Мы поговорили бы о том, что наши писатели плохо знают собственную литературу, забывая о том, что мы лишь "продолжение следует", и что наши предшественники и учителя в XIX веке писали лучше, чем мы, и что надо много и долго работать, чтобы добраться до хорошей прозы. Пожалуй, Вы тоже сказали бы, что не верите в магическое возникновение таланта. Помните, мы с Вами говорили о том, что для того, чтобы научиться писать хорошую прозу, нужно учиться 15-20 лет. Ну а Лермонтов? Сколько лет ему было, когда он написал "Тамань"?

– Гениальный писатель – сказали бы Вы – и XIX век. Другой интеллектуальный уровень, и главное – совершенно другой читатель.

Потом мы заговорили бы о сюжете – моя любимая тема. Не находите ли Вы, что сюжет – могучее оружие лучших писателей Запада – неуклонно катится вниз по

нисходящей, и что мы беспечно отдали телевидению то, что помогает рисовать характер, строить архитектуру прозы, делает её проповеднически-высокой?

В эту или в другую минуту нашей воображаемой встречи Вы незаметно, чтобы не обидеть меня, посмотрите на часы и немного погодя скажете, что Вас ждут на кафедре – на той, которая так талантливо рассказана в Вашей повести, или на другой – это не имеет значения. И мы, пожелав друг другу здоровья и счастливой работы, расстанемся на этот раз, может быть, для не воображаемой, а подлинной встречи.

Всего, всего доброго.

Ваш

В. Каверин

10/1 1982

ПИСЬМО МАРИАННЫ ГРОССМАНН

Многоуважаемый профессор Вентцель!

Разрешите мне Вам представиться. Меня зовут Марианна Гроссманн. Я родилась 1937 г. в маленьком городе на Одере Фюрстенберг. После окончания учебы в университете я вышла замуж за математика и живу в настоящее время в Берлине. Почему я Вам пишу?

Мне хотелось бы писательницу Елену Сергеевну Грекову поблагодарить за все ее романы и рассказы, которые она написала. Они великолепны!

Мне известно, что Вы – математик, и это меня особенно волнует. С каким душевным чутьем описываете Вы людей в Ваших произведениях! Я рада, что в издательстве Народ и мир вышла еще одна Ваша книга – "Витвендамрфер"⁶⁴, я надеюсь, что у нас будут напечатаны и другие Ваши произведения.

Я высылаю Вам маленький рисунок, выполненный моим отцом Эрихом Вентцелем до 2 Мировой войны. Мой отец во время этой ужасной войны пропал без вести. Я шлю Вам этот маленький рисунок, с надеждой, что он принесет Вам маленькую радость. В тоже время – этот рисунок – моя скромная благодарность за прекрасные часы, которые я пережила, читая Ваши книги. Я желаю Вам дальнейших творческих успехов и хорошего здоровья.

Марианна Гроссманн

Ваша Марианна Гроссманн 1.3.1984 г. /урожденная Вентцель/

⁶⁴Witwendampfer (нем.) – Вдовый параход.

ПАМЯТИ Е.С. ВЕНТЦЕЛЬ

Спустя совсем немного после своего 95-летия в Москве умерла ученый-математик Елена Сергеевна Вентцель – доктор технических наук, профессор, автор классического учебника по теории вероятностей, многих десятков научных работ (и называла себя "научный работник" – а кто ученый, кто нет, время рассудит)... Давно ли, вспомните, вы встречали в газете или журнале слово прощания с математиком, химиком, инженером, врачом?.. Иное дело – музыкант, актер или писатель: ведь это несет утраты культура. Так ли? В Советском Союзе середины века, где гуманитарная и творческая интеллигенция за три десятка лет частью была истреблена, частью выродилась в идеологическую службу режима, "физики", "младшие научные сотрудники" выходили на авансцену культурной и духовной жизни не по веяниям моды, возвестившей "век НТР", а по необходимости внутреннего устройства: открывать новое, проникать за казавшиеся прежде незыблемыми пределы, подвергать сомнению непреложные истины – освоив эти навыки на рабочем месте, разве не естественно вынести их "за проходную", в повседневность и в сферу жизненных убеждений? А чтобы разобраться в этом – разве не естественно попытаться сперва описать и осмыслить жизнь "за проходной", внутренний мир обитателей НИИ и КБ? Так в начале 60-х из зрелого математика родился молодой писатель – прозаик И.Грекова. И в псевдониме, образованном от названия буквы "игрек", обозначающей в уравнении одну из искомых величин, – та же мысль: искать в человеке неизвестное, учиться определять его подлинную величину.

Первая прогремевшая вещь И.Грековой, опубликованный в 1962 году в "Новом мире" рассказ "За проходной", – во многом плоть от плоти советского производственного очерка про трудовой энтузиазм. Но уже здесь герои писательницы – живые, и хорошо понимающие, чего стоит трудовой энтузиазм по-советски (потому и возникает весьма острая по тем временам сцена, когда забредшему корреспонденту докладывают о производственных успехах в издевательски-казенных, пустых и безликих выражениях). Чтобы делать дело – надо быть личностью. Этим и выбивалась проза И.Грековой из советского ряда: в ее "трудовых коллективах" не было людей-функций, винтиков социального механизма. И невероятные идеи, и житейская неустроенность, и желание любви у каждого из ее персонажей оставались собственными, частными и особыми. Тем

⁶⁵ "Русская мысль", 2002, №4406 (25 апреля)

легче было писательнице при необходимости выйти с привычного поля институтской кафедры или испытательного полигона в стены коммунальной квартиры: поздняя повесть "Вдовый пароход" – скорбная хроника нескольких людских судеб, одинаково искалеченных жизнью, но неизменно обнаруживающих в укромном уголке души источник тепла и света.

Прозу И.Грековой нельзя назвать диссидентской – хотя одна из ее книг, повесть "Свежо предание", и прождала публикации былинные 33 года (там Елена Сергеевна с редкой убедительностью раскрывает тему сколь несчастную, столь и опасную – русского еврейства, в котором сосредоточена, может быть, самая суть русской духовной и интеллектуальной жизни: неспроста главный герой повести – как бы тезка толстовского, Константин Левин). Но и в каждом ее сочинении, более или менее благополучно изданном в СССР, что-нибудь непременно было "не так". Взять хотя бы переходящий из одной книги в другую образ очень немолодого человека прежней, дореволюционной еще закалки, с трудом вписывающегося в новый духовный и культурный пейзаж, возникший на выжженной репрессиями советской земле, – эта связь с прошлым, с истинной, глубокой культурой всякий раз оказывается у И.Грековой невероятно притягательна (самый выразительный из этих образов – генерал Сиверс в повести "На испытаниях"). Вообще И.Грекова была на редкость верна себе в своем творчестве: если уж ее волновал какой-то тип личности, какой-то психологический сюжет (скажем, сюжет взаимоотношений женщины-ученого со своими детьми-подростками, которым достается не так много внимания, как хотелось бы, – явно автобиографический, как и многое еще у писательницы), то она возвращалась к нему снова и снова, не боясь повторять отдельные мелкие черты, но в конечном счете оборачивая каждый раз по-новому...

Проза И.Грековой аскетична, не балует лишними красками. "У нас дело чести – не говорить лишних слов," – объясняла она, апеллируя к мировосприятию своего изначального цеха: математиков, ревнителей точности формулировок и строгости мысли. Тем ярче – и всегда к месту – вспыхивают на ровном, лаконичном фоне ее письма находки: как в раннем еще рассказе слепой юноша просит товарища описать внешность девушки – и тот отвечает: "Она похожа на три розы сразу" (а раньше про нее же говорят: "Похожа на три пирожных сразу" – но влюбленному товарищу герой этого сказать не осмеливается).

Есть литература, призванная открывать новые пути, учить современников и потомков новому видению. Есть литература, чья участь – обслуживать нетребовательный спрос, повторяя зады. И есть еще литература, которой по плечу особая миссия: свидетельствовать о своем времени и о людях, которые составляют его соль. Место этой

литературы может показаться скромным – но страшно подумать, какая могла бы на ее месте быть пустота. Спасибо, Елена Сергеевна, что это место не осталось пустым.

*ВСЕ, ЧТО ТАЛАНТЛИВО И ПРАВДИВО...*⁶⁶

Из Москвы пришла печальная весть: скончалась замечательная русская писательница И. Грекова (Елена Сергеевна Вентцель). Ушла из жизни одна из последних участниц той прекрасной команды, которая составляла авторский актив "Нового мира". Я имею в виду, конечно, "Новый мир" А.Т. Твардовского, который был главным редактором журнала дважды, с 1950 г. по 1954 г. и с 1958 г. по 1970 г. (в редакции это привычно называли первым и вторым "сидением").

Имя И. Грекова впервые появилось на страницах журнала в 1962 году - так был подписан рассказ "За проходной", который принесла в редакцию всеобщая благодетельница (вернее – добродетельница) писательница Фрида Абрамовна Вигдорова⁶⁷, близкий автору – и журналу – человек. Я тогда работала в отделе критики, но, естественно, интересовалась всем, что происходило в других отделах, особенно в отделе прозы, где трудилась моя давняя, еще с ИФЛИЙских времен, подруга Анна Самойловна Берзер.

– Кто такая эта Грекова? - спросила я.

– Да не Грекова, а именно И. Грекова, то есть от слова "игрек" -неизвестная, неужели не догадалась? – был ответ. – Это же псевдоним – иначе нельзя. Она – крупный ученый, профессор, математик, специалист в области теории вероятностей. Работает в важном военном учреждении. Там это не позволяется.

Рассказ этот – о закрытой научной лаборатории, о быте, разговорах и мыслях молодых ученых, написанный и серьезно и весело, как бы изнутри этой жизни – привлек всеобщее внимание. Через год, в 1963 году, редакция получила от автора новый рассказ "Дамский мастер", который уже вообще всех покорила. В нем особенно ярко сказались характерные черты стиля Грековой – дотошное знание реальной будничной жизни, острая наблюдательность, необыкновенно тонкий слух на живую разговорную речь, юмор – и серьезная мысль, возникающая из внешне незатейливого повествования. Ну что, казалось бы, можно выудить из рассказа некоей московской дамы про знакомого парикмахера, у которого не сложились отношения с начальством и который был вынужден уйти с

⁶⁶ «Панорама» (США), 2002, 24-30 апреля.

⁶⁷ Ф.А. Вигдорова (1915 – 1965) – писатель и публицист, автор трилогии о директоре детского дома «Дорога в жизнь», «Черниговка» и «Это мой дом», нескольких книг очерков о человеческих судьбах, сделала запись суда над Иосифом Бродским, широко распространявшейся в самиздате.

работы? А мысль-то, к которой неназойливо подводил автор, состояла в том, что нет, не находит себе места талант, да и не нужен он, в сущности, тому миру, в котором мы все тогда жили. Всем своим строем проза Грековой очень точно совпадала с негласной внутренней программой журнала – ее, мне кажется, лучше всего можно понять из слов Твардовского: "Всё, что талантливо и правдиво в искусстве, – нам на пользу". Появление на страницах журнала правдивых картин настоящей, невыдуманной жизни (а для этого надо несомненно обладать талантом), пусть это будет даже в небольшом, без всякой политической подоплеки рассказе, исподволь, постепенно меняло в те времена самосознание читателей, ломало стереотипы официального мышления, было неким революционизирующим фактором. Вот почему Елена Сергеевна сразу, после этих двух рассказов, была признана истинно новомирским автором.

А потом, в 1967 году, появилось еще одно ее произведение, повесть "На испытаниях". Тут уже описывались порядки в местах поважнее парикмахерской – на военном полигоне сталинских времен. Публикация эта вызвала яростный гнев вышестоящих сил. На Елену Сергеевну обрушились и политуправление армии, и родная академия, где она проработала более тридцати лет. Ей, подобно ее герою парикмахеру, пришлось искать себе другое место.

Постепенно, не бросая своей научно-преподавательской деятельности, она стала профессиональным литератором, была принята в Союз писателей. У нее вышло несколько книг – сборник рассказов, повести, романы. По одной из ее повестей – "Вдовый пароход" театр имени Моссовета поставил спектакль. Театр хорошо передал атмосферу повести, где щемяще точно была нарисована картина военной и послевоенной Москвы, огромная зачуханная коммуналка, выведены, с пониманием и любовью, судьбы нескольких женщин со всеми их бедами и горестями. Спектакль получился очень сильный, на него, помнится, бегала тогда вся Москва.

Много позже мне довелось поработать вместе с Еленой Сергеевной над ее рукописью. Это было в 1978 году, уже после разгона "Нового мира" Твардовского. Будучи теперь, после увольнения, внештатным редактором отдела прозы, я должна была подготовить к печати ее повесть "Кафедра". Надо сказать, что работа над повестью не потребовала от меня больших усилий. Высоко ценя великолепный язык и стиль Елены Сергеевны, я ничего не собиралась менять в рукописи, "улучшать" ее или "убирать аллюзии". Просто я внимательно прочитала текст, взглянула на него, что называется, свежим глазом, обратила внимание автора на некоторые произвольные повторы или длинноты, в основном же все дни, отведенные на редактуру, мы много разговаривали. Елена Сергеевна рассказывала о тех реальных событиях, на которых строился сюжет, о

проблемах, которыми она занималась в своем институте и вообще о том, что происходит вокруг нас. Все это говорилось очень умно и при том так остроумно, что мы, при всей серьезности затрагиваемых тем, часто хохотали.

К сожалению, я не вела дневника и не записала всего того, о чем тогда шла речь, но впечатление от не слишком долгого, но достаточно тесного общения с этой необыкновенно умной и обаятельной женщиной у меня сохранилось навсегда. Как навсегда я запомнила еще один эпизод.

Это было в самом начале 1966 года, когда мы, новомирцы, отмечали сорокалетие со дня выхода журнала с таким названием (он – при разных редакторах – выходил с 1925 года). Юбилей праздновался в Доме журналистов. В числе гостей, помимо очень небольшого количества начальствующих писателей, был весь цвет тогдашней неофициозной литературы – Некрасов, Домбровский, Панова, Берггольц, Тендряков, Бакланов и Бондарев (еще не разошедшиеся в противоположные стороны), Синявский (еще не опальный), Самойлов, Ржевская и, конечно же, Елена Сергеевна. На банкете она была посажена за "главный" стол, рядом с Твардовским. И вот передо мной стоит эта картинка: бок о бок с большим, крупным Александром Трифоновичем сидит невысокая, красивая, хорошо одетая женщина, совсем не ассоциирующаяся с образом ученой дамы, такого сухаря в юбке. Твардовский, наклонившись, что-то говорит ей, а она, отвечая, смотрит на него и вокруг блестящими, сияющими глазами и улыбается своей замечательной улыбкой...⁶⁸

⁶⁸ Есть сообщение Григория Свирского об одной из бесед Твардовского и Е.С. «Однажды, когда И. Грекова сидела за столом президиума, Александр Твардовский шепнул, наклонясь к ней, что пора ей окончательно уходить в литературу, так как она давно уж профессионал. И. Грекова ответила что-то, и оба расхохотались, и она, и Твардовский. Оказалось, она ответила своему редактору: "Мне? Профессионально — в литературу? Да это все равно, что мне, солидной женщине, матери троих детей, предложить пойти на панель!"»

*МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ*⁶⁹

Её миг длился 95 лет и 25 дней. 15 апреля остановилось её прекрасное сердце. 18 апреля состоялась кремация...

Я не хочу писать некролог – такие звёзды не падают, такие люди не умирают насовсем. Тем живущим, которым досталось их сияние в прошлом, оно будет сиять и в будущем. Это чувство люди называют путеводной звездой. Оно остается в душе как внутренний компас.

Елена Сергеевна Вентцель, урожденная Долгинцева, – поэт в математике и математик в поэзии, вернее – в прозе, да ведь и проза-то её поэтична. Ей, по словам Пушкина, кажется, удалось поверить алгеброй гармонию: каждое слово в её рассказах, повестях, романах – выверено и поставлено к месту с математической точностью, как икс и игрек в формулу, отчего и звучит её проза, как идеально настроенный музыкальный инструмент. Икс и игрек: Игрёк – её литературный псевдоним: И.Грекова.

И в математике, где она профессор Вентцель, ею был выбран для себя раздел весьма поэтичный – теория вероятностей. Среди множества её научных трудов (она была доктором технических наук) учебник по теории вероятностей был и надолго останется востребованным студентами всех технических вузов. Не говоря уж о богатстве содержания, мало есть учебников, написанных не сухо, а так интересно и высокохудожественно.

Елена Сергеевна преподавала на факультете вооружения Военно-воздушной академии им.Жуковского. Там же работал и её муж – выдающийся ученый Дмитрий Александрович Вентцель. Он был начальником кафедры баллистики, профессором, доктором технических наук, генерал-майором авиации. Об этих замечательных людях любовно писал в «Литературной газете» (18-24 июля прошлого года) их ученик, бывший слушатель академии Виктор Николаевич Гастелло, сын легендарного летчика. О них тепло вспоминали собравшиеся на траурную церемонию в Москве 18 апреля. Таких людей всегда было мало и, боюсь, вероятность появления им подобных в нынешних российских условиях невелика. Единственная надежда – их ученики, их школа. Да еще люди, которые читают и будут читать книги И.Грековой.

⁶⁹ «Новое русское слово», 2002 г.

Она родилась в 1907 году в Ревеле (теперь Таллинн). Потом семья переехала в Петербург. Отец преподавал математику, мать – словесность. Их дочь стала сочинять рассказы с пяти-шести лет, но пошла всё же по отцовской стезе, хотя страсть к словесности подспудно в ней жила и, прорвавшись на шестом десятке лет, сразу сделала её популярнейшим автором.

Дмитрий Александрович Вентцель родился в 1898 году; его предки со стороны отца были немцами, предки со стороны матери принадлежали к старинному дворянскому роду. Все знавшие его удивлялись многогранности таланта, широте эрудиции и интересов этого человека. Он рано умер, в 1955 году. Его чертами Елена Сергеевна наделила ряд героев своих литературных произведений, особенно же генерала Сиверса в повести «На испытаниях».

Эта повесть о буднях ракетного полигона, написанная очевидцем, более того, участником испытаний, и – отнюдь не по парадным канонам, возмутила ГлавПУР. «Где вы видели пьяного офицера?» – терзали её. На Елену Сергеевну, беспартийную, в парткоме академии завели персональное дело. Она мужественно отбивалась. Как раз подошел срок очередного профессорского конкурса, она победила, но после этой победы демонстративно подала заявление об увольнении и ушла из академии, в которой проработала 30 лет.

Конечно, такому профессору были бы рады в любом вузе столицы. Она выбрала Московский институт инженеров железнодорожного транспорта. Не было бы счастья, да несчастье помогло: после боя с тем генеральским парткомом Елена Сергеевна стала отдавать литературе ещё большую часть своей жизни.

О, как мы зачитывались ее повестью «Кафедра»! Особенно же преподаватели вузов, аспиранты и студенты. Такого откровения, понимания, такой жизненной правды раньше не было. И.Грекова, едва появившись на литературном горизонте, сразу стала знаменитым и любимым писателем, очень близким и понятным читателю, в то же время стократ больше видящим, высоким, которому как бы «сверху видно всё». Её имя уже искали.

«Кафедра» была опубликована в 1978 году, «На испытаниях» – в 1967-м. А еще в 1961-м Александр Трифонович Твардовский, главный редактор «Нового мира», написал на рукописи рассказа И.Грековой «За проходной»: «Автора надо иметь в виду. У него есть перо».

Есть перо! Золотое перо. Я сейчас перечитал этот рассказ. Читая, записывал то, что могло подвигнуть не склонного к комплиентам Твардовского на такую резолюцию.

Набралось много цитат, одна другой лучше, так что и выбрать трудно, а для всего не хватит здесь места.

Многолетняя сотрудница редакции «Нового мира» Калерия Николаевна Озерова помнит, что рукопись рассказа И.Грековой «За проходной» принесла в «Новый мир» писательница Фрида Абрамовна Вигдорова, дружившая с Еленой Сергеевной. Да, та самая, что позже сделала облетевшую весь мир запись суда над Иосифом Бродским, за что подверглась гонениям со стороны властей, может быть, в конечном счете, стоившим ей жизни.

Стоит упомянуть здесь ещё и Василия Гроссмана. В том же 1961-м Александр Твардовский предпринял попытку опубликовать его роман «Жизнь и судьба». КГБ немедленно арестовал рукопись и извёл ее автора, скончавшегося в 1964-м в возрасте всего 59 лет. Поэтому, когда в 1962-м Елена Сергеевна принесла в «Новый мир» свой роман «Свежо предание», Александр Трифонович запер рукопись в сейф, опубликовать и не попытался, ибо тема была неприкасаемая, откровенно антисоветская – государственный антисемитизм в СССР, в «стране дружбы народов».

Роман «Свежо предание» увидел свет только в 1995 году, и то не на родине, а в США, в издательстве «Эрмитаж».

«Он дожидался встречи с читателем, – писала в послесловии к роману Руфь Зернова, – сказочный, былинный срок – тридцать лет и три года». Она диву далась, узнав, что этот роман был принесён в «Новый мир» ещё в том далёком 1962-м.

«Что это было? Наивность? Простодушие? Вызов? Пожалуй, скорее всего – вызов:»

Елена Сергеевна не была наивной, она всё хорошо видела. Лучше многих евреев, предпочитавших закрывать на правду глаза. Она понимала, какие силы обрушились бы на неё в случае опубликования романа. Тем не менее: нет, тем более рвалась она в бой. Она не знала страха в борьбе за правду и честь. Сердечное ей за это спасибо.

Роман «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана был опубликован за границей через 19 лет, на родине – через 27 лет.

Роман И.Грековой «Свежо предание» увидел свет через 33 года (на родине – через 35 лет). Хорошо хоть при жизни автора! Роман пронизан глубокой симпатией к еврейскому народу, болью за его трагическую судьбу, хотя написан он русским человеком. У Гроссмана болезненная тема антисемитизма тоже сильна, но это понятно: Гроссман – еврей. Юрий Нагибин не еврей, но всю жизнь считал себя евреем, а главное, все другие так считали, поэтому его отчаянная «Тьма в конце туннеля» тоже легко объяснима. А вот русская женщина с немецкой фамилией Вентцель – она-то чего так

встрепенулась? Да не сейчас, а давно, еще в те годы, когда говорить об этом вслух было просто опасно. А она не то, что заговорила – закричала об антисемитизме. Закричала о нем не только как о еврейской – как о русской беде. Она смело выступила как благородная хранительница доброго имени русского человека. Многим русским патриотам (среди которых есть и крупные писатели) этого благородства, к сожалению, не хватает. Оттого и покидают Россию еврейские семьи. Когда их потомки спросят, почему они здесь, почему не в России, пусть кто-то даст им прочесть «Свежо предание», эту «Сагу о Левиных», как я назвал этот роман в одной из своих давних публикаций.

Тиражи книг, на титуле которых значится «И.Грекова», теперь значительны и, несомненно, будут расти. Как на родине автора, так и в других странах, на русском и в переводах на многие другие языки. Передо мной сборник «На испытаниях» (М., 1990) с тринадцатью её произведениями и книги, изданные в конце девяностых: роман «Свежо предание», сборники избранных повестей и рассказов «Дамский мастер» и «Вдовый пароход». Последние выпущены московским издательством «Текст» в серии «Классика XX века». Мало кого при жизни признают классиком. Ей эта честь досталась по праву.

Прочитую всё же хоть кусочек из выписок, сделанных по ходу чтения рассказа «За проходной»: «Странная все-таки штука – искусство. Мы замечаем его, когда оно выражено в больших вещах. Но ведь изо дня в день мы живем в окружении мелких, забываемых, проходных вещей, которые в каком-то смысле тоже искусство. Взять, например, спичечные коробки. Ведь на каждом из них что-то нарисовано. Кто-то делал этикетку, старался, чтобы было хорошо, красиво. А спроси своего соседа: что нарисовано на коробке, который ты сегодня десять раз вынимал из своего кармана? Не скажет: Какая судьба: плодить красоту, чтобы её не замечали! Страшная судьба! Такой ли судьбы я хочу?..»

Так в рассказе И.Грековой размышлял молодой паренёк, научный сотрудник закрытой лаборатории. Вместе с ним размышлял и автор.

О, Елена Сергеевна, Ваше наследие и красота Ваша остались людям, и судьба, которую Вы для себя избрали, благословенна. Кому случится побывать в Москве, загляните, пожалуйста, на кладбище, что рядом с Донским монастырем, где будет покоиться её прах.

Земной ей поклон и светлая память.

"ВДОВИЙ ПАРОХОД"

Государственный русский драматический театр Литовской ССР, Вильнюс, 1983 г. Постановка заслуженного деятеля искусств Литовской ССР и Карельской АССР, лауреата Государственной премии Литовской ССР И.П. Петрова. Художник А.В. Сиротин.

... Пятый номер “Нового мира” за 1981 год зачитан в библиотеках до дыр. Там напечатана повесть И. Грековой “Вдовый пароход”...

...Ведь речь и в повести, и в спектакле вильнюсского театра идет о том поколении женщин, которое вдосталь хлебнуло самого страшного нечеловеческого горя...

... Композиция спектакля напоминает групповой портрет, где каждая из героинь увидена крупным планом. И в каждой сквозь внешнее постепенно проступает душевная суть. Она-то и объединяет, собирает их в общий узел...

... Память о прошедшем нужна нам не только как поучение и урок. Она – основа и почва нашей жизни. Будем же, сострадая, помнить о тех, кто в пору Великой войны все выдержал и победил. На фронте. За линией фронта. На оборонном заводе. Но и в самой обыкновенной “коммуналке” тоже.

... Чтобы еще раз прикоснуться к этому прошлому, читаем мы повесть И. Грековой и идем на спектакль Русского драматического театра Литовской ССР.

Борис Владимирский ("Вечерняя Одесса", 11 июля 1984 года)

Театр имени Моссовета, Москва, 1984 г.

Постановка Г.Н. Яновской. Художник А.В. Коженкова.

Анфиса О.М. Остроумова

Вадим, ее сын

Флерова Г.С. Дашевская

Kana *Т.В. Бестаева*

Ада Э.П. Бруновская

Панька Н.М. Тенякова

Федор Ю.А. Кузьменков

... И я помню Ленинград, когда еще шли бои, когда только была снята блокада. Помню, как возвращались в город демобилизованные солдаты, помню первый послевоенный быт, когда кровать перетаскивали по комнате с места на место туда, где не протекал еще потолок...

Так вот, повесть И. Грековой не просто напомнила мне обо всем этом, она показала живой, до сегодняшнего времени вызывающий боль срез человеческих отношений...

Актеры, точнее актрисы, относились к работе с потрясающей самоотдачей. Сейчас модно говорить о любительских театрах. Дескать, там есть у актера желание играть, а в профессиональном театре – это обыденная работа. Ничего подобного. Дело в личности актера и в увлеченности материалом. Во всяком случае, я в этой работе столкнулась с высочайшим желанием и умением работать. А ведь были трудности. Один только пример. В пьесу мы превращали повесть. И иногда даже очень удачными эпизодами приходилось жертвовать, так как в спектакль они “не ложились”. Очень удачна в повести Евлампия. Интереснейшей работой была эта роль у артистки Наталии Теняковой. Но это была как бы вставная новелла – и мне пришлось отказаться от этого эпизода. И Тенякова принялась учить другую роль – электромонтера Паньки Зыковой. И как великолепно она сыграла ее.

Боялась, честно признаюсь, я встречи на спектакле с И. Грековой. Очень хотела ей показать работу и боялась. Дело в том, что я оставила в спектакле только шестерых героев. Больше для спектакля мне не было нужно. И меня поразило бескорыстие И. Грековой – она приняла нашу работу, поверила в такое прочтение прозы...

Генриэтта Яновская, интервью Евгению Голубовскому (“Вечерняя Одесса”, 27 октября 1984 года)

Государственный молодёжный театр "Творческая мастерская", Петрозаводск, 2000 г. Постановка заслуженного деятеля искусств Литовской ССР и Карельской АССР, лауреата Государственной премии Литовской ССР И.П. Петрова. Художник С.Ф. Терентьев.

... Мне бы хотелось вспомнить о кульминационном моменте московских гастролей, об особом, ярком успехе у столичной публики спектакля Петрова "Вдовый пароход"...

"Вдовый пароход" очень вырос с момента своего появления на сцене в апреле 2000 года. Всё это время Иван Петров продолжал напряжённо работать над редакцией спектакля, продолжалась работа над ним и в душах актёров. Во всей своей силе он прозвучал, по-моему, именно в Москве.

Иван Петров очень точно определил жанр своей постановки - "родительская суббота". В его "Вдовьем пароходе", наполненном ностальгической тоской по тому времени, по людям, вынесшим войну на своих плечах, есть трагически звенящая нота покаяния перед памятью отцов и матерей, покаяния, которое приходит так часто слишком поздно. Эти высокие, пафосные темы вырастают из сплетения простых и скорбных судеб героинь, таких живых и узнаваемых; из смеха и слёз послевоенной "коммунальной"

жизни! Московский зритель оказался необыкновенно чутким: казалось, зал ждал такого разговора театра с ним. Произошло то драгоценное, что бывает нечасто на спектакле и чего мы, зрители, так жадно ждём от театра: зал дышал со сценой единым дыханием; ловил настроение, эмоцию, рождающуюся на сцене, как резонатор, усиливал её и возвращал к актёрам волной благодарного зрительского понимания.

Именно в Москве стало очевидным, что наше с вами историческое "вчера" остро интересно сейчас зрителю, интересно не как "чернуха", а как желание понять, откуда мы; соприкоснуться с живым дыханием того времени...

**Анна Фаддеева (газета "Лицей (Культура. Образование. Семья)",
Петрозаводск, апрель 2001)**

К 60-летию победы в Великой Отечественной войне "Вдовый пароход" был поставлен в 2004-2005 гг. в целом ряде театров. Особняком стоит постановка в ашхабадском Государственном русском драматическом театре имени А.С.Пушкина: режиссер-постановщик – заслуженный деятель искусств России, режиссер Государственного академического Малого театра Владислав Константинов, художник – народный художник Туркменистана, заслуженный деятель искусств Хакасии Б. Амансахатов. Это была первая постановка в единственном русском театре Туркмении после того, как в 2004 г. театр был выселен из своего здания и переведен в дом культуры шелкопрядильной фабрики. Под заголовком "Редкий луч света в ниязовском мраке" сообщил об этой новости интернет-сайт оппозиционного туркменского политического движения "Ватан".

В этот же период появились постановки в Новгородском академическом театре драмы имени Ф.М. Достоевского (под названием "Скажи, что ты меня прощаешь", режиссер Олег Зарянкин), Днепродзержинском музыкально-драматическом театре им. Леси Украинки (режиссер заслуженный артист России Никита Ширяев), драматическом театре города Черемхово Иркутской области (главный режиссер театра Андрей Штейнер), Камчатском театре драмы и комедии и др.

МОЯ СВЕКРОВЬ

О Елене Сергеевне можно рассказывать часами (месяцами, годами?), можно написать книгу, и не одну. Я постараюсь здесь рассказать лишь о нескольких ярких, характерных эпизодах, причём таких, о которых, кроме меня, или никто не расскажет, или, по крайней мере, пока ещё никто не рассказал.

Как вошла в мою жизнь Елена Сергеевна? Моя мама⁷⁰ познакомилась с Еленой Сергеевной летом 1960 г. в доме творчества писателей в Комарове под Ленинградом. Е.С. тогда ещё ни строчки нематематической не опубликовала⁷¹ и была там по приглашению своей ближайшей, ещё со школы, подруги, Тамары Юрьевны Хмельницкой⁷², известного критика и покровительницы молодых ленинградских литераторов. Е.С. подошла к маме и спросила: «Ваша фамилия Вигдорова?»

– Да.

– А какое к вам имеет отношение Изя Вигдоров, который кончил Академию Жуковского перед самой войной и всю войну пролетал штурманом?

– Это мой брат.

Е.С. сказала: «Он был блестящим слушателем.»

Мама сказала: «Каков же мой брат, если его помнят через двадцать лет!»⁷³ И всё – Е.С. уже была для мамы близким человеком. Я же про это ничего не знала, Елены Сергеевны не видела, жила в августе тоже под Ленинградом, но в Зеленогорске у друзей, к родителям в Комарово заезжала только изредка. И Е.С. уехала в Москву перед началом занятий, и я к первому сентября засобиралась: и на занятия в университете, и на работу – отпуск кончился. Мама мне сказала: «Вот тебе письмо для такой Елены Сергеевны Вентцель, я с ней здесь познакомилась. Она живёт недалеко от нас, у «Динамо». Ты ей позвонишь, скажешь, что моя дочка, и что у тебя к ней от меня письмо. И занесёшь.»

⁷⁰ Ф.А. Вигдорова.

⁷¹ Если не считать рецензии в «Звезде» на кошмарную поэму Алексея Маркова «Михайло Ломоносов». Е.С. любила оттуда цитировать такие строчки:

Но вы ещё ведь не профессор,

И нету кафедры у вас?

Михал Васильевич отрезал:

«На ваш надеюсь смертный час!»

⁷² Т.Ю. Хельницкая (1906 – 1997) – литературовед и критик, ученица Виктора Шкловского и Юрия Тынянова по Институту истории искусств; Сергей Довлатов в книге «Ремесло» выразительно описывает попытку Хмельницкой помочь талантливому молодому писателю Риду Грачёву.

⁷³ Этот эпизод Е.С. сама описала в статье: И.Грекова. О Фриде Вигдоровой. Литературное обозрение, 1996 № 3 (257), стр. 66 – 67.

Что я и сделала. Звонила я Е.С. с работы. У нас была программистка с мехмата – Таня Данилова-Данильян. Когда я повесила трубку, Таня спросила: «Вентцель? Эта женщина имеет какое-то отношение к Тане и Саше Вентцелям, которые преподают на мехмате?» А мне, как говорится, «и ни к чему». «Понятия не имею, – говорю. – Сама с ней первый раз говорила и никогда не видела.» А сама думаю: «Мехмат? Вряд ли эта литературная (или окололитературная?) – раз в доме творчества была – дама к этим преподавателям имеет отношение.»

После работы приезжаю с письмом к Е.С.. Открывает она мне дверь и вместо того, чтоб взять письмо и меня отпустить, говорит: «Заходите, заходите.» Тут открывается в прихожую дверь из комнаты и входит молодой человек с голым младенцем на руках. «Саша, – говорит ему Е.С., – познакомься, это Саша Раскина» Молодой человек, с моей точки зрения, отец этого младенца (и ничего не ёкнуло в груди!), поздоровался, улыбнулся и пошёл с младенцем (племянником Серёжей Шрейдером) в ванную. А Е.С. говорит мне: «Пойдёмте, Саша, ко мне в комнату, поговорим» Ну что ж, занятия ещё не начались, родители ещё не приехали, я дома одна – можно и поговорить, только о чём мне говорить с этой литературной дамой? У меня – другие интересы!

Сели, Е.С. меня спрашивает, что я делаю, где учусь. Я сказала, что на филфаке, и хочу вот переходить на отделение математической лингвистики (так, я тогда считала, оно называлось). Е.С. оживилась, сказала, что её дочь училась на мехмате и одно время занималась математической лингвистикой под руководством профессора Ляпунова. Ну что ж, думаю, бывает. Вот Всеволод Иванов, Финн, Лахути – все писатели, а дети тоже пошли по математической лингвистике⁷⁴. Но Е.С. стала высказывать свои мысли про математику, что меня стало своей неуместностью раздражать, дошла до геометрии Лобачевского и сказала, что геометрия Лобачевского очень трудная. Ещё бы для литературной дамы не трудная! Этого я уже не вынесла и сказала буквально следующее: «И ничего не трудная. У нас в девятом классе был математический вечер, и я на нём делала доклад о геометрии Лобачевского. И я во всём разобралась.» Действительно, мне наша математичка дала какую-то брошюрку – и я оттуда всё, как мне казалось, поняла – и что сумма углов треугольника меньше ста восьмидесяти градусов (почему нет?), и что через одну точку можно провести сколько угодно прямых, параллельных данной (запросто!), – и всем на вечере это объяснила, и если не все, то уж отличники, конечно, всё поняли. Чего не понять-то? Не бином Ньютона.

⁷⁴ Всеволод Вячеславович Иванов (1895 – 1963) – писатель и драматург, Константин Яковлевич Финн (1904 - 1975) – писатель и драматург, Абулькасим Лахути (1887 – 1957 – иранский поэт, живший в СССР с 1922 г. Их сыновья Вячеслав Всеволодович (1929), Виктор Константинович (1933), Делир Гасемович (1934) стали известными специалистами по математической лингвистике.

Но тут Е.С. как-то вся раздулась (ей богу!) и говорит: «Не знаю, я кончала физико-математический факультет ленинградского университета, я доктор технических наук, и я нахожу геометрию Лобачевского трудной!»

Я уж не помню, как я унесла оттуда ноги, но точно помню, что никогда уже эту женщину, свидетельницу такого моего позора, видеть не хотела. Но приехала мама, ходила к Вентцелям в дом, Е.С. приходила к нам, – куда денешься?

Через месяц-другой мы уже дружили семьями. И вот наступил судьбоносный день. Оказалось, что Елена Сергеевна всю жизнь пишет. И она принесла маме почитать свой рассказ «Хозяева жизни». Про человека, который провёл много лет в лагерях и рассказывает о своей жизни случайной попутчице (лирической героине).

Мама потом рассказывала, что сначала она испугалась. «Понимаешь, – говорит, – бывает так: и человек замечательный, и рассказывает интересно, а потом оказывается, что он пишет, и он даёт почитать что-то своё и ждёт отзыва, а таланта писательского нет у человека – а как ему это сказать? И вот портятся отношения.» Ну, слава богу, тут совсем другая оказалась история. Рассказ на нас всех произвёл очень большое впечатление, и совсем не только темой, хотя вспомним: это был конец шестидесятого – ещё два года до «Одного дня Ивана Денисовича»! Но он написан был здорово: я, например, именно с тех пор помню, что там в поезде подают «холодное синеватое какао». И пошло. Следующий рассказ был «Жёлтый цветок». В книге рассказов 66 года он называется «Под фонарём» – как и вся книга. И тоже очень он всем нам понравился. Но почему-то – может, по инерции, первый-то рассказ был на сто процентов непечатный! – не было разговоров о том, что надо бы напечатать его. У «Жёлтого цветка» была интересная судьба. Е.С. мало кому давала читать свои рассказы. А моя мама, если что ей нравилось, давала читать всем своим друзьям – а их было множество. И вот подходит 66 год (мамы уже не было тогда...), собирает Е.С. книжку рассказов и не может найти «Жёлтого цветка». Черновики Е.С. вообще никогда не хранила, а тут и машинописного экземпляра не нашлось. И что же оказалось? Среди тех, кому мама давала почитать рассказ, была писательница Раиса Орлова⁷⁵. Её дочери Маше, тогда ещё школьнице, так понравился этот рассказ, что она взяла да и переписала его весь от руки в тетрадку. Вот в какую бескомпьютерную, да что там – догутенберговскую, эпоху мы жили! Тетрадку Маша сохранила, рассказ вошёл в книжку – в общем, рукописи не горят!

А вот такая история у рассказа «За проходной». (То был вклад Маши Орловой в русскую культуру, а тут уже – мой.) Его Е.С. написала специально для мамы, что называется, для внутреннего пользования, чтобы мама познакомилась с её, Елены

⁷⁵ Р.Д. Орлова (1918 – 1989) – прозаик, литературовед, жена писателя и переводчика Льва Копелева.

Сергеевны, средой, с её любимыми научными работниками, «технарями». Кстати, в «Словаре новых слов и значений» Горбачевича (это для семидесятых они были новые, теперь-то уж, наверно, устаревшие...) на слово «технар» пример приводится из И.Грековой.

Дело было весной 61 года. Мы с мамой сидели в комнате у Е.С. и читали «За проходной», передавая друг другу странички машинописи. Прочли. Понравилось нам обоим очень. Е.С. с мамой обсуждают рассказ, и вдруг я говорю: «Я хочу, чтоб это было напечатано!» Е.С. говорит: «Да бог с тобой! Как это может быть напечатано?» А мама говорит: «А вы знаете, можно попробовать. Я отнесу это Асе Берзер в «Новый мир», а она в подходящий момент покажет Твардовскому.» То есть путь, которым потом шёл друг Солженицына писатель Лев Копелев, относя в «Новый мир» рукопись под названием «Щ-854» – будущего «Ивана Денисовича». Может сейчас показаться странным: да что там такого в «За проходной», чтоб не напечатать? Можно сказать, лакировочный рассказ – о советских проектировщиках космических кораблей. Все такие хорошие, дружные, никто не стучит, все увлечённые, домой после конца работы не хотят идти (настолько невероятно, что веришь: наверно, было!), приходится выгонять. Так – да не так. Чиф – какой-то странный. Шуточки шутит какие-то неуютные. И вдобавок – немолодой и одинокий, недостаточно оптимистичный. Стихи Эренбурга приводятся – непонятные какие-то. И сам Эренбург – не поймёшь, «наш» человек или нет... Корреспондент пишет всё не так, как на самом деле, а так, как полагается по правилам – «танцует»; и т. д.. Если писатель талантливый, то даже и при саморедакторе правда будет вылезать явно или чувствоваться подспудно (Лев Толстой – как зеркало русской революции). А значит – проблемы с опубликованием. Как оно и вышло. Мама рассказ Анне Самойловне Берзер отнесла, той понравилось, в «нужный момент» она его Твардовскому подсунула, и ему тоже понравилось – а пролежал он в журнале год! Хотя и написал Александр Трифонович на рукописи: «Автора нужно иметь в виду на будущее. У него есть перо.»

Чтоб закончить с «За проходной». Е.С. написала его на волне спора о «физиках и лириках» между писателем Эренбургом и инженером Полетаевым, захватившего чуть не всю страну. Е.С., хотя уже и выходила в «лирики», душой была с «физиками» и хотела показать их с лучшей стороны: такими, какими она их от всего сердца любила. И вот она, когда рассказ был напечатан, послала его Эренбургу с надписью по-латыни: “*Audiatur et altera pars*” – Пусть будет выслушана и другая сторона.

Ещё по поводу этой «другой стороны». Е.С., которая сама была литературой пропитана насквозь, сказала мне как-то, что я напрасно думаю, мол, для того, чтобы быть умным, глубоким, интересным человеком, надо обязательно читать книжки. Что ей в

жизни приходилось общаться с множеством замечательных людей, интереснейших собеседников, с сильным интеллектом, глубоким и самостоятельным мышлением. А «художественная литература» в их жизни места почти не занимала.

Мне самой, честно говоря, в России с такими людьми встречаться не приходилось. Все друзья и коллеги и Е.С. и моего мужа Саши Вентцеля, которых я знала, – и офицеры, и математики – и «технари» из ВИНТИ, где я работала, – все читали и обсуждали прочитанное с утра до вечера, включая и рабочее время. А вот в Америке – другое дело. «Интересный человек» может читать «про путешествия», исторические мемуары, книги о религии и т. д., а о мировой литературе (включая свою собственную, американскую) иметь крайне смутное понятие.

* * *

В 1961 г. Паустовский задумал делать альманах «Тарусские страницы». Забегая вперёд, напомним, что альманах вышел в свет, и, несмотря на то, что чуть не весь тираж власти пустили под нож, до читателя он дошёл и остался в истории литературы: это было первое свободное издание такого рода, там были напечатаны стихи Цветаевой (впервые после многолетнего запрета на её имя), Коржавина, Давида Самойлова, повесть Окуджавы «Будь здоров, школяр», повесть Балтера «До свидания, мальчики» и много другого, свежего и интересного. Писатели, принявшие участие в создании альманаха, поселились летом 61-го года в Тарусе или постоянно приезжали туда из Москвы. Мама тоже была среди них – у неё было два очерка в альманахе – и мы поселились там на лето. Туда же приехала и Е.С. с годовалым внуком Серёжей и его няней. В Тарусе литература, можно сказать, обступала со всех сторон. Мы жили в домике, в котором жил за пару лет до этого Заболоцкий, а Елена Сергеевна снимала комнату у такой тётки Поли. Раньше там жила Надежда Яковлевна Мандельштам. Надежда Яковлевна и в это лето жила в Тарусе, но у других хозяев, а к тётке Поле по старой памяти заходила. Тётя Поля была из семьи раскулаченных, Советскую власть сильно не любила, да и горожан не очень-то жаловала. Говорила, что их всех бы отправить пожить в колхозы, чтоб знали, почём фунт лиха. Подружилась Надежда Яковлевна и с Е.С.. Как-то они сидели и разговаривали об американском лётчике Изерли, который сбросил бомбу на Хиросиму, а потом мучился совестью и в конце концов сошёл с ума. Тётя Поля прислушивалась к разговору, а потом спросила, кто такой этот Изерли, про которого они говорят. Е.С. и Н.Я. объяснили. И тогда тётя Поля сказала фразу, которую и Е.С. часто повторяла, и мы уж скоро полвека забыть не можем: «Большевики бы с ума не сошли!»

* * *

К новому 1962 году две наших семьи выпустили дома на манер Тарусских «Аэропортовские страницы». Эдакий самиздат тиражом в один экземпляр. Е.С. дала в сборник «ЗаПасные книжки Ильфа». Жанр ильфовских «Записных книжек» был схвачен ею абсолютно:

В литературе происходит перистальтика.

*

Надел смокинг, принял допинг, устроил киднапинг.

*

В семье все Александры. Путаница. Вместо того, чтоб разобраться, рожают новых.

И т. д..

* * *

Расскажу, как возник псевдоним Елены Сергеевны. Когда «За проходной» всё же собрался Твардовский печатать, встал вопрос о псевдониме. Е.С. с самого начала решила жёстко разграничить эти две свои ипостаси – писателя и учёного (причём преподавателя военной академии). Как мы знаем, это ей не удалось: конфликт в Академии (после тридцати двух лет работы там!) произошёл не из-за её служебной деятельности, а из-за литературной. Армия не могла ей простить повесть «На испытаниях» про офицеров на полигоне. «Где вы видели пьяного офицера?!» – кричал на неё замполит Академии. Е.С. рассказывала это по горячим следам, рассказывала с юмором, но ранила её вся эта история очень больно. Ирония была в том, что, как считала Е.С., офицеры-то были описаны в повести с любовью. Но вот – не угодила.

Возвращаюсь к выбору псевдонима. Сидели дома, в столовой и всей семьёй ломали голову над этой проблемой. Шли от имени Елена. Еленина? Еленская? Таня Вентцель вспомнила троянскую Елену и говорит: Елена Грекова? И тут-то Е.С. вдруг воскликнула: «Игрéкова!» И сразу стало ясно, что так тому и быть.

* * *

«Свежо предание» задумала Е.С. давно, но писала и закончила его уже при мне: в 1962 г. Расскажу, как Е.С. допустила меня в свою «писательскую кухню». Однажды она говорит: «Саша, я пишу роман. Дело происходит в конце двадцатых годов. Старик-еврей рассказывает мальчику-внуку про дело Бейлиса. Я очень много прочитала и знаю про этот процесс, но поймать интонацию такого рассказа – как старик-еврей рассказывает – не могу. У меня к тебе просьба. Есть у тебя в орбите какой-нибудь еврейский дедушка, который хорошо помнит дело Бейлиса? Вот если бы ты его попросила об этом деле тебе рассказать: мол, тебе это интересно. Он бы рассказывал, а ты слушала и запоминала. И пока в ушах у тебя рассказ ещё звучит, сразу бы приехала и мне теми же словами

пересказала. Я слышала, как ты передаёшь чужую речь: у тебя есть ухо. Мне бы это очень помогло.»

Я отнеслась к заданию со всей ответственностью. У меня была подруга Мариша Бергельсон, внучка еврейского писателя Бергельсона⁷⁶, которого расстреляли в 1952 со всеми остальными членами еврейского антифашистского комитета. Но у Мариши был другой дедушка, со стороны матери – тоже еврей и тоже писатель: Леон Островер⁷⁷. Его не расстреляли. Даже не посадили. Дедушка был замечательный, у нас с ним были очень хорошие отношения, и я решила со своей миссией обратиться к нему. Поехали мы к нему с Маришей и попросили рассказать про дело Бейлиса. Леон Исаакович согласился и рассказывал часа два: очень хорошо и подробно. Как и договорились, я тут же поехала к Е.С. и, как помнила, слово в слово, всё ей пересказала. Е.С. меня похвалила и сказала, что это то, что ей нужно.

И вот, что интересно: когда в романе доктор Рувим Левин рассказывает Косте про дело Бейлиса, его рассказ, разумеется, не повторяет рассказа Островера: он одновременно и короче, и что-то в нём дополнено, – и это же не монолог, а диалог – но интонация абсолютно та же. Поэтому, когда я перечитываю «Свежо предание» и дохожу до этого места, я всегда слышу голос Леона Исааковича.

Теперь уже читателю известно, что Е.С. отнесла роман в редакцию «Нового мира», что Твардовский печатать его отказался, но положил рукопись в редакционный сейф для легализации. Е.С. предлагали не раз передать его за границу, но она категорически отказывалась: говорила, что пишет не для заграницы, а для России, и только здесь это и должно быть напечатано.

Но и через тридцать лет, в разгар перестройки, издательства печатать роман не хотели: зачем, мол, когда теперь все эти (какие эти?!) документы и так напечатаны? В конце концов, шёл уже на убыль 1994 г., Е.С. было уже 87 лет, – если хотеть, чтобы она увидела эту книгу, надо было публиковать немедленно. Мы с Сашей жили уже тогда в Америке и решили там её и издать. Любимые ученики Е.С. Миша и Женя Файнберги, тоже уже «американцы», приняли участие в нашем проекте и в 1995 г. роман вышел в США в известном эмигрантском издательстве «Эрмитаж» тиражом в 500 экземпляров с замечательным послесловием писательницы Руфи Зерновой⁷⁸, давнего друга Е.С. Так что всё-таки сперва роман был «издан за границей.» Такая у него непростая судьба. Зато эта

⁷⁶ Д.Р. Бергельсон (1884 – 1952) – классик еврейской литературы на идиш.

⁷⁷ Л.И. Островер (1890 – 1962) – автор многих исторических повестей, окончил философский факультет в Кракове и медицинский в Берлине, участвовал в Первой мировой, в Гражданской и в Великой Отечественной войнах.

⁷⁸ Руфь Александровна Зернова (Зевина) (1919 – 2004) – писательница и переводчик.

публикация оказалась как бы плацдармом для издания романа в России: в 1997 издательство «Текст» опубликовало роман – и с тем же замечательным послесловием.

Возвращаюсь к первому, американскому, изданию романа. Соседи по даче Е.С. рассказывали нам, что когда увидели на столе у неё эту книгу и заахали, то Е.С. сказала: «Раньше я, наверно, очень рада была бы этой книге, а теперь что ж...» Поздно это для неё оказалось. Ничего не поделаешь...

Последнее, что хочу добавить к рассказу о всей этой эпопее с романом «Свежо предание». Хоть он и лежал в сейфе, но читатели у него были, и число их с годами росло. Пусть не так широко, но давала его Е.С. читать – сперва старым друзьям, а потом и новым, которых становилось всё больше – и литераторам, и, позже, миитовцам.

Многим, я знаю, давала читать роман моя мама; кое-кому и я давала (но только с разрешения Е.С.), безусловно его прочли и все сотрудники «Нового мира», и, наверно уж, кому-то тоже дали почитать. Как водится в таких случаях, с такими «опасными» рукописями, Е.С. несколько экземпляров много лет хранила в дружественных домах: один, я знаю, у Т.Ю.Хмельницкой в Ленинграде, другой – в семье моего дяди, того самого, что был её слушателем до войны. Они тоже, не широко, конечно, но давали его читать надёжным людям.

Роман читали и обсуждали и литераторы и нелитераторы, Родителям моим он нравился безоговорочно. Надежда Яковлевна Мандельштам считала его схематичным. Руфи Зерновой он нравился, но она (и не она одна) считала неприемлемым предуведомление Е.С.: «Автор по национальности русский.» И особенно ей казалась эта фраза дикой в американском издании. Поэтому, когда мы издавали роман в США, она нас с Сашей убедила эту фразу снять. Возможно, и зря мы это сделали: автор сам отвечает за свой текст, и не наше дело было вмешиваться. Но «Текст» эту фразу восстановил, так что в России издаётся и переиздаётся аутентичный авторский текст романа.

Математик В.А. Успенский⁷⁹ помнил сорок с лишним лет и напомнил нам недавно (мы не то, что забыли, а как-то не вспоминали об этом), что роман сначала назывался не «Свежо предание», а «Кривая Пеано». Помните, Николай Прокофьевич, старый профессор, сослуживец Кости Левина говорит: «Теперь у нас тоже есть черта оседлости. Только это – не обычная кривая, а кривая Пеано. Она проходит через каждую точку территории. И ни в одной точке не ясно: можно там жить или нельзя.»

⁷⁹ Владимир Андреевич Успенский (1930) – математик, лингвист, публицист, доктор физико-математических наук, профессор. Автор работ по математической логике, лингвистике, а также художественных произведений в жанре мемуарной прозы (по неМатематике).

Главное, на чём я хочу сделать ударение, это то, что роман не просто лежал мёртвым грузом в сейфе, а был частью пусть ограниченного, но живого литературного процесса.

* * *

«Свежо предание» – это литература. Но еврейскую тему и в жизни Е.С. переживала очень остро. Она говорила: «Если бы мне надо было прятать от погромов моих друзей-евреев под кроватью, моя кровать поднялась бы до потолка!» Это чистая правда. Но все проявления, как бы это сказать? – национального самосознания что ли, у русских евреев, её когда раздражали, когда огорчали, и всегда заставляли её ощущать какое-то душевное неудобство. Была она по этому поводу очень открыта, очень искренна. Вела с нами, евреями, разговоры на эту тему, всё пыталась нас убедить, что мы и не евреи вовсе, а русские. «Ну, какие вы с мамой евреи?» – говорила она мне.

Не так уж много евреев было в Академии Жуковского. Но когда не давали защитить кандидатскую её бывшему слушателю Борису Бродскому, получившему энцефалит в Корее, но героически продолжавшему работать, она всё вверх дном перевернула и добила-таки для него степени. Но это был единичный случай в её орбите. А вот когда она перешла в МИИТ, тут эти проблемы её обступили со всех сторон. И евреи-абитуриенты, которых не принимали в институт, и евреи-дипломники, которых не брали в аспирантуру. Особенно последнее её удручало. «Что ж получается, – говорила она, – я беру замечательных ребят в дипломники, защищаются они превосходно, но в аспирантуру их не берут, а я не могу помочь. Хоть не бери евреев в дипломники.» Но брала, конечно, и с аспирантурой помогала, как могла, и с защитой.

Признавала право евреев, которым ставили палки в колёса на каждом шагу, уезжать в Израиль (или Америку – всё равно), но переживала это каждый раз очень болезненно. Очень её утешал рассказ заведующего её кафедрой Леонида Ефимовича Садовского. Л.Е. вызвали к институтскому начальству и сказали: «До нас дошли слухи, что вы собираетесь уезжать в Израиль» – «Нет, – говорит Л.Е., – это ложные слухи. Я не собираюсь уезжать. Мне здесь очень нравятся две вещи»

– Какие?

– Теннисные корты и женщины.

Ещё когда никто из её детей и внуков не собирался никуда уезжать, она заранее предупреждала: «Имейте в виду, я никогда никуда не поеду. Здесь мои корни, и здесь я и умру.» И она считала, что и у русских евреев (которые на самом-то деле ведь и не евреи вовсе, а такие же русские, как и все...), корни в России. Куда же они едут?! Очень ей это было больно и тяжело.

Е.С. не терпела, чтоб на неё давили. Всё, что она делала, она должна была делать сама, по собственному желанию, по собственному решению, а не потому, что кто-то, пусть самые лучшие люди (тем более организации) за неё решили. Е.С. была очень щедрым человеком, помогала деньгами, подчас в очень больших размерах, многим людям. По собственной инициативе ежемесячно посылала перевод маленькому сыну эмигрировавшего друга-диссидента. Сын был не от жены, а от другой женщины. Друг не очень-то этого сына признавал, денег никаких на него не оставил и не присылал. Но у мальчика и мать умерла, он жил с бабушкой. «Не всё ли равно, чей он сын, – говорила Е.С. – Дети не должны страдать!»

Но когда в доме творчества к ней подошли собиратели денег на покупку дома в Сибири для кого-то из сосланных диссидентов и объяснили, что «все порядочные люди» дают и она должна, ей это не понравилось, и она отказалась, чем восстановила против себя какую-то группу писателей. Вспоминается эпизод из «Былого и дум». К Герцену в Лондон приехал польский эмиссар и сказал, что тот должен дать денег на польскую революцию. Герцен сказал: «Я никому ничего не должен.» И денег не дал.

Подал заявление на отъезд в Израиль математик, король самиздата Юлий Телесин⁸⁰. Остался, естественно, без работы. К Е.С. обратились с просьбой, чтоб она как член Союза писателей оформила его своим литературным секретарём, а то, неровен час, вышлют его из Москвы как тунеядца (а то и посадят: были и такие случаи). Е.С. отказалась: «Я его совсем не знаю, как же я могу это делать!» И опять нажила себе, ну не врагов, а судий, что ли. Но впоследствии доказала, что вовсе не прикрывала этой фразой страх, как кое-кто думал. Когда стал отказником любимый ученик Миша Файнберг, Е.С. немедленно оформила его своим секретарём. Кого хорошо знала, для кого хотела, для того и рисковала – а не по чьей-то указке.

Е.С. не подписывала никаких правозащитных коллективных писем. Говорила (цитируя кого-то): «Я с этим правительством не переписываюсь!» Но от себя лично послала письмо протеста в правление Союза писателей против исключения из Союза Солженицына. Это письмо теперь опубликовано.

Ходила к секретарю Союза писателей генералу КГБ Ильину просить за Галича, которого из Союза исключили. Вооружилась текстами галичевских песен, пыталась доказать, что Галич – «не антисоветчик». Вот взять, например, «Балладу о прибавочной

⁸⁰ Ю.З. Телесин (1933) автор шахматного учебника «Теория комбинаций» и нескольких книг по математике, профессор университета в Беэр-Шеве. В 1960-е годы активный участник диссидентского движения.

стоимости»: ведь она высмеивает не «Капитал» Маркса, а мещанина и обывателя. Но не подействовала эта логика на Ильина...

Однажды, в 70-ых годах, у нас в квартире раздался звонок. Я открыла. В дверь, как ветер, как вихрь, вдуло мужчину и женщину. «Мы Сахаров и Боннер, – сказали они. – Мы к Грековой.» Я постучалась к Е.С., она вышла, поздоровалась и провела их к себе в комнату. Там они разговаривали около часу, а потом так же, как ветер и вихрь, гости пролетели сквозь нас в дверь и на улицу. Е.С. рассказала, что они приходили с коллективным письмом к правительству против смертной казни. Она письмо не подписала, сказавши, что по её глубокому убеждению в некоторых случаях преступник заслуживает смертной казни, например, за растление малолетних. («Дети не должны страдать...»)

По словам Е.С., гости не обиделись, и они ещё долго разговаривали о жизни, науке и политике. Е.С. спросила у Андрея Дмитриевича, много ли пользы приносит его Комитет по защите прав человека. А.Д. ответил, что нет, немного, но всё равно он необходим.

Елена Георгиевна Боннер вспоминает в своих мемуарах, как они с А.Д. ходили с этим письмом по людям (Е.С. она там не упоминает). Е.Г. с горечью замечает, что все, кто отказывался подписывать, ссылались на какое-то Дело с большой буквы, которое пострадает, если они подпишут. Заметим, что Е.С. ни на какое «Дело» не ссылалась: просто не была против смертной казни, и всё тут. Меня в мемуарах Е.Г. задело лично вот что. Она пишет про одного из тех, к кому они приходили (и кто тоже не подписал): «Это был единственный дом, где нас покормили.» Должна сказать, что мы всегда всех кормим. Существует легенда: мне три года, приходит почтальонша, приносит письмо и собирается уходить, а я говорю: «А покормить тётю?!» Но как предложить поужинать вихрю и ветру?..

* * *

В предыдущей главке я упомянула Галича. Про Галича надо рассказать особо. С Галичем Е.С. познакомила моя мама в 1962 г., и они подружились сразу. Тем более, что оказалось, что близкий друг семьи Вентцелей полковник Владимир Борисович Соколовский учился вместе с Галичем в школе. В.Б. был одним из первых (может быть даже первым?) кто стал записывать его на магнитофон. У него были превосходные записи Галича. Галич (кроме нескольких посвящений Е.С.) предваряет одну песню и одно стихотворение упоминанием о том, как В.Б. и Е.С. вместе приезжали к нему в подмосковный сердечный санаторий.

Галич часто приходил к нам в дом с гитарой и пел. Саша Вентцель получил премию для молодых математиков, мы с неё купили «магнитофон системы Яуза», и этого

оказалось «вполне достаточно», чтобы записывать Галича. Магнитофоны тогда мало у кого были, и, если в дом «на живого Галича» звали только самых близких, то плёнки (не кассеты – катушки тогда!) с Галичем слышали от нас впервые многие и многие и в Москве, и в Ленинграде.

В период ещё «додиссидентского» Галича они написали вместе с Е.С. пьесу по её рассказу «За проходной». Пьеса называлась «Будни и праздники» и шла около полугода во МХАТе, пока в 1968 г. Галича не «запретили». Е.С. говорила, что неважно, получилась пьеса или нет (ей пьеса нравилась!), хорошо играют или нет, а главное, что её пьеса идёт под занавесом с чайкой! У неё это вызывало чувства непередаваемые. Она застала МХАТ с его великими, даже Станиславского видела в «Вишнёвом саду» в роли Гаева – говорила, что «система Станиславского» – примитивная, но актёр он был гениальный.

К работе над пьесой Е.С. опять меня подключила, и опять в качестве «уха». Она спросила, нет ли в моей орбите какого-нибудь филолога, настоящего учёного «из раньшего времени», который в ответ на мой вопрос о происхождении слова «собака» произнёс бы какой-то длинный и интересный монолог с различными ответвлениями, а я бы ей его пересказала. Она хотела, чтобы «физик» Чиф озадачил своих сотрудников монологом на сугубо филологическую тему. Я сразу решила, что это должен быть Пётр Саввич Кузнецов⁸¹, который читал нам историю русского языка. Было ему тогда чуть за шестьдесят, что по сегодняшним моим понятиям не так уж и много, но нам он казался глубоким стариком. Мы понимали, что он замечательный учёный, но лекции его воспринимали с трудом: он читал их не всегда внятно, иногда что-то быстро проборматывал, часто уходил в сторону, и следить за ходом его мысли было нелегко. Я думаю, что нам ещё рано было слушать его лекции – вот года через два мы бы уже были подготовлены к тому, чтоб из них вылавливать драгоценные наблюдения и глубокие идеи.

Я подошла к П.С. и спросила, откуда в русском языке такое слово – собака. Он в ответ произнёс замечательный монолог минут на сорок. Мне было очень обидно, что я одна его слушаю, так это было интересно и необычно – но сейчас я уже не могу воспроизвести эту лекцию во всех подробностях. Начал он с того, что допустимо сближение «собаки» с **собственностью**: **собака** призвана её охранять; тем самым это слово вступает в родство с индоевропейским корнем, представленным в слове «себя». С другой стороны, возможно, слово «собака» заимствовано нами у наших соседей скифов; это слово – не общеславянское: у поляков оно употребляется только в качестве ругательства и, вероятно, заимствовано у нас же. Потом Пётр Саввич, почему, уже не помню, рассказал

⁸¹ П.С. Кузнецов (1899 – 1968) – лингвист, один из крупнейших специалистов по фонологии и истории русского языка.

подробно, как топят баню по-чёрному; а кончил так (дословно!): «Собака на Руси считается нечистым животным, её в церковь не пускают. А кошку даже в алтарь пускают!»

Монолог этот в литературно обработанном виде (литература – это отбор!) вошёл в пьесу «Будни и праздники» и звучал со сцены МХАТа в течение полугода, пока спектакль не сняли.

Кроме того, Е.С. планировала, чтобы Чиф выписывал на доске слово «осёл» на разных языках, и просила меня как лингвиста дать ей список этих «ослов» на языках разных групп. Я пошла в библиотеку МГУ и обложила самыми разными словарями. С «русско-иностранными» словарями было всё просто, но на многих языках словари были только «иностранно-русские». С безнадёжной грустью я раскрыла бирманско-русский словарь со своим собственным, ни на что не похожим, алфавитом. Но вот какой необъяснимый случай: словарь открылся на странице с «ослом»! Я аккуратно переписала эти диковинные буквы, и Чиф смог написать «осла» и по-бирмански – такой уж он был эрудит!

Галич и Е.С. дружили семьями. Рита Вентцель, жена Миши Вентцеля, любимая невестка Е.С. (я не жалею, а просто констатирую факт, с которым я живу в полном мире много лет) вспоминает, как однажды Галич с женой, красавицей Ангелиной Николаевной (Нюшей) пришли к ним на Новый год. В этот Новый год дома у Вентцелей были только Е.С., Рита и Ритина подруга Инна. Галич пел всю ночь под гитару не свои песни, а как бы историю Советского Союза в песнях. Сначала революционные песни, потом гражданская война, потом НЭП... Когда он пел «Бублики», Е.С. и Нюша плясали что-то этому соответствующее, чуть ли не канкан, а Рита с Инной, свернувшись калачиком на диване, глядели на всё это, как в театре. Конечно, Рита могла бы об этом лучше написать. Да и о многом-многом другом ей есть что рассказать. Но Рита была ближе меня к Е.С.. Ей труднее писать о ней, чем мне. Может, когда-нибудь и напишет...

Когда Галич уезжал, Е.С. воспринимала это очень тяжело. Пошла прощаться к ним домой и, вернувшись, упала в обморок: мы с Сашей еле успели её подхватить.

На прощание она подарила ему свой крестильный крестик. Галич уезжал с этим крестиком на груди. Таможеники не пропускали его, потому что он был серебрянный. Но Галич заявил, что его этим крестиком крестили, и он без него никуда не поедет. Блефовал, конечно, но сработало: пропустили. Уж очень власти хотели от него поскорее избавиться.

В 1987 г. был первый вечер памяти Галича в России. Владимир Борисович Соколовский был одним из организаторов этого вечера. В зале было несколько сот (может, и тысяча?) человек, а ощущение, что все свои, знакомые. Удивительная была

атмосфера. Выступала на вечере и Е.С.. Очень хорошо говорила – как всегда, в общем-то: выступать перед большой аудиторией – это была её стихия. Рассказала и про крестик и закончила выступление словами: «С этим крестиком его и похоронили!»

* * *

Позволю себе сказать одну вещь, которая и так всем прекрасно известна. Но повторю ещё раз: Елена Сергеевна была совершенно уникальной личностью. Как мог один человек совмещать в себе столько талантов и умений – в голове просто не укладывается. Ну – замечательный учёный. Ну – и талантливый писатель к тому же. Не часто – но бывает. Хотя обычно, когда человек другой профессии становится писателем, он свою первую профессию бросает: Чехов, Булгаков, Аксёнов и т.д. Или не бросает, но пишет так себе. Таких тоже много. Елена же Сергеевна, за что бы ни бралась, достигала каких-то немыслимых высот. Детей было не один, не два, а трое. Да ещё годами жили в семье дети – племянники, двоюродные племянники, то с её стороны, то со стороны Дмитрия Александровича. И не просто дети болтались каким-то привеском, а занималась она ими так, как другая домохозяйка времени не найдёт заняться. В трудные времена обшивала их. Не только шила Елена Сергеевна, но и вязала (крючком). Я самолично видела образцы этого шитья и вязанья: уже для нашей с Сашей дочки Анюты. Грудной Анюте был сшит интереснейшего дизайна длинный мешок на пуговицах с рукавами, под названием редингот. Удобнейшая штука для перепелёнывания ночью. Ещё Е.С. связала ей не совсем носочки, а как бы ботиночки. Трёхмесячная Анюта поднимала ножки, глядела внимательно на эти ботиночки и пыталась до них дотянуться. «Вот не думала, что это уже для неё будет игрушка,»– говорила Е.С..

Когда Анюта была во втором классе, они ставили в школе «Волка и ягнёнка». Анюта была ягнёнок. Нашли чей-то тулупчик, Е.С. перевернула его овечьим мехом наружу, приделала хвостик – ну что говорить: ягнёнок и ягнёнок.

Для какого-то маскарада Е.С. придумала Анюте костюм бабочки. Сделала из проволоки крылья, чем-то ярким их затянула – бабочка и бабочка.

Анюта родилась в конце апреля. Близился август, а я и подумать не могла, чтобы куда-нибудь уехать из города. Это сейчас на дачах всюду благоустроенные дома городского типа. А тогда – без водопровода, без газа, готовили на керосинке. Это сейчас все младенцы в памперсах, а тогда пелёнки кипятили: куда ж из города двинешься? Но Е.С. строго сказала: «Я своих детей всегда на лето вывозила!» И добавила: «Не бойся, я поеду с вами и буду готовить.» И поехала с нами в Манихино (по Рижской дороге). И готовила на керосинке. Велела не просто ставить колясочку с Анютой на участке, а возить её по Манихину, где были и лес, и речка Истра, – «чтобы у ребёнка были впечатления.»

Е.С. и готовила превосходно. Подруга моя говорила: «Я не могу спокойно есть, что Елена Сергеевна готовит. Компот это компот: высыпешь всё в кастрюлю и вари; котлеты – это котлеты: раз, и на сковородку! И всё. А у Елены-то Сергеевны это не просто так, это акт творчества!» Шутки шутками, а действительно, Е.С. выдумывала какие-то невероятные кулинарные изыски. Однажды, накануне анютинового дня рождения, она объявила: «Мы сделаем тарталетки.»

– Что сделаем?

– Тарталетки.

Оказалось вот что. Е.С. испекла в формочках тестяные корзиночки, и мы все под её руководством заполняли их разными разностями (тарталетки были мясные, рыбные и сырные) и украшали зеленью, орешками, горошком и кусочками огурцов и помидоров. Это было и вкусно, но, главное, необычайно декоративно. Девочки, анютины одноклассницы, были так впечатлены, что попросили взять тарталеток домой – показать родителям.

Своим детям, а потом и внукам, Е.С. сочиняла стихи. И писала песенки, обычно, на классические мотивы. Детям – песенку про медвежонок на мотив «Трио» Чайковского:

Как ты мал, медвежонок,

Как ты глуп, медвежонок,

Ведь в реке, медвежонок,

Злая щука живёт!

Медвежонок купался в реке, и ситуация была опасная. Маленькая Таня, по преданию, в этом месте плакала и говорила: «Добра щука живёт!» Но Е.С. была не из тех родителей, что скрывают от детей превратности окружающего мира или, например, не дают читать сказки братьев Гримм, потому что они «страшные» (а правда, страшные!): щука продолжала оставаться злой, несмотря на танины слёзы.

Анюте Е.С. сочинила песенку про форель по Шуберту, опять про Мишку на мотив мазурки Гречанинова:

Белый Мишка

Ходит по дорогам

Ищет Мишка

Что-нибудь поесть, и т.д.

и десятки других песен и стихов.

Из стихотворений Е.С. для её детей многие дошли и до внуков. Например, стихи про «Шалости котят». Мать-кошка уходит из дому, оставляет котят одних, и они бесчинствуют. В варианте для детей кошка, уходя, говорила:

Колбаса лежит в буфете,
Вот вам, детки, по конфете,
А на кухне за окном
Два кувшина с молоком.

А поздний вариант, для внуков (вслед за общим прогрессом) был такой:

В холодильнике на кухне
Колбаса лежит и тухнет,
Вы не ешьте колбасу,
Я вам новой принесу!

В умении (и желании!) развлекать детей Елене Сергеевне просто не было равных. Сочинялись и ставились пьесы, выдумывались удивительные игры, рассказывались ни на что не похожие сказки. В семидесятых годах Е.С. даже составила целую книжку для детей под названием «Сказки дикой бабушки». Название идёт от высказывания Маршака: «Бабушки бывают домашние и дикие. Домашние сидят дома и нянчат внуков, а дикие бегают по редакциям.» Книжку Е.С. напечатать не удалось: жуткие дела происходили в этих сказках, и персонажи все были престранные: не Василиса Прекрасная, не Иван-дурак, и даже не крокодил Гена, а, например, Крыс-Одинец. Заглавия тоже были не в простоте: «Крыса-страдалица», «Кошка в неизвестности» и т.д.

Надо бы их всё же опубликовать, пока свободу печати не прикрыли.

Кое-что из детских вещей Е.С. всё-таки издала. Книжку стихов «Серёжка у окна» и небольшую повесть «Аня и Маня» про двух девочек в детском саду. Таким образом, три внука из четырёх: и Серёжа и Маша Шрейдеры – Танины дети, и Анюта – Сашина дочка, попали не просто в книги Е.С., а даже в заглавия. Мишин сын Андрей – в заглавия не попал, но из книги в книгу ходят два мальчика, два брата: один худой и серьёзный (Саша Вентцель/Серёжа Шрейдер), а другой толстый и весёлый (Миша Вентцель/Андрей Вентцель). Таню Вентцель надо искать «под фонарём».

Традиция семейных игр, разнообразных придумок, литературного сочинительства и домашнего театра идёт из детства самой Елены Сергеевны. У неё было два брата, и как в этой семье родители занимались детьми, видно из описания детства профессора Завалишина («Кафедра»), Фёдора Азанчевского («Фазан») и Кости Левина («Свежо предание»).

А какие Елена Сергеевна делала короны из фольги, какие хороводы из простого листа бумаги: как-то она его складывала, каким-то хитрым образом что-то вырезала, и глядь: хороводик! Какой угодно: хочешь – девочек, хочешь – мальчиков, хочешь – зайчиков, хочешь – медведей.

Однажды и я попробовала проявить фантазию в затейном деле. Близился очередной анютин день рождения: и она, и гости уже разбаловались, ждут чего-то необыкновенного. А чего?

Тогда очень популярно было «спортлото», про которое не даёт забыть строчка из песни Высоцкого «Бермудский треугольник»:

Если вы не отзовётесь,
Мы напишем в «Спортлото»!

Даже не купившие лотерейного билета садились «в час назначенный» у телевизора и смотрели, как катаются под музыку шары в резервуаре, и с замиранием сердца ждали, с каким же номером выкатится в дырочку шарик. Теория вероятностей – вживе.

И вот я подумала, а что если устроить «СТИХлото». Как-то (как?) какие-то (какие?) шарики с номерами катать (где?), каждому чтоб выпало (каким образом?) два нечётных номера и два чётных, а заранее будут написаны (тут я знала кем – Еленой Сергеевной) сорок девять (сколько номеров – видов спорта – в «Спортлото») смешных стихотворных строчек, где все нечётные строчки рифмуются между собой, а чётные – между собой. Каждому из детей выпадает (но как?!) два нечётных и два чётных номера, и вот он получает своё личное смешное четверостишие. Весь этот проект я поведала Е.С. и Саше. Но «технического задания» на него у меня не было и в помине. Одни голые идеи. Тоже ведь немало. Говорил же мне один знакомый математик о своём соавторе: «Все задачи ставлю я, он только их решает!» Елена Сергеевна сказала мне сурово: «Ты ничего не умеешь сама делать, но ты умеешь организовывать!»

Проект внедряли в жизнь Е.С. и Саша. Купили два огромных сита и сорок девять пинг-понговских мячиков. Написали на них номера. Пылесос был. Мячики лежали в сите (чётные в своём, нечётные в своём) и поддувались снизу пылесосом. Эффект был потрясающий: спортлото да и только. Но дырявить сита Е.С. не позволила (ещё чего!), шарики не выкатывались в дырочки, а вынимались с закрытыми глазами. Но стихи! Какие были стихи! Хохот стоял непрекращающийся. За недостатком места не буду приводить все сорок девять строчек, хотя они того стоят, но одно четверостишие, составленное случайным образом из двух «нечётных» строчек (они все рифмовались на «-ается») и двух «чётных» (кончающихся на «-ет») для примера привожу:

Кто на Пасху красил яйца?
Не хватает двух котлет.
Кот на яблоке катается,
Восемь бед – один ответ!

Конечно, любой может зарифмовать сколько угодно бессмысленных строчек – но у Е.С. каждая (каждая!) была смешная и талантливая. Достаточно сказать, что был на этом дне рождения восьмилетний вундеркинд Митя Кузьмин⁸². Он к своим восьми годам прочёл уже уйму книг, но только прозу. Стихов не любил. Но тут у него глаза открылись. Как у испуганной орлицы. Он понял, что такое стихи. Пошёл домой и написал своё «стихлото» – двадцать пять строчек на «ук», и двадцать четыре – на «ая». Помню только две строчки:

Хорошие линзы точил Левенгук.

У Вентцелей дочка шальная.

С той поры он только и делал, что писал стихи (уже не «стихлото», а прямо-таки стихи), ныне он член Союза писателей, известный поэт Дмитрий Кузьмин, составитель и издатель всевозможных поэтических антологий и глава поэтического общества «Вавилон». Вот что делает с людьми истинная поэзия!

Я и половины талантов Е.С. не перечислила. Но на это нужны целые тома. А вот вопрос – как она всё это успевала? Когда я познакомилась с Е.С., у неё была в Академии нагрузка сорок часов в неделю! К каждому восьмому марта (о, как ненавидела Е.С. этот праздник и как обрушивалась на всех, кто пытался её с ним поздравить!) кто-нибудь брал у неё интервью и, конечно, задавал этот сакраментальный вопрос. Е.С. всегда отвечала одинаково: «А я не успеваю.» Она всегда объясняла, что на женщине лежит и как ей всё это трудно, и, что если женщина чего-то добилась, если у неё и дети, и работа, и она всё это тянет, значит есть кто-то в семье, кто помогает: няня, бабушка, незамужняя тётя, наконец, кто угодно. Е.С. очень ценила повесть Баранской⁸³ «Неделя как неделя», где женщина пытается воспитывать двух маленьких детей без няни и без бабушки (муж, правда, есть...) и к тому же работает. Такая ежечасная борьба с жизнью. Очень была знаменитая книга конца шестидесятых. Е.С. была знакома с Баранской, Они друг друга хорошо понимали. «Рожать надо только мальчиков, – говорила Е.С. – Девочкам так трудно на этом свете...»

Бывали у Е.С. и няни, и домработницы. Но в Свердловске, куда во время войны эвакуировали Академию, ни нянь, ни домработниц не было. А была служба, семья, тяжёлый быт, голод на пороге. (Читай рассказ «Под фонарём».) Е.С. ездила там на поезде в деревню менять вещи на картошку. На обратном пути в вагоне места не было, она ехала с мешками в тамбуре (тоже переполненном), и её пытались столкнуть на ходу с поезда. Она вцепилась в поручни и сама с удивлением слышала себя как бы со стороны, как она

⁸² Дмитрий Владимирович Кузьмин (1968) – поэт, литературный критик, литературовед, издатель, переводчик, лауреат премии им. Андрея Белого. (Прим. Г.,Л. Редактор и издатель настоящего сборника.)

⁸³ Н.В. Баранская (1908 – 2004) – писатель и литературовед, упомянутая в тексте повесть опубликована в 1969.

кричит: «Пустите, пустите, я жена генерала!» – «Понимаешь, – говорила она мне с недоумением, – никогда не знаешь, что в такую минуту закричишь.»

«Почему ты не защищаешь диссертацию?» – спрашивала она меня. Я оправдывалась, ссылаясь на «объективные причины». «Я, – отвечала Е.С., – писала кандидатскую диссертацию во время войны, на кухне, ночью, при свете свечи.»

Крыть было нечем.

* * *

Что удивительно – это что я, живя в семье у Вентцелей, не приобрела комплекса неполноценности. Не только Е.С., но и Саша, и Таня всё меня тыкали носом куда-нибудь: «Как, ты этого не читала?», «Надо говорить не «вряд ли», а «врядТ ли»,» «Как ты произносишь? Это не французский!», «Что ты написала? Это вообще не немецкий!», и т. д. Но почему-то как-то это всё было для меня как с гуся вода.

«Как, вы это не читали?» – Е.С. говорила людям часто. Не только меня она этим шпыняла. И все мы своего невежества стыдились. Но однажды Е.С. наткнулась на совершенно неожиданную реакцию. Она работала со своим миитовским дипломником и по какому-то поводу ему сказала: «Суди, дружок, не свыше сапога!» Тот не понял. Е.С. восклицает: «Как, вы не знаете? Это же Пушкин! Как можно этого не знать!» А студент говорит: «А что ж здесь такого? Вы же вот, наверняка, не знаете, кто такой Штирлиц. Я же вас не попрекаю этим.» Е.С., действительно, о Штирлице и не слыхивала, «Семнадцать мгновений» не смотрела, телевизор вообще ненавидела (помните, профессор Завалишин слышит в соседней комнате «гадкий гусиный голос диктора»?). Пришла домой смущенная и попросила, когда будут повторять «Семнадцать мгновений», ей сообщить. Мы сообщили, и Е.С. с нами посмотрела несколько серий. Даже без особого отвращения. Плятт и Евстигнеев ей понравились, но Тихонов – нет. Е.С. утверждала, что он «противный». Что ж тут удивительного: ей и Грегори Пэк («Римские каникулы») не нравился.

* * *

Георгий Львович Эпштейн недаром пишет, что Е.С. могла вдруг каким-то высказыванием огоршить, ошарашить. Добавлю: иногда крайне нелестным для собеседника высказыванием.

Вдруг, ни с того, ни с сего возьмёт и скажет мне: «У тебя ноги некрасивые. Руки – красивые, а ноги – нет!» Подруги мои, бывало, кряхтели. Одной Е.С. скажет: «Как ты сегодня растрёпана... Что у тебя за причёска?», другой: «Как ты нарядилась сегодня – это уж слишком!»

Но зла на Е.С. никто из нас не держал, никто не копил обид, все – и я, и мои подруги, и мои родственники Елену Сергеевну любили, у всех были с ней какие-то свои личные отношения. Конечно, все уважали и ценили в ней и талант, и интеллект, и артистичность, но главное, главное было, как она себя вела в трудные для нас, драматические и даже трагические минуты – каких у каждого в жизни бывает достаточно. Она вела себя всегда в такие минуты безупречно: высоко и благородно.

В 1964 году осенью мою маму уложили в больницу с подозрением на желтуху, но оказалось, что это рак поджелудочной железы. Тогда не говорили больным такого диагноза, стали скрывать и мы. От мамы и от не самых близких родственников и друзей. Е.С. мы, конечно, сразу сказали бы, но дело в том, что как раз в эти дни ей после долгого периода жутких приступов вырезали, наконец, жёлчный пузырь. Она тоже лежала в больнице. После очень тяжёлой операции. Состояние у неё было так называемой средней тяжести, врачи не велели её волновать, и мы ей тогда не сказали. Сказали, может, недели через две-три. Е.С. страшно на нас рассердилась, что мы не сказали ей сразу же. Как мы могли? Саша говорит: «Мы боялись, что у тебя шов разойдётся.» – «Знаешь, – говорит Е.С., – бывают такие вещи, что если от того, что их узнаешь, шов может разойтись, значит, пусть шов разойдётся!» И мы это навсегда запомнили.

Очень чётко Е.С. разграничивала главное и неглавное. Главное – жизнь и смерть, семья (дети, дети!), работа. Не знаю, наверно, любовь тоже. Но, мне кажется, где-то после работы и семьи.

И вот когда у окружающих – не всегда даже близких – были проблемы в главном – она включалась полностью и помогала, как могла. А уж если у близких... У меня было очень много тяжёлых событий в жизни, и всегда рядом была Елена Сергеевна. Не знаю, чтоб я делала, если б её не было. Знаю, что то же и Рита может сказать, а ведь мы не были её детьми, были всего лишь невестки; свекровь, она вроде злая должна была бы быть, да? А у нас с Ритой – наоборот.

После маминой смерти папа⁸⁴ был в очень тяжёлом состоянии, долго не мог войти в жизненную колею. С большим трудом возвращался к работе. Малые формы – пародии, эпиграммы – понемногу пошли. Но он задумал написать сценарий (отнюдь не первый в жизни: например, в его активе был сценарий фильма «Весна» с Любовью Орловой) по любимой книге своей юности: Н.Огнев, «Дневник Кости Рябцева». О школе двадцатых годов. И заключил договор с киностудией. Ему выдали аванс, а сценарий не пишется. Не идёт, и всё тут. И вот наступил такой день, что если через две недели не представить

⁸⁴ Александр Борисович Раскин (1914 – 1971) – писатель, автор нескольких сборников пародий и эпиграмм, книг для детей.

сценарий, то аванс придётся возвращать. Папа был всем этим страшно подавлен. И вдруг Е.С. говорит ему: «Александр Борисович, давайте я попробую этот сценарий написать. Я тоже люблю «Костю Рябцева», и в те же годы училась в школе, я прекрасно это время помню. Сценариев я никогда не писала, но могу попробовать. Вряд ли мой текст пустят в производство, но аванс возвращать, надеюсь, не придётся.»

Папа просто онемел от такого предложения, но принял его с благодарностью. Через две недели сценарий был готов. Это был не просто текст Огнева, переведённый в диалог. Е.С. целые куски писала «от себя». Это ни в коем случае не была халтура, это был, что называется, добротный текст. Я, например, его читала с интересом. Но с кинематографической точки зрения он, возможно, каким-то требованиям не отвечал. Как и предполагала Е.С., сценарий в производство не пошёл, но аванс возвращать не пришлось. Что и требовалось доказать. Вот сейчас пишу, и просто не верится, что Е.С. такой подвиг совершила.

Впоследствии Е.С. оригинальных сценариев или пьес не писала (если не считать пьесы про зверей для детского сада), свои вещи никогда одна не инсценировала и не экранизировала: всегда в соавторстве с профессионалами – сначала с Галичем, потом – с Павлом Лунгиным. Но всегда хотела в этом участвовать, говорила: «Отдашь драматургам права, а они там такого понапишут!..»

* * *

Как я уже говорила, у Е.С. на её шкале ценностей на одном из первых мест стояла работа. Поэтому, когда после аспирантуры в моём институте научной и технической информации (ВИНИТИ) меня не могли взять обратно в мой любимый отдел семиотики, где занимались высокими материями, и про который замдиректора Чёрный (действительная фамилия, а не как в рассказе Е.С. «Без улыбок» – символическая) говорил: «Мы тоже хотели бы изучать стиль Мандельштама, но нам дело делать надо» и поэтому ставок им не давал, – Е.С. переживала это вместе со мной, чуть не так же болезненно, как я. Я пыталась, как та лягушка, сбивать масло в кувшине со сметаной, но явно шла ко дну.

Я рисковала вообще остаться без работы, но тут в одном из отделов ВИНИТИ, где проектировали информационную систему по геологии и где все сплошь были геологи, и сам начальник тоже геолог (в Китае все люди китайцы и сам Император тоже китаец), понадобился лингвист для категоризации геологической лексики, и Чёрный дал им ставку (там «дело делали»).

Начальник отдела Кристальный (действительная фамилия) вызвал меня, поговорил со мной и сказал: «Слушайте, ну что вам дался этот отдел семиотики? Идите к нам, нам

лингвисты нужны.» И что ж мне теперь – делать систему по геологии? Вместо выяснения глубинных законов языка и поиска лингвистических универсалий в «Семиотике»?! Я пришла домой в полной депрессии. Е.С. выслушала меня и сказала: «Знаешь, по-моему, надо идти туда, где тебя хотят.» Вот как-то так она умела вытащить самое главное и сформулировать, что становилось непреложно ясно: так оно и есть.

Я завидела свет, пошла в отдел к Кристальному. Им был в диковинку живой лингвист, мне были в диковинку живые геологи, все были молодые, нам было вместе интересно, и, хоть и не приходилось коменданту нас после рабочего дня выгонять из здания, я лет семь была там вполне счастлива.

А были вещи не главные. Пожалуйтесь Елене Сергеевне – и никакого сочувствия. «Какая ты суетная, – говорит, – тебе важно, что о тебе люди думают!» Боюсь, что до этой фразы я думала, что «суетный» это суетливый. Ан нет, суетный – это не от слова «суетиться», а от слова «суета» в смысле придавания важности неважным вещам. «Суета сует и всяческая суета.»

* * *

Но я пишу, как вспоминается, перемежая «главные» вещи, может, и «неглавными», но дорогими.

Теория вероятностей всё время в семье Вентцелей где-то подспудно существовала и время от времени выныривала в повседневную реальность.

Пятилетний Серёжа спросил у Тани: «Мама, как рождаются дети?» Она как-то растерялась и говорит: «Пойди, спроси у бабули: у неё целых трое детей, она лучше знает.» А «бабуля» не растерялась и мгновенно ответила: «Чисто случайно!» И ведь правда же! Вот что значит специалист.

Ещё эпизод. Таня решила вязать из трёх цветов шерсти (розовый, серый и чёрный) «случайный» свитер. Е.С. и Саша вывели формулу, по которой вычислялось, сколько петель и какой шерстью каждый раз вязать. В формулу входили случайные числа – их получали путём бросания костей. Так и вижу серьёзную Таню с вязаньем, время от времени кидающую кости.

Десятилетняя Анюта однажды угадала в «Спортлото» четыре цифры из шести. Первый раз мы купили ей билетик, и вот – новичкам счастье! – выиграла она ни много, ни мало 89 рублей (для справки: я получала в месяц 120 р.). Деньги это были для ребенка огромные.

Мы уговорили Анюту купить за 40 рублей микроскоп, а остальные – пустить на подарки, так что этическая проблема – ребёнок и деньги – была решена. Но осталась другая. Мы испугались, что Анюте понравится, и она будет всё время просить покупать ей

билетики – не накупишься! Но неожиданно для нас Анюта сказала, что больше никогда (!) не будет играть в «Спортлото». «Понимаешь, – сказала она мне, – все теперь будут ожидать от меня, что я опять выиграю, а вероятность опять отгадать 4 цифры очень маленькая: всего одна тысячная!» – «Откуда ты это знаешь?» – «А мне бабуля дала формулу и объяснила, как ей пользоваться. Я и подсчитала.»

* * *

Первые пять лет моего замужества у нас с Е.С., почитай, что и не было конфликтов вообще. А вот когда родилась Анюта, трения, конечно, начались. У нас во многом были разные взгляды на воспитание. Анюта была очень обидчивая, а Е.С. её часто подкалывала. Иногда справедливо, а иногда и не очень. Анюта плакала, я возражала. Е.С. говорила: «Ты её обкладываешь подушками, а мир вокруг очень суровый: никто с ней так цацкаться, как ты, не будет. Она должна быть к этому готова.»

Меня этот довод не очень убеждал: мальчиков, возможно, ожидает армия, так что ж, им с детства казарму устраивать?

Я Анюту обычно уговаривала, объясняла, почему надо так сделать, а не эдак, а Е.С. считала, что ребёнок должен знать слово «нет». «Нет» – и всё тут. Без всяких объяснений.

И так далее.

Но вот что интересно. Все обиды «от меня», с самого раннего возраста, Анюта помнит, как сейчас, и при случае мне поминает, а никакие детские конфликты с бабушкой в памяти не остались – один сплошной праздник. А как Анюта постарше стала, так вообще началась у них с Е.С. взрослая дружба. Е.С. давала ей читать рукописи своих новых вещей раньше, чем нам. Анюта этим очень гордилась. Е.С. много рассказывала ей о своём детстве, и вообще о многих случаях из своей жизни. Анюта помнит все эти разговоры чуть ли не дословно. Может, и она когда-нибудь о них расскажет.

Но, конечно, мы с Е.С. подчас тащили её в разные стороны. Такой, например, был смешной эпизод. Семилетняя Анюта пошла в школу. Возвращается как-то и рассказывает про одну «очень плохую» девочку. Е.С. решила раздвинуть её нравственные горизонты и говорит: «Ну что значит «очень плохая»? Чем-то плохая, чем-то хорошая. В каждом человеке есть что-то плохое и что-то хорошее. Вообще полностью плохих людей нет!» Анюта всё это выслушала, подумала и говорит: «А что, есть только плохие народы?»

Надеюсь, понятно, что это я в неё впихивала, как и в меня когда-то впихивали: «Нет плохих народов, есть только плохие люди.»...

И, чтоб уж закончить про Е.С. и Анюту. Анюта вспоминает, как ей было четыре года, и ей сказали, что Е.С. будет выступать по телевизору. Какой-то это был, по-моему, круглый стол типа «Человек и машина». Подошло время, все мы, и Анюта, в том числе,

уселись перед телевизором. Началась передача, и на экране появилась Е.С. Анюта её радостно узнала и с энтузиазмом приготовилась слушать. Е.С. заговорила, и говорила довольно долго, но Анюта не поняла НИ ОДНОГО слова. Это её поразило необычайно.

* * *

Е.С. говорила: «Я не считаю, что нет явлений, не познанных наукой. Я, например, считаю, что будущее может отбрасывать тень на настоящее.»

Я не знаю, отбрасывает ли вообще будущее тень на настоящее, но не исключаю такой возможности лично для Е.С.. Интуиция у неё была просто феноменальная: и на будущее, и на настоящее.

Расскажу такой случай. Е.С. жила тогда в своей квартире в академическом доме с Мишей, Ритой и маленьким Андреем. Рита пошла работать, и Андрею искали няню. Приятельница Е.С. сказала, что у неё есть знакомый, Борис, фотограф из Балашихи. Его двоюродная сестра приехала из Ялты поступать в институт, не поступила и хочет остаться в Москве до следующего лета. А жить негде. Она пошла бы в няни. Долго ли коротко, взяли в няни эту ялтинскую Нину, молодую красотку. Вскоре пришёл к ней в гости Борис из Балашихи. Вёл себя, вроде, нормально. Я его не видела. Саша видел. «Саша, – спрашиваю, – какой он был на вид?» – «Советский,» – отвечает Саша. Больше я ничего от него добиться не могла. Когда этот Борис ушёл, Е.С. сказала Рите и Мише: «Чтоб он никогда больше здесь не появлялся. Мне тяжело рядом с ним находиться. Я не могу дышать одним воздухом с этим человеком!» – «Как, – говорят они. – Как это можно? Ведь это её двоюродный брат!» – «Никакой он ей не двоюродный брат!» – «Да откуда ты знаешь? А если даже и не брат, так что мы, рабовладельцы, что ли? Будем ей запрещать видаться, с кем она хочет?» В общем, Миша с Ритой вступились за права этой Нины. Е.С. в правозащитную полемику вступать не стала и пустила в ход тяжёлую артиллерию. «Квартира, – сказала она, – на моё имя, и я запрещаю ему здесь появляться!»

В эту зиму страшные слухи ходили по Москве. То тут, то там происходили загадочные убийства молодых женщин. В Энергетическом институте нашли на чердаке двух убитых студенток. Средства массовой информации, как водится, хранили молчание. Но к весне атмосфера разрядилась: в какой-то из газет появилась статья обо всех этих убийствах, и было написано, что убийца найден, им оказался некто Борис Гусаков, фотограф из Балашихи. Выяснилось, что всего он убил двадцать восемь женщин. Но одну недоубил, оставил в сарае, ей удалось оттуда выбраться, и всё раскрылось.

Насчёт того, что он не был двоюродным братом няни Нины, тоже, конечно, оказалась Е.С. права, но это уж другая история. Также эффектная, но я её опускаю.

* * *

Слушая наши рассказы о каких-то разговорах, на работе, в лифте, на рынке, в автобусе – Е.С. нередко говорила: «Это я беру. Разрешаешь?» Старушка одна простая рассказывала мне историю из какого-то, по-моему, довоенного времени, как «начальник подавился творогом.» Захрипел и всё – нет его. Е.С. прямо дословно это вставила в «Маленького Гарусова». Очень ей это почему-то пришлось. Шофёр такси рассказывал мне, как выдавал замуж трёх своих дочек: «А третью, думал, лучше всех выдал – за еврея: евреи, говорят, не пьют, а этот получку домой не приносит, всю пропивает. Я ему говорю: «Валя, ты не еврей, ты выродец из евреев!» » И вот старик Гиндин говорит своему сыну, генералу («На испытаниях»): «Ты не еврей, ты выродец из евреев!» Правда, редакторы этого не пропустили... Сослуживица моя из города Горький вспоминала, как мачеха ей говорила: «Стирают руками, а не мылом.» Так говорит комендантша из «Кафедры». Всего и не упомнишь.

Но если хотели вы, чтоб что-то «попало в книжку», надо было действовать тактично. Я уж говорила, что Е.С. не терпела, чтоб ей что-нибудь навязывали: она всегда должна была сама делать выбор. И вот однажды я ей неосторожно говорю: «Знаете, какая, оказывается, есть специальность? Вышивальщица знамён! По-моему, это прямо для вас, для какой-нибудь вашей книжки.» Е.С. возмутилась страшно. «Ты что думаешь, – говорит, – что я для того и существую, чтоб вставлять твои дурацкие фразы в свои книги?!»

Но и после этого вставляла. И, конечно же, не только мои истории. Всё шло в дело. Одна Ритина история, например, целиком легла в основу рассказа Е.С. «Скрипка Ротшильда». Там Рита выведена под своим именем – Рита Петровна.

Одна из таких подслушанных историй откликнулась через много лет. Весной 2002 г. во многих эмигрантских газетах появились статьи о Е.С.. В одной нью-йоркской газете появилась статья «Её звали Елена Сергеевна Вентцель». Автор Римма Харламова упирала на то, что её отец работал вместе с Е.С. в лаборатории, которая описана в «За проходной», и поэтому она знает всё о её биографии и личной жизни. И сообщила читателям следующее: «А ведь с академией Жуковского Елену Сергеевну связывал не только «академический» интерес. Совсем девчонкой она пришла туда работать... гардеробщицей. И училась на вечернем. И там познакомилась с совершенно необыкновенным человеком – профессором, генералом Дмитрием Вентцелем».

Легенд про знакомство Е.С. с Дмитрием Александровичем ходило множество. Меня не раз спрашивали: «А правда, что...» Дальше шёл какой-то апокриф, где всегда сохранялся некий, как говорят литературоведы, инвариант. Обязательно Д.А., будучи уже

генералом, вытаскивал Е.С. из каких-то низов и подымал до себя. Обычно Е.С. бывала или кассиршей или официанткой, но обязательно очень хорошо и быстро считала в уме, чем обращала на себя его внимание. С сюжетом гардероба мы столкнулись впервые. И впервые с апокрифом – не в устно-фольклорном, а в печатном варианте.

Мы с Сашей сели и составили от него письмо в эту газету. Саша писал, что благодарен автору за тёплые слова о Е.С., но что в статье есть ряд неточностей. Что Е.С. познакомилась с Д.А. (тогда ещё не генералом) так-то и так-то, кончила к тому времени физмат Ленинградского университета и работала в вычислительном бюро. Что гардеробщицей она никогда ни до, ни после не работала. Что он сообщает это для восстановления истины, а не потому что Е.С. была бы оскорблена таким предположением. Что Е.С. как писателя интересовали люди самых разных профессий, не только научные сотрудники, а и, скажем, парикмахеры и гостиничные администраторы. Не избежали её внимания и гардеробщицы. Однажды Е.С. пришла домой и рассказала о диалоге двух гардеробщиц в МИИТовской раздевалке. Одна спрашивала: «Ты что больше любишь, подавать или вешать?»

– Подавать.

– А я – вешать.

И что диалог этот нашёл место в рассказе Е.С. «Без улыбок».

Письмо газета напечатала, так что истина была восстановлена. Но оказалось, что и мы были не совсем точны. Таня Вентцель напомнила нам, что это она в раздевалке МГУ услышала этот диалог и рассказала его Е.С.. А та сказала: «Беру! Разрешаешь?»

* * *

Я в этих воспоминаниях расхвасталась: и «За проходной»-то я придумала напечатать, и выполняла-то я литературные поручения Елены Сергеевны, и фразы для её произведений подыскивала. Но пришла пора рассказать о том, как я её подвела: загубила её литературный замысел на корню.

Однажды Е.С. говорит мне: «Саша, я задумала книгу: «Моя свекровь. Моя невестка» Это о том, как я была молодая, и как моя свекровь казалась мне осколком какого-то старого, ушедшего мира, и как она меня раздражала, как она меня не понимала, как я её не понимала. И как теперь, когда её уже нет, а я сама свекровь, я её понимаю гораздо лучше и в чём-то чувствую свою вину перед ней. И о моих отношениях с женщиной нового, следующего за мной поколения, моей невесткой. И невестка эта будешь ты. Но ты не бойся, я ничего плохого о тебе писать не буду: просто мне нужен твой образ для того, чтобы описать эту мою двоякость: что я и невестка, и свекровь одновременно.»

Я пришла в ужас. Да пусть даже Е.С. изменит все имена, всё равно будет понятно, что невестка это я. А я суетная: да, мне не всё равно, что обо мне люди думают. Как это я могу позволить выставить себя напоказ? И что это значит: «ничего плохого не напишу»? Если правду писать, то и плохое надо, а если неправду – тогда зачем вообще писать?

«Елена Сергеевна, – говорю, – а почему это должна быть я? Почему не Рита? Вы ведь уже про неё писали в «Скрипке Ротшильда»!»

«Нет, – говорит Е.С., – я хочу именно тебя вывести. А если ты не разрешаешь, то я эту вещь вообще писать не стану»

И я не разрешила. И у меня это всю жизнь как заноза. То я думаю: «Господи, ну разрешила бы, что уж такого было бы ужасного? А всё-таки не взяла бы такой грех на душу.» А то обливаюсь холодным потом, как подумаю, что могла бы я (и другие!) о себе прочесть...

Я теперь понимаю, да и тогда, наверно, понимала, почему Елене Сергеевне в задуманной ей книге на роль невестки не годилась Рита. Рита была для неё не невестка. Она была дочка. С ней она жила последние двадцать лет. На неё опиралась в старости и немощи. Мы уехали, а Рита была с ней бессменно. Последние месяцы жизни Елены Сергеевны при ней были неотлучно не дочь и невестка, а две дочки: Таня и Рита.

Мы с Сашей приехали за две недели до конца. Успели только проститься...

По крайней мере, мне хочется думать, что я про свою свекровь ничего такого не написала, что ей было бы обидно или неприятно. Ни я, ни мои друзья никогда не воспринимали её как осколок старого мира. Она жила, радовалась и печалилась рядом с нами и вместе с нами. И всем нам бесконечно повезло, что она у нас была. Я старалась написать так, чтобы те, кто её знал, её вспомнили, а кто не знал, – увидели.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей.....	3
Я, Вентцель Елена Сергеевна	4
Эпштейн Г.Л. Елена Сергеевна Вентцель	5
И. Грекова. Автобиографические фрагменты.....	20
И. Грекова. Ленинградский университет в 20-х годах.....	22
Гладков Д.И.Дмитрий Александрович Вентцель.....	41
Моисеев Н.Н. Староконюшенная Академия и профессор Д.А. Вентцель.....	50
Монсик В. Б., Овчаров Л.А. Е.С. Вентцель в академии имени Н.Е. Жуковского.....	59
Из стенограммы обсуждения повести И. Грековой.....	64
Гутчин И. Б. Из книги: «Жизнь вкратце».....	81
Погожев И.Б.Елена Сергеевна Вентцель и «банда эффективщиков».....	89
Мудров В.И. Елена Сергеевна Вентцель глазами ученика.....	105
Мышкис А.Д.Единомышленники.....	116
Гастелло В.Н. Испытание двадцатым веком.....	128
Хмара П.Ф. Наша Елена Сергеевна.....	132
Воспоминания и реплики: Адамышев В.И., Самохвалов С.Н., Брыскин В.В., Цимбал В.И., Козлов Б.И., Лапцевич Н.В.....	149
Файнберг Е.А. О Елене Сергеевне.....	155
Файнберг М.А. Из интервью русской редакции радиостанции ВВС.....	163
Зернова Р.А. Долгожданная встреча.....	166
Кузьмин Д.В. Свежесть предания.....	173
И. Грекова. Из писем рижским литературоведам (1969 – 1978 г.).....	175
Ответы И.Грековой на вопросы анкеты Института русского языка АН СССР.....	187
И. Грекова. Из интервью газете “Дубна”.....	196
Письмо Вениамина Каверина.....	199
Письмо Марианны Гроссманн.....	202
Кузьмин Д.В.Памяти Е.С. Вентцель.....	203
Озерова К.Н. Всё, что талантливо и правдиво.....	206
Ицкович С. Между прошлым и будущим.....	209
Владимирский Б., Яновская Г.Н., О спектакле «Вдовый пароход».....	213
Раскина А.А. Моя свекровь.....	216